

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 4

Academic Journal

Series

History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies

Moscow

2015

ВЕСТНИК РГГУ
№ 4

Научный журнал

Серия «История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2015

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)
ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Кали, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Дебарделлебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Ун-т Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), И. Клюканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ВНИИДАД), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), С. Масамичи (Ун-т Чуо, Япония), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Ун-т Белостока, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), Е. ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), С. Рапич (Ун-т Вуппертала, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглессон (Ун-т Ратгерс, США), И. Фолт-ыс (Политехнический ин-т г. Ополе, Польша), Т.И. Хорхордана, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаплина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., проф. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.Ф. Козлов, канд. ист. н., проф. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мешеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИРЯ РАН), И.С. Смирнов, канд. филол. н., проф. (РГГУ), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), А.С. Усачев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД РФ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Ю. Бит-Юнан, канд. филол. н. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ)

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2015

ISSN 2073-6355

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

- А.Г. Готовцева*
«Откровением естественных вещей»: развитие естественнонаучных знаний в России середины XVIII в. и русская журналистика («Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие») 9
- А.А. Жеребнов*
А.Е. Измайлов и его журнал «Благонамеренный» в журнальной полемике 1820-х гг. 21
- Д.В. Варламова*
Тема женского труда в журнале братьев Достоевских «Эпоха» 24
- Е.В. Колесникова*
«Женский вопрос» на страницах журнала «Библиотека для чтения» П.Д. Боборыкина 28
- Ван Кай Ю*
К вопросу о ранней киевской публицистике М.Е. Кольцова 36
- Ю.Г. Бит-Юнан*
Повесть В.С. Гроссмана «Все течет...» в оценке критики русского зарубежья 1970–1980-х гг. 40
- Е.В. Бродская*
Запрещенное кино: «Интервенция» Г.И. Полоки в советской критике и партийном документе 48
- Д.С. Каратаев*
«Огоньковская» легенда: к истории публицистики первых лет «перестройки» 58

Проблемы теории журналистики

- Н.Я. Макарова, В.И. Ярных*
Магистерские программы по журналистике как способ формирования профессиональной идентичности 64
- Д.В. Неренц*
Характерные особенности журналистских расследований в США 75

История публицистики. Риторика

Д.В. Бурыгин

Проблема отношения к советской власти
в русской эмигрантской публицистике 1945 г. 80

Д.А. Щербаков

Осмысление литературной репутации Н.Г. Чернышевского
в интернет-публикациях 87

Язык СМИ

Ю.В. Яковлева

Псевдоним как средство экспрессии
в газетно-журнальной полемике 1920-х гг. 93

Е.Н. Басовская

О глубинном смысле одного удара
(из истории газетной полемики конца 1930-х гг.) 99

О.М. Афанасьева

Концепт «русская идея» в публицистике И.А. Ильина
(на материале бюллетеней «Наши задачи») 108

Я.Е. Каневская

Прагматический потенциал отрицательных конструкций
в публицистическом тексте (на материале журнала
«Коммерсантъ – Власть») 117

С.А. Арасланова

Образ женщины в зеркале метафоры (на материале портретных
очерков русскоязычной версии журнала «Vogue») 122

П.П. Лебедев

Проблема предметной точности в речи спортивных тележурналистов
(на материале канала «Россия-2») 128

Библиография

М.П. Одесский

Рецензия на книгу: Russian literature. 2014.
Vol. LXXVI – I/II/III/IV: 1 January – 15 May 2014.
Special issue: 18th-century literature. Amsterdam, 612 p. 134

Abstracts 137

Сведения об авторах 144

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

<i>A. Gotovtseva</i> “By revelation of natural things”: Progress of the natural-science knowledge in Russia of the middle of the XVIII th century and Russian journalism (“Monthly works, using to benefit and entertainment” magazine)	9
<i>A. Zherebnov</i> A.E. Izmaylov and his magazine “Blagonamerenniy” in the magazine controversy of the 1820s	21
<i>D. Varlamova</i> The theme of women’s labour in the journal “Epocha” by F.M. and M.M. Dostoevsky	24
<i>E. Kolesnikova</i> “Women’s issue” in the P.D. Boborykin’s magazine “Biblioteka dlya chteniya”	28
<i>Wang Kai Yu</i> More on the early Kiev social and political journalism of M.E. Koltsov	36
<i>Yu. Bit-Yunan</i> V. Grossman’s “Everything flows...” as reviewed by the Russian emigrant critics of the 1970–1980s	40
<i>E. Brodskaya</i> The forbidden movie: “Intervention” by G.I. Poloka in Soviet mass media and the document of CPSU	48
<i>D. Karataev</i> “The Ogonyok” legend: notes on the political essays of the first “perestroika” years	58

Problems of the Theory of Journalism

<i>N. Makarova, V. Yarnykh</i> Master-programs in journalism as a way of formation of professional identity	64
<i>D. Nerents</i> Specifics of investigative journalism in the United States	75

History of Publicism. Rhetoric

D. Burygin

The problem of attitude towards Soviet power
in Russian émigré publicism of 1945 80

D. Scherbakov

Interpretation of N.G. Chernyshevsky's literary reputation
in internet publications 87

Language of Mass Media

Yu. Yakovleva

Pseudonym as the expression tool in press polemic of the 1920s 93

E. Basovskaya

About the implication of a word stress (from the history
of the newspaper polemics in the USSR of the late 1930s) 99

O. Afanasieva

The “Russian idea” concept in I.A. Ilyin publicistic writings
(as exemplified in materials of “Our mission” bulletin) 108

Ya. Kanevskaya

Pragmatic potential of negative constructions in publicistic text
(by “Kommersant – Vlast” magazine) 117

S. Araslanova

Image of a woman in a metaphor mirror (based on portrait essays
published in Russian version of “Vogue” magazine) 122

P. Lebedev

The objective exactness in sports TV-journalists' speech
(by the material of TV channel “Russia-2”) 128

Books in Review

M. Odessky

Book review: Russian literature. 2014. Vol. LXXVI – I/II/III/IV:
1 January – 15 May 2014. Special issue:
18th-century literature. Amsterdam. 612 p. 134

Abstracts 137

General data about the authors 146

«ОТКРОВЕНИЕМ ЕСТЕСТВЕННЫХ ВЕЩЕЙ»:
РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVIII в.
И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
(«Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»)

В статье рассматриваются материалы журнала Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», посвященные «естественным наукам», показывается включенность отечественной науки в общеевропейский контекст, освещаются получившие отражение на страницах журнала русско-европейские научные связи.

Ключевые слова: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», русско-французские литературные связи, К. Линней, Ж. Бюффон, естественная история, русско-европейские научные связи.

«С особенным усердием и заботливостию»:
вместо предисловия

Самопозиционирование Российской империи в XVIII в. было неразрывно связано и с зарождением новой, светской культуры (что отразилось в реформе литературы и языка, создании театра, открытии новых учебных заведений и т. п.), и с географическими и историческими исследованиями, приобретшими невиданные доселе размеры. В этих условиях изучение окружающего мира имело особое, не только собственно научное значение. Вполне понятно поэтому, что первый русский энциклопедический журнал (в строгом смысле этого слова)¹ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764)², редактируемый известным ученым Герардом Фридрихом Миллером (Gerhard Friedrich Müller, 1705–1783), отводил место на своих страницах, помимо литературы, истории и географии, статьям этого рода.

«Естественнонаучная» тема в журнале «Ежемесячные сочинения» еще никогда не становилась предметом специального подробного изучения. Журнал и подобные его материалы упоминаются и цитируются в тех случаях, когда речь идет собственно об открытиях XVIII в. в области естественных наук³. Но эти упоминания даются вне всякой связи с историей отечественной журналистики. Вместе с тем для историков журналистики важнее, конечно, литературная составляющая журнала, «естественнонаучные» сюжеты в работах по истории «Ежемесячных сочинений» практически не упоминаются. Писали о естественнонаучных статьях в рассматриваемом журнале исследователи российской научной периодики, хотя доля посвященного «Ежемесячным сочинениям» материала в этих публикациях весьма невелика и имеет порой характер простого упоминания⁴. Едва ли не единственное исключение составляет здесь статья В.А. Милютина, первого исследователя журнала, посвятившего естественнонаучной тематике несколько страниц своего большого анализа. «Естественные науки, – замечает он, – занимают первое место после философии в “Ежемесячных сочинениях”». Многочисленность публикаций подобной тематики, по его мнению, «доказывает ясно, что Миллер занимался этим отделом своего журнала с особенным усердием и заботливостью»⁵. Однако описательный характер изложения, сравнительно небольшой объем этой части работы Милютина, а также то, что она устарела с литературно-критической и исторической точек зрения, заставляют вновь обратиться к посвященным естественным наукам, механике и медицине материалам «Ежемесячных сочинений».

«Изысканы и описаны по указу его величества»: естественнонаучные экспедиции и описания биосферы

Как отмечает В.И. Вернадский, «первые естественнонаучные исследования в России связаны с потребностями горного дела и целебных источников». Непосредственное значение имели врачи-путешественники⁶. Среди них был Готтлиб Шобер (Gottlieb Schober, ок. 1670–1739), лейб-медик Петра I. В 1717 г. он был послан Петром к Каспийскому морю, и одной из его задач было исследование теплых минеральных источников в дельте реки Терек в Самарской губернии. В нескольких шагах от них он обнаружил также «минеральную студеную воду ключом». На обратном пути у пригорода Сергеевска на реке Соке им были открыты богатые залежи серы. Шобер признал в источниках целебные свойства и назвал теплицы

в честь небесного покровителя российского императора: «Сей минеральной теплой воде приписал я имя святого Петра, по высокому проименованию нашего всемилостивейшего государя Петра Алексеевича, потому что оные теплицы сперва изысканы и описаны по указу его величества»⁷. Сам Петр посетил источники в 1722 г. перед Персидским походом⁸.

В 1760 г. в «Ежемесячных сочинениях» были опубликованы составленные Шобером описания сделанных им открытий – теплиц у города Терки в дельте реки Терек и Сергеевского серного источника⁹. Подаренная Петру немецкая рукопись была снабжена русскими переводами, однако редактор журнала Г.Ф. Миллер счел, что имеющиеся переводы «худы», и напечатал новые, более точные¹⁰.

«Ежемесячные сочинения» были первым изданием, в котором труды Шобера увидели свет. Сокращенный А.Л. Шлецером (August Ludwig (von) Schlözer, 1735–1809) немецкий текст Миллер опубликовал в «Sammlung russischer Geschichte» за тот же год со своими комментариями¹¹. Кроме названных работ, Шобером создано было описание «многим другим натуральным вещам Российского государства»¹²: исследования бассейна Волги, Северного Кавказа, Московского региона и многое другое, что было включено в его основной труд – «Memorabilia Russico-Asiatica». Еще через два года Миллер поместил в «Sammlung russischer Geschichte» и неопубликованное ранее извлечение (auszug) из этой рукописи¹³. В разделе «Известия о ученых делах» своего журнала в 1763 г. редактор сообщает, что собирается напечатать отдельно полный русский перевод рукописи Шобера¹⁴, однако издание это не состоялось.

К середине века работа Шобера с естественнонаучной точки зрения значительно устарела, а с появлением новых академических путешествий (например, экспедиции П.С. Палласа [Peter Simon Pallas, 1741–1811]) и вовсе «потонула в забвении». Уже при публикации 1760-х годов издателям пришлось сокращать ее и убирать описания некоторых животных и растений, так как к тому времени существовали более верные и детальные описания¹⁵.

Описание биосферы постепенно становилось одним из приоритетных направлений развития науки в России в XVIII в. Кроме иностранных ученых путешественников, таких как Шобер, отправляющихся в специальные экспедиции, в естественнонаучные исследования включились и, что называется, «местные кадры». Пожалуй, первым из таких самородков был оренбургский ученый, первый член-корреспондент Академии наук Петр Рычков (1712–1777). Он занимался историко-географическим исследованием Оренбургского края, создав объемные труды «История Оренбургская по уч-

реждении Оренбургской губернии» и «Топография Оренбургской губернии», напечатанные в «Ежемесячных сочинениях» в 1759 и 1762 гг. соответственно¹⁶.

Но есть среди работ Рычкова и чисто естественнонаучные. Его статья, опубликованная в «Ежемесячных сочинениях» под названием «Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается»¹⁷, по праву считается первым в России исследованием карста (*нем.* Karst – от названия плато Карст, или Крас, в Словении) – явлений, возникающих в растворимых природными водами горных породах, и процесса их образования. «Правда, упоминание о карсте можно встретить и в более ранних печатных изданиях, – пишет Ф.Н. Мильков, – но все они носят характер случайных, отрывочных сведений, в то время как у Рычкова мы имеем дело с крупной статьей, специально посвященной карсту – описанию и выявлению генезиса пещеры, а частично и других карстовых форм рельефа»¹⁸.

«Остроумного своего сочинителя чайтельно
у потомков будет прославлять»: труды Карла Линнея
и Жоржа де Бюффона

Фундаментальными исследованиями в области естествознания того времени были труды двух «светил» мировой науки XVIII в. – француза Жоржа Луи Леклерка де Бюффона (1707–1788) и шведа Карла Линнея (1707–1778). Описанная Линнеем в труде «Система природы» (*Systema naturae*, 1735) концепция растительного и животного миров подводила итог научного пути ботаников и зоологов первой трети XVIII в. Линней выдвигал тезис о постоянстве видов животных и растений, которые были им систематизированы. В своем главном труде – «Естественная история, всеобщая и частная» (*Histoire naturelle générale et particulière*, 1749–1789, 36 томов), – отказавшись от попыток формальной систематизации неизменяемых видов, Бюффон проводил идею о единстве и постоянном изменении всего живого под влиянием внешних условий.

Труды обоих ученых были хорошо известны в России. Линней был избран почетным членом Петербургской академии наук в 1754 г., Бюффон позже, в 1776 г. Они поддерживали тесные связи с русской наукой. Известно, например, что Линней интересовался ботаническими исследованиями Второй Камчатской экспедиции¹⁹, а его работа, посвященная наличию пола у растений (один из осно-

вополагающих постулатов его системы), участвовала в объявленном Петербургской академией наук конкурсе²⁰. Бюффон же был одним из тех европейских ученых, с которыми, создавая образ «философа на троне», состояла в переписке Екатерина II. Ей же принадлежала инициатива перевода «Естественной истории» на русский язык, осуществляемого в 1780-х годах при Российской академии группой академиков АН (Степан Румовский, Иван Лепехин, Семен Котельников, Алексей Протасов, Николай Озерецковский, Василий Зуев, Никита Соколов, Петр Иноходцев) и печатаемого в академической типографии с 1789 г.²¹

Однако первые русские отрывки из этого обширного труда появились за 30 лет до этого, в 1756 г., в «Ежемесячных сочинениях»²². Фрагменты эти посвящены разным темам: вулканам, землетрясениям (интерес к соответствующей главе редактора журнала был, возможно, связан с лиссабонскими событиями²³), островам, дождям и болотам, подземным водам, приливам и отливам. Труд Бюффона также послужил поводом для появления в «Ежемесячных сочинениях» еще двух непосредственно связанных друг с другом материалов, составленных Миллером: «Предложение, как исправить погрешности, находящиеся у иностранных писателей о российском государстве» и собственно «Поправки погрешностей, учиненных господином де Бюфоном в первой части Натуральной его истории при объявлении о разных странах и местах Российского государства»²⁴. Миллер, всегда очень щепетильный и точный в отношении сообщения исторических сведений, составляет целую таблицу неточностей и ошибок, сделанных Бюфоном в первом томе его «Естественной истории», не забывая, однако, акцентировать внимание читателя на том, что «книга его почитаема быть может главнейшею в своем роде и остроумного своего сочинителя чаятельно у потомков будет прославлять»²⁵.

Одна из ранних работ Бюффона была посвящена чисто практической тематике – заготовкам леса и ведению лесного хозяйства. В январской книжке «Ежемесячных сочинений» за 1759 г. она была опубликована под названием «Легкой способ г. Бюффона придавать лесу большую плотность, крепость и прочность»²⁶.

Научные труды Линнея в «Ежемесячных сочинениях» представлены скромнее – двумя статьями: «Описание бурной птицы» (из Сочинений Шведской Академии наук 1745 г.) и «Речь о достопамятствах в насекомых» (из второго тома десятитомника «*Amoenitates Academicae*» [Академические досуги], 1-е изд. – 1751 г.)²⁷. Эти две работы были первыми и до 1770-х годов единственными трудами Линнея, переведенными на русский язык.

«Знатную приносят пользу»:
практические статьи и советы

Линней восхищался «достопамятствами» маленького мира бабочек, пауков и слепней, пропитанного божественной целесообразностью. Насекомым в журнале посвящено еще несколько переводных статей²⁸, среди которых – статья под названием «О некоторых насекомых, кои полезны к крашению»²⁹. Появившаяся в журнале раньше перевода из Линнея, она предваряет для читателя рассуждения ученого о «чудесах» в «делах и упражнениях сих животных», которые должны быть признаны «за беспрекословные свидетельства Божиего Величества», и уже «сие единое рассуждение обязует людей к испытанию естества». «Однако сей общей пользы, – заявляет анонимный автор статьи, – не довольно было бы к защищению естественной науки, когда б она впрочем не приносила в человеческом общежитии особой пользы <...> она особливо в коммерции необходимо нужна» и «презренные насекомые в рассуждении крашения, в торгах и промыслах знатную приносят пользу»³⁰. Таким образом, декларируется общественная полезность науки и обосновывается необходимость естествонаучных знаний для развития торговли и процветания государства.

Крашение тканей в XVIII в. было одним из самых важных направлений промышленности. Придворные балы были необходимым атрибутом всех европейских дворов. Двор Елизаветы Петровны был среди них едва ли не самым пышным. Известно, что Елизавета запрещала появляться на балах в нарядах, которые уже однажды были надеты, сама она меняла туалеты по несколько раз в день. Для изготовления ярких платьев было необходимо использовать хорошие краски, которые не линяли и не оставляли бы следов, поэтому вопросы красильного дела в России XVIII в. приобретали особую актуальность.

Краски тогда делались двумя способами – из насекомых (как, например, кошениль) или из растений (индиго). Кроме уже названной статьи, непосредственно посвящены крашению в журнале еще три: «О поправлении красильного дела», «О кубовой краске, по латыни INDIGO называемой», «О травах, из которых краски делаются»³¹. В одной из них объясняется причина такого внимания журнала к красильному делу: «Для российских мануфактур не без пользы будет»³².

Три статьи, две из которых заимствованы из европейских изданий, а одна – оригинальная, в «Ежемесячных сочинениях» посвящены разведению шелка³³. Шелководство имело ту же практиче-

скую пользу, что и крашение тканей, – обеспечивали туалеты: шкарные платья дам и камзолы кавалеров, а также чулки, платки и шнуры делались из шелка. Первые попытки разведения в России тутового шелкопряда относятся к концу XVI в., развитие шелководства продолжилось в XVII в., заботился о развитии этой отрасли и Петр I³⁴, а позднее, уже в конце века, известный ботаник и один из переводчиков Бюффона Иван Лепехин издал свое «Краткое руководство к разведению шелка в России»³⁵.

Вопросам популяризации научных знаний для практической пользы «Ежемесячные сочинения» всегда уделяли внимание. Своеобразным философским обоснованием утилитарной необходимости «изучения природы» была большая переводная статья, опубликованная с продолжением в мартовском, апрельском и майском номерах журнала за 1763 г. под названием «Речь о пользе от испытания Натуры человеческому роду происходящая»³⁶. Она представляла собой перевод речи швейцарского врача и политического деятеля, автора принесшей ему известность книги, проповедующей учение физиократов «Die Wirthschaft eines philosophischen Bauers» («Хозяйство крестьянина-философа», 1761; рус. пер. с фр. «Сельский Сократ или Описание экономических правил жизни философа-земледельца», 1789), Ганса Гирцеля (Hans Caspar Hirzel, 1725–1803), произнесенной им на заседании Физического общества в Цюрихе в 1761 г. Смысл речи Гирцеля заключался в том, что «естествословие» должно приносить практическую пользу, а не быть схоластическим поиском «неизвестных камней» и «неприметных донныне червячков».

Подобную же цель популяризации «чистой» науки и доказательства практических выгод от занятий ею преследует и статья «О пользе высшей математики в общей жизни», представляющая собой краткое изложение публичной речи, произнесенной в 1751 г. в Нюрнберге немецким математиком Георгом Ловицом (Georg Moritz Lowitz, 1722–1774), впоследствии академиком Петербургской академии наук. Изложение это было сделано двумя петербургскими академиками – Августином Гришовом (August Nathanael Grischow, 1726–1760) и Иоганном Цейгером (Johann Ernst Zeiher, 1725–1784) на немецком языке, затем переведено на русский и напечатано в журнале. Автор доказывает, что высшая математика необходима не только для решения физических и астрономических задач (вещь, очевидная сегодня, не была таковой 300 лет назад), но и для «общей жизни» – сельского хозяйства, гражданского строительства, фортификации.

В журнале немало статей, преследующих экономические цели и имеющих в основе естественно-исторические методы. Среди них:

«О разведении винограда», «Способ о соблюдении плодов чрез долгое время без всякого повреждения их доброты», «Рассуждение о сохранении деревьев от позябления»³⁷ и др.

Особый интерес здесь представляет «Инструкция как производить засевы разных табаков чужестранных в Малой России»³⁸. Напечатанная анонимно, статья эта принадлежит асессору Академической канцелярии, будущему статс-секретарю императрицы Екатерины II и сенатору, известному недругу Ломоносова, Григорию Теплову. В 1742 г. Теплов был избран адъюнктом по ботанике и до конца жизни исследования в этой области интересовали его. В своем имении в селе Молодовом Орловской губернии он занимался лесоразведением и садоводством. Не оставлял Теплов подобных занятий и во время пребывания при гетмане Кирилле Разумовском в Малороссии. По всей видимости, ему же принадлежала и инициатива разведения иностранного табака. 14 марта 1763 г. Екатерина II издала манифест «О разведении как в Малой России, так и в великороссийских областях насаждений разных чужестранных табаков». К этому манифесту и была приложена упомянутая «Инструкция...»³⁹. В том же 1763 г. Теплов организовал в Малороссии табачную монополию, просуществовавшую, правда, весьма недолго⁴⁰.

«Должно иметь просвещение»: некоторые выводы

XVIII век стал для русского государства веком европеизации. При всех несомненных национальных особенностях Россия постепенно вписывалась в общеевропейский политический и культурный контекст. Развитие научных знаний требовало научного взаимодействия с европейской наукой, ушедшей далеко вперед. Тем активнее развивались контакты между Петербургской академией наук и зарубежными учеными, прежде всего в области естественных наук: ботаники, зоологии, физики, химии, механики.

Судить об этих контактах с большой достоверностью можно по материалам первого академического журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», на страницах которого отразились практически все важнейшие события и исследования в области естествознания того времени, от астрономических наблюдений до освещения медицинских исследований и практических советов «к сохранению здравия служащих». К сожалению, узкие рамки данной статьи не позволяют раскрыть многие темы.

Опубликованную в «Сочинениях Шведской академии наук» статью, переведенную 10 лет спустя для «Ежемесячных сочинений», секретарь Академии Петр Варгентин (Peter Wilhelm Wargentin, 1717–1783) посвятил рассуждениям об изучении натуральной истории⁴¹. Между вполне соответствующими натурфилософским понятиям эпохи сентенциями о совершенстве Божественного замысла о мире и «чудесах природы», которые служат поводом к «знанию и прославлению Создателя», и сетованиями на «нерадение» людей к изучению окружающего их мира и на то, что «натуральная история <...> еще не очень распространилась», автор замечает: «Кажется что Бог откровением естественных вещей показал, чтоб мы о испытании природы стараться не преминули <...>. И для того часто нам повелевает всячески о том стараться и нечувствительно подает повод думать, что и от естественных вещей, коими Он вас ободряет, должно иметь просвещение»⁴².

«Ежемесячные сочинения», таким образом, ставя во главу угла фактор «пользы» и вписывая новорожденную российскую науку в общеевропейский контекст, полностью соответствовали европейским представлениям об изучении «естественных вещей».

Примечания

- ¹ Некоторые исследователи (обзор мнений см.: *Невская Н.И.* «Примечания на Ведомости» как научный журнал // Наука и культура России XVIII в.: Сб. ст. Л.: ЛВВМИУ, 1984. С. 5–30; *Койтен А.* К истории русских и немецких «Примечаний к Ведомостям» // Russian Literature. 2014. Vol. LXXVI – I/II/III/IV: 1 January – 15 May 2014. P. 265–304) считают, во многом справедливо, первым журналом «Примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям» (Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях», 1728–1742). Однако соображения типологического характера все же подразумевают дискуссионность вопроса, отсутствующую в случае с «Ежемесячными сочинениями».
- ² Дважды за время своего существования журнал менял название: с 1758 г. – «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», с 1763 г. – «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». Далее независимо от названия журнала в данный период сноски будут приводиться в следующем формате: ЕС. Год. Часть. Месяц. Страница.
- ³ См., например: *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России середины XVIII столетия // Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 120, 159; *Хасанов Б.* Секрет Иоганна Дитриха // Техника –

- молодежи. 1991. № 4. С. 16–18; *Данилевский В.В.* Русская техника / АН СССР, Комиссия по истории техники. Л.: Газет.-журн. и кн. изд-во, 1947. С. 322.
- ⁴ См., например: *Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И.* Естественная история в России: (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб.: Нестор-История, 2004. С. 190–193; *Валькова О.А.* Естествонаучная периодическая печать России XVIII – начала XX вв. как источник по истории формирования научного сообщества: Дис. ... канд. ист. наук / [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. М., 2000. С. 59–60.
- ⁵ *Милютин В.А.* Очерки русской журналистики, преимущественно старой: «Ежемесячные сочинения», журнал 1755–1764 годов: Статья третья и последняя // Современник. 1851. Т. 26. № 3. Отд. 2. С. 9.
- ⁶ *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России. С. 157–158.
- ⁷ *Шобер Г.* Описание теплиц Святого Петра, при реке Терке находящихся, сочиненное Доктором Готтлобом Шобером // ЕС. 1760. Ч. 2. Ноябрь. С. 388.
- ⁸ Русский биографический словарь / Издан Императорским Русским Историческим Обществом: В 25 т. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1911. Т. 23 (Шебанов-Шютц). С. 359.
- ⁹ См.: *Шобер Г.* Описание теплиц... С. 387–405; *Он же.* Описание Серного ключа... С. 406–414.
- ¹⁰ ЕС. 1760. Ноябрь. С. 388.
- ¹¹ [*Schober G.*] Beschreibung des St. Peters-Bades bey Terki von D. Gottlob Schober // Sammlung Russischer Geschichte. 1760. Bd. 4. St. 1–2. S. 157–182; [*Idem*] Beschreibung des Schwefel-Brunnens bey Sergiewsk an dem Flusse Sok von D. Gottlob Schober // Ibid. St. 6. S. 541–548;
- ¹² ЕС. 1760. Ч. 2. Ноябрь. С. 387.
- ¹³ [*Schober G.*] Auszug aus D. Gottlob Schobers bisher noch ungedrucktem Werke: Memorabilia Russico-Asiatica // Sammlung Russischer Geschichte. 1762. Bd. 7. St. 1–2. S. 1–154.
- ¹⁴ ЕС. 1763. Ч. 2. Сент. С. 267.
- ¹⁵ *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России. С. 159.
- ¹⁶ См. об этом подробнее: *Готовцева А.Г.* Географические открытия первой половины XVIII века и русская журналистика (журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие») // Вестник РГГУ. 2008. № 11. Серия «Журналистика. Литературная критика». С. 18–22.
- ¹⁷ *Рычков П.И.* Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается // ЕС. 1760. Ч. 1. Март. С. 195–220.
- ¹⁸ *Мильков Ф.Н.* П.И. Рычков: Жизнь и географические труды. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1953. С. 32.
- ¹⁹ Летопись Российской академии наук: В 4 т. / Рос. акад. наук. ИИЕТ. С.-Петербург. фил.; Гл. ред. Ю.С. Осипов: СПб.: Наука, 2000. Т. 1: 1724–1802. С. 381.
- ²⁰ Там же. С. 475.

- ²¹ См. подробнее: *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии: Вып. 1–8. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1875. Вып. 2. С. 210–220; *Райнов Т.И.* Русские академики второй половины XVIII в. и Бюффон // Вестник АН СССР. 1939. № 10. С. 131–147.
- ²² Перевод из *Натуральной истории господина де Бифона*. Ч. 1. Гл. 16. О огнедышащих горах и о землетрясении // *ЕС*. 1756. Ч. 1. Июнь. С. 523–562; Перевод из *Натуральной истории господина Бифона о новых островах, пещерах и расसेлинах, на земном нашем шаре явившихся, и о их причинах* // Там же. Ч. 2. Окт. С. 338–378; Перевод из *Натуральной истории Господина де Бюфона: О действии дождя, о болотах, о находящихся в земле деревьях и о водах подземных* // Там же. Ноябрь. С. 456–468; Перевод из *Натуральной истории господина де Бюфона о пременении суши в море, и моря в сушу* // Там же. Дек. С. 515–550.
- ²³ Лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 г., разрушившее столицу Португалии, оказало сильнейшее влияние на современников. В *ЕС* были опубликованы две переводные статьи, которые можно считать своеобразным откликом академического журнала на это событие: *Размышление о землетрясениях: Из дрезденских ученых ведомостей № 6, 1756 года* // *ЕС*. 1756. Ч. 1. Март. С. 274–285; *Письмо о землетрясениях* // Там же. Апр. С. 326–329.
- ²⁴ *ЕС*. 1757. Ч. 1. Март. С. 224–231; 232–244.
- ²⁵ Там же. С. 230–231.
- ²⁶ Там же. 1759. Ч. 1. Янв. С. 82–95.
- ²⁷ Там же. 1761. Ч. 1. Май. С. 577–580; 1762. Ч. 2. Июль. С. 67–96.
- ²⁸ О муравьях // *ЕС*. 1759. Ч. 2. Авг. С. 174–188; Средства против некоторых насекомых, переведенные из Стутгардских Экономических и Физических еженедельных листов в 1755 году // Там же. 1760. Ч. 1. Февр. С. 187–191; *Опыты о муравьях: Перевод из Грейфсвальдских сочинений, к пользе и увеселению служащих*, ч. 2. 1754. С. 135 // Там же. 1762. Ч. 2. Авг. С. 169–183.
- ²⁹ *ЕС*. 1757. Ч. 1. Апр. С. 369–381.
- ³⁰ Там же. С. 369–370.
- ³¹ Там же. 1758. Т. 2. Ноябрь. С. 474–475; *ЕС*. 1762. Т. 1. Март. С. 367–374; Апр. С. 454–459.
- ³² Там же. 1762. Т. 1. Апр. С. 454.
- ³³ Известие о шелковых заводах, каким образом они учреждены в Китае, и о прочем, туда принадлежащем, переведенное из дю-Галдова описания Китайского государства с приобщением некоторых от прапорщика и китайского языка переводчика Лариона Россохина учиненных примечаний // *ЕС*. 1757. Ч. 1. Май. С. 387–461; Предложение о разводе в России шелковичных деревьев, а особливо о выращении из оных семян их, сочиненное И.Г. Кельрейтером, медицины доктором и истории натуральной и ботаники Адъюнктом // Там же. Ч. 2. Июль. С. 54–65; Господина де Соважа описание о шелковых червях и о надежнейшем средстве к их воспитанию. Из Гамбургского магазина, первой книги, часть вторая, стр. 107 // Там же. 1761. Ч. 1. Февр. С. 155–173.

- ³⁴ См. об этом подробнее: *Богословский В.В.* Состояние и перспективы развития шелководства // Пчеловодство. 2001. № 7. С. 10.
- ³⁵ [*Лепехин И.И.*] Краткое руководство к разведению шелка в России / Соч. И.Л.; Издано попечением Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства: Отд. 1–3. СПб.: При губерн. правлении, 1798. [2], 190 с., 2 л.
- ³⁶ Речь о пользе от испытания Натуры человеческому роду происходящая, читанная в Физическом Собрании города Цириха в Швейцарии, господином Доктором Гирцелем. Из первой части Сочинений оного Собрания, напечатанной в Цирихе 1761 года // ЕС. 1763. Ч. 1. Март. С. 247–268; Продолжение речи о пользе от испытания Натуры человеческому роду происходящая // Там же. Апр. С. 343–363; Продолжение речи о пользе от испытания Натуры человеческому роду происходящая // Там же. Май. С. 433–458.
- ³⁷ ЕС. 1756. Ч. 2. Июль. С. 67–73; 74–87; Ноябрь. С. 469–482.
- ³⁸ Там же. 1763. Ч. 1. Апр. С. 321–342.
- ³⁹ *Милютин В.А.* Указ. соч. С. 14.
- ⁴⁰ См. подробнее: *Астряб М.Г.* Плантации чужестранных табаков в Малороссии под особенной протекцией императрицы Екатерины II (1763–1767 гг.) // Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссии. 1917. Вып. 15. С. 107–166.
- ⁴¹ *Варгентин П.* О натуральной истории вообще. Переведено из Сочинений Шведской Академии Наук. Т. 12. 1750 г., с. 167 // ЕС. 1760. Ч. 1. Июнь. С. 521–534.
- ⁴² Там же. С. 527.

А.А. Жеребнов

А.Е. ИЗМАЙЛОВ И ЕГО ЖУРНАЛ
«БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ»
В ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКЕ 1820-х гг.

В статье рассматривается полемика, которую вел журнал А.Е. Измайлова «Благонамеренный» с редактором журнала «Невский зритель» В.К. Кюхельбекером. Poleмика быстро переросла в личные оскорбления. В итоге отношения между Измайловым и Кюхельбекером оказались разорванными, а в «Благонамеренном» перестали печататься друзья Кюхельбекера.

Ключевые слова: А.Е. Измайлов, В.К. Кюхельбекер, Н.Ф. Остолопов, «Благонамеренный», «Невский зритель».

Активное участие в литературной полемике – своего рода «визитная карточка» журнала А.Е. Измайлова «Благонамеренный». Журнал Измайлова спорил с большинством ведущих столичных журналов XIX в. Вступая во вполне приличный журнальный спор, «Благонамеренный» часто «переходил на личности»; почти всегда такая полемика имела политическую подоплеку. Яркий пример тому – полемика с либеральным столичным журналом «Невский зритель»¹.

Страницы «Благонамеренного» часто заполняли всякого рода игровые жанры: шарады, логогрифы, омонимы, анаграммы². Постоянным автором такого рода текстов был Н.Ф. Остолопов – крупный государственный чиновник, «в часы отдохновения» занимавшийся литературой и журналистикой. Именно Остолопов был автором «программного документа» развлекательных жанров – статьи «О загадке, логогрифе, шараде и омониме»³.

Анализируя игровые жанры «Благонамеренного», О.А. Прокурин утверждал, что за внешней несерьезностью формы скрывалась «охранительная идеология» журнала Измайлова⁴. Этот тезис подтверждает, например, и опубликованная во втором номере

журнала от 1820 г. «Анаграмма», подписанная «П. Р-г» с разгадкой «ропот – топор»:

Причина, коею бунтовщики мечтают
 Быть в праве взволновать народ,
 Показывает им сама наоборот,
 Чем казнь за это совершает⁵.

На фоне событий, происходивших в то время в Европе, «охранительный» посыл анаграммы звучал особенно отчетливо. Очевидно, именно этот текст стал причиной полемики между «Благонамеренным» и либеральным столичным журналом «Невский зритель».

В «Зрителе» была опубликована программная статья В.К. Кюхельбекера «Взгляд на текущую словесность». Кюхельбекер, один из руководителей журнала, подробно рассмотрел в статье текущую периодику, в том числе и «Благонамеренного»⁶.

Журналу Измайлова была дана нелестная характеристика. Нарекания Кюхельбекера вызывали, прежде всего, те же развлекательные стихотворные материалы: Кюхельбекеру они казались недостойными публикации. В «Благонамеренном», по его мнению, помещались «стихотворения таких родов, каких еще не было в российском стихотворстве, а именно омонимы, что значит: тождесловы, или соименники, и поэтические анекдоты (иначе не умеем назвать сего рода, который, вероятно, также найдет многих себе подражателей), поэтические анекдоты о пьяницах»⁷.

Критикуя «Благонамеренный», Кюхельбекер обратил также внимание на рубрику «Выписки из иностранных журналов и писем от корреспондентов к издателю». Ему казалось, что заграничные «новости» и «выписки», которые получал от «корреспондентов» Измайлов, были неважными и вторичными. Скептически отозвался рецензент «Зрителя» и о баснях Измайлова, эстетика которых была ему не близка.

В шестом номере «Благонамеренного» за 1820 г. прозвучал «ответ» на статью Кюхельбекера – стихотворение «Шутка» Н.Ф. Остолопова, в которой редактор «Невского зрителя» – противник омонимов – назван «поэтом, проклятым Аполлоном». Также автор «Шутки» высмеял узнаваемые современниками черты оппонента – высокий рост и акцент: «По виду – человек длинный и сухой, / По речи – должен быть природы иностранной». Остолопов высмеивал и манеру Кюхельбекера говорить, и его манеру писать стихи: по его мнению, поэт ««протяжным тоном» поет рапсодию на «греческий манер»⁸. Кроме того, в том же номере «Благонамеренного» в рубрике

«От издателя» помещены несколько памфлетных заметок, написанных Измайловым и направленных лично против Кюхельбекера:

«Я спорить с умными люблю:
От споров с ними я учуся;
Но спорить с ... боюся
И им всегда, во всем охотно уступлю <...>

Сказка моя, или, как говорит один ученый критик, поэтический анекдот о Дураке Филатке. См. Невский Зритель, книжку II, с. 125»⁹.

Таким образом, взаимоотношения между Кюхельбекером и Измайловым были испорчены. Несмотря на многочисленные неконструктивные выпады, опровергнуть обвинения Кюхельбекера Измайлову и сотрудникам его журнала не удалось, но после полемики с «Невским зрителем» в «Благонамеренном» перестали печататься многие близкие к Кюхельбекеру авторы.

Примечания

- ¹ Об этом журнале см.: *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* К.Ф. Рылеев в журнале «Невский зритель» // Вестник РГГУ. 2010. № 8. Серия «Журналистика. Литературная критика». С. 183–222.
- ² Шарادا – разновидность загадки, представляет собой разбиение слова на слоги таким образом, что каждый слог имеет смысл самостоятельного слова. Как и в загадке, дается описание каждого из слогов-слов. Логогриф – словесная игра, заключающаяся в том, что из букв одного длинного слова составляются другие короткие слова. Омоним – загадка, в которой задуманными являются одинаковые на вид и по звучанию слова, но с разными значениями. Анаграмма – загадка, в которой при перестановке слогов и букв, а также при чтении справа налево слово приобретает новое значение.
- ³ *Остолопов Н.Ф.* О загадке, логогрифе, шараде и омониме // Благонамеренный. 1820. № 2. С. 136–138.
- ⁴ См.: *Проскурин О.А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. С. 188–228.
- ⁵ *П. Р-з.* Анаграмма // Благонамеренный. 1820. № 2. С. 146.
- ⁶ *Кюхельбекер В.К.* Взгляд на текущую словесность // Невский зритель. 1820. Ч. 1. С. 106–127.
- ⁷ Там же. С. 117.
- ⁸ *Остолопов Н.Ф.* Шутка // Благонамеренный. 1820. № 6. С. 451.
- ⁹ *Измайлов А.Е.* От издателя // Там же. С. 439.

Д.В. Варламова

ТЕМА ЖЕНСКОГО ТРУДА В ЖУРНАЛЕ БРАТЬЕВ ДОСТОЕВСКИХ «ЭПОХА»

В статье анализируются публикации журнала Ф.М. и М.М. Достоевских «Эпоха», посвященные женскому труду. Через призму женского труда авторы журнала рассматривают актуальный вопрос женской эмансипации. Они поддерживают стремление женщин к самостоятельности, однако настаивают на том, что путь женской эмансипации будет трудным и долгим из-за неподготовленности русского общества в 1860-х годах к такому новому явлению, как самостоятельная и независимая женщина.

Ключевые слова: журналистика, публицистика, женский вопрос, женская эмансипация, трудовая деятельность, Ф.М. Достоевский, журнал «Эпоха».

В 1863 г., после статьи Н.Н. Страхова «Роковой вопрос», посвященной польскому восстанию, был запрещен журнал братьев Достоевских «Время». Однако уже в марте 1864 г. Ф.М. и М.М. Достоевские выпускают новый журнал – «Эпоха», который должен был продолжить традиции «Времени». М.М. Достоевский умер летом того же года; в некрологе «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском» его брат подробно изложил концепцию журнала.

Согласно некрологу, именно М.М. Достоевский был идеологом и вдохновителем этого печатного органа: «Мысль его состояла в том, что нужен свежий литературный орган, независимый от обязательных журнальных преданий, вполне самостоятельный, чуждый партий, чуждый застарелых, преемственных и почти бессознательных антипатий, не поклоняющийся авторитетам и совершенно беспристрастный. С другой стороны, необходимо обращение к народности, к началам народным и возбуждению оторвавшегося

от почвы общества к изучению народа нашего и к уверованию в правду основных начал его жизни»¹. Таким образом, несмотря на важную литературную составляющую журнала «Эпоха», в нем продолжилась традиция журнала «Время», рассматривались актуальные общественные вопросы через призму почвенничества и славянофильства. К слову, на титульном листе данного печатного органа значилось, что это журнал не просто литературный, но и политический.

«Эпоха» не стала такой же популярной у читателей, как «Время». Однако и на страницах этого журнала, за время его непродолжительного существования – с марта 1864 по март 1865 г. – появлялось несколько острых публикаций на актуальный для 1860-х годов женский вопрос. При этом смысл, который вкладывался авторами и издателями журналов в это понятие, изменился. Если в журнале «Время» эмансипация рассматривалась в контексте женского образования, то в журнале «Эпоха» – уже в контексте женского труда².

В четвертом номере журнала «Эпоха» в постоянном разделе «Записки летописца» появляется материал «О женском труде», в котором автор рассматривает «новые принципы относительно труда», появившиеся в последние годы. По мнению автора, принцип женского труда является прорывом в жизни общества, поскольку меняет отношение человека к труду в целом: «Труд есть дело почтенное <...> стыдно человеку жить на свете не трудясь, а пользоваться только плодами чужих трудов»³. Это касается и женщин.

Раньше, считает автор статьи, праздность женщины не вызывала порицаний: считалось, что женщины созданы для бездействия, для красоты и удовольствий. Именно из-за такого отношения к женщине как к существу, не приспособленному к труду, и проистекает полная материальная зависимость от мужчины, который ее содержит. Автор публикации отмечает, что в середине 1860-х годов в обществе наметился явный сдвиг в пользу женского труда: «Женщина должна стремиться приобрести такую же независимость в материальном отношении, какую пользуется мужчина. Все пути и все возможности должны быть ей открыты»⁴.

Далее автор упоминает благотворительное «Общество женского труда», которое появилось в Петербурге с целью найти для женщин рабочие места в различных сферах деятельности, составить женские артели для различных предприятий, а также помогать членам «Общества» получать знания, которые затем могут быть применены на практике.

Женский труд постепенно становится привычным для общества явлением, что означает еще один шаг к женской независимости.

сти. Однако автор статьи «О женском труде» в журнале «Эпоха» высказывается против того, чтобы женщину теперь рассматривали исключительно как рабочую силу: «Как работник, как добыватель ценностей женщина всегда уступит мужчине»⁵. Однако это не означает, что женщина стоит ниже мужчины, поскольку она обладает полным с ним равенством в духовном плане – как жена и мать. Труд и материальная независимость позволят женщине всего лишь иметь твердую почву под ногами.

В статье Николая Соловьева «Женщинам», напечатанной в 12-м номере журнала «Эпоха», также рассматривается положение женщины в современном обществе и вопрос женского труда. Н. Соловьев более прямолинеен в высказываниях, нежели автор материала «О женском труде». Он называет экономическое подчинение женщины мужчине проституцией: «В древнем мире, можно сказать, не было проституции в ограниченном, определенном обычаем размере; женщины все тогда были проституированы. Мужчина, взявшись содержать женщину, как бы купил ее у общества. Она сделалась ниже всякого пролетария»⁶.

Согласно Соловьеву, только в середине 1860-х годов женщина начинает освобождаться от экономической, а следовательно, и от моральной зависимости, и главная задача мужчин – не мешать ей в этом. Впрочем, прогнозы автора не столь радостны, ведь, по его мнению, еще нескоро женщине удастся выйти из своего печального положения.

Именно отношение мужчины к женщине как к объекту любви мешает женщине развиваться: «Вопрос о любви в высшей степени важен. До тех пор, пока он не решится с настоящей ясностью, нечего и думать о серьезном приеме женщин за труд. Даже университетское слушание лекций считаем мы для женщин совершенно бесполезным при настоящем настроении, при теперешних отношениях обоих полов. Страстное влечение друг к другу <...> послужит только помехой обоим половинам при серьезных занятиях»⁷.

Соловьев в статье критикует роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», который, по его мнению, показал женщину в неприглядном свете. Соловьев, в частности, утверждает, что швейные мастерские, изображенные в романе, вовсе не являются положительным изобретением для того, чтобы приобщить женщину к труду: «Механический труд не может удовлетворить женщину нашего круга, женщины же простолюдинки и без нас умеют работать. Образованной женщине нужна более широкая дорога, которую и не нужно загораживать или засорять иголками <...> Шить, вместо того что-

бы учиться и потом учить, переплетать книги, вместо того чтобы читать их, – плохое средство и небольшой кусок хлеба»⁸.

Итак, авторы статей «О женском труде» и «Женщинам» рассматривают женский труд как один из необходимых шагов к женской независимости. Однако если автор публикации «О женском труде» с одобрением отзывается о женских артелях, возникших в Петербурге, о стремлении женщин хотя бы и к механическому труду, то автор статьи «Женщинам» настроен более скептически и не считает механический труд достаточным для развития женщины. Тем не менее авторы журнала «Эпоха» едины в том, что женщинам необходимо избавиться от материальной зависимости от мужчин, ведь только имея твердую почву под ногами, она сможет распоряжаться жизнью. Журнал выступает за эмансипацию женщин. И это соответствовало как настроениям прогрессивной части общества, так и идеям «почвенничества», основанным на свободе личности.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф.М. Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском // Эпоха. 1864. № 6. С. 1–2.
- ² См. об этом в нашей статье: Тивченко Д.В. Тема женского образования в журналах братьев Достоевских «Время» // Вестник РГГУ. 2014. № 12. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». С. 48–50.
- ³ О женском труде // Эпоха. 1864. № 4. С. 376.
- ⁴ Там же. С. 377.
- ⁵ Там же. С. 383.
- ⁶ Соловьев Н. Женщинам // Эпоха. 1864. № 12. С. 17.
- ⁷ Там же. С. 20.
- ⁸ Там же. С. 23.

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» НА СТРАНИЦАХ
ЖУРНАЛА «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»
П.Д. БОБОРЫКИНА

В статье идет речь об освещении так называемого «женского вопроса» в журнале П.Д. Боборыкина «Библиотека для чтения». Данный «вопрос» касался положения женщины в обществе, ее борьбе за равные права и возможности.

Ключевые слова: женский вопрос, П.Д. Боборыкин, журнал «Библиотека для чтения», Н.Г. Чернышевский.

XIX век является одним из самых значимых периодов в истории России. Реформы, войны, научные открытия – все это меняло сознание и мировоззрение людей. В это время возникает много общественно-политических и социально важных вопросов – польский, крестьянский, вопрос образования и, конечно же, женский вопрос. Начиная с эпохи Просвещения многие великие умы, говоря о равенстве и правах, имели в виду не только классовое равенство, но и равенство женщины и мужчины в социальном, общественном и политическом отношении. Однако не многие допускали мысль, что слабый пол может получить право голоса и заниматься какой-либо деятельностью, помимо той, которой женщина занималась испокон века – ведение домашнего хозяйства, рождение и воспитание детей. Православная религия требовала от женщины подчинения патриархальным традициям.

Однако находились и те, кто считал, что женщина может сыграть важную роль в развитии общества, если помочь ей освободиться «из-под гнета патриархального семейного уклада»¹. Стоит отметить, что уже в 50-е годы XIX в. «женский вопрос» «задается» все чаще. В эти годы на страницах многих передовых изданий появляются критические статьи, в которых затрагивается вопрос женского образования, поскольку многие понимают, что всесторонне развитый член

общества независимо от его пола принесет бóльший вклад в развитие общества. Первая реформа женского образования была проведена Александром II в 1856 г. «В системе народного образования по сие время преимущественное внимание правительства обращено было на образование мужского пола. Институты для девиц, обязанные существованием своим попечениям особ августейшего дома, предназначены для ограниченного числа дочерей дворян и чиновников; лица же среднего состояния, особенно в губернских и уездных городах, лишены возможности дать дочерям своим необходимое образование, соответствующее даже скромному их быту. Между тем, от этого зависит как развитие в массах народных истинных понятий об обязанностях каждого, так и всевозможные улучшения семейных нравов и вообще всей гражданственности, на которые женщина имеет столь могущественное влияние. Поэтому учреждение открытых школ для девиц в губернских и уездных городах и даже больших селениях было бы величайшим благодеянием для отечества и, так сказать, довершило бы великую и стройную систему народного образования, обнимая собою всеобщие и специальные нужды всех состояний и обоих полов»².

По мнению историка Евгения Анисимова, «с началом реформ Александра II в 1860-е годы изменилось отношение к женщине вообще. В России начинается долгий и мучительный процесс эмансипации. Из женской среды, особенно из числа дворянок, вышло немало решительных, отважных женщин, которые открыто рвали со своим окружением, семьей, традиционным укладом, отрицали необходимость брака, семьи, активно участвовали в общественной, научной и революционной деятельности»³. Курсистка Е.А. Андреева-Бальмонт вспоминала: «Я узнала, что замужество для девушки вовсе не обязательно, что быть старой девой не смешно и не позорно. Позорно быть “самкой” и ограничиваться интересами кухни, детской и спальни. Я узнала <...> что для женщины теперь открывается много путей деятельности. Главное в жизни – учиться, приобретать знания, только это дает самостоятельность и равноправие»⁴.

На страницах ведущих российских журналов публиковались статьи А.И. Герцена, Н.П. Огарёва, Н.А. Добролюбова, М.Л. Михайлова, Д.И. Писарева, К.Д. Ушинского и других, посвященные положению женщины в обществе. Теперь о положении женщины писали не только специализированные женские издания, но и крупные общественно-политические журналы и газеты.

Не отстает от коллег некогда популярный журнал «Библиотека для чтения», теперь возглавляемый писателем и журналистом

Петром Дмитриевичем Боборькиным, который хорошо известен исследователям как автор романов «Василий Теркин», «Однокурсники», «Жертва вечерняя», «Поумнел», «Китай-Город», и др. Журнал «Библиотека для чтения» был буквально делом всей жизни Боборькина: он вспоминал в мемуарах, что с самого начала литературной деятельности мечтал стать редактором крупного издания. Боборькин был умерен в своих политических взглядах и считал необходимым не вступать в полемику, но, вопреки многочисленным нападкам и критике, продолжать работу на дело социального прогресса.

Потому, несмотря на стремление Боборькина не вступать в борьбу «мнений и направлений»⁵, в «Библиотеке» публиковались статьи, посвященные важным общественным событиям. Однако это были публикации не «на злобу дня», а пространные аналитические статьи, в которых читатель мог всегда встретить большие цитаты из других изданий (чаще всего с противоположными точками зрения), подробные отчеты, что предоставляло ему возможность делать самостоятельный вывод.

Такой подход к редакторскому делу не мог принести журналу популярность, а его владельцу – доход. По словам С. Чуприна, это – «традиционный дворянский либерализм с его ориентацией на западноевропейскую конституционность, с его вялым сочувствием народу как к “меньшему брату”, с его надеждами на прогресс, рост просвещенности, эволюцию»⁶.

Идеи женской независимости и равенства полов сам Боборькин принимал, хотя некоторые проявления женской эмансипации остались ему чуждыми. В мемуарах он писал, что ему не было присуще стереотипное отношение к слабому полу. «В аудиториях университета допуск женщин был мне симпатичен; но “нигилистическим” мундиром я не восхищался: ни стриженными волосами, ни умышленно небрежным туалетом, ни резкостью манер и жаргона»⁷.

Первая статья в период работы Боборькина в качестве редактора журнала «Библиотека для чтения» вышла в сентябре 1863 г. и называлась «Что мешает женщинам быть самостоятельными (По поводу романа г. Чернышевского “Что делать?”)». Автор – Е.Ц-ская. Этот псевдоним принадлежит Елизавете Николаевне Водозовой, детской писательнице, педагогу и мемуаристке.

В статье в сатирической форме представлены несколько типов женщин, которые, прочитав роман Чернышевского «Что делать?», вдохновились на самостоятельную независимую жизнь. Но эта независимая жизнь далека от той, что описывал Николай Чернышевский: богатые и знатные женщины понимают свободу как право

делать все, что им захочется, не считаясь с мнением окружающих, но продолжая жить на деньги мужа. Напротив, и автор романа, и автор статьи подразумевали под свободой финансовую независимость женщины и ее право трудиться в достойных условиях: «Немудрено, что труд не под силу скоро ее утомляет и она выполняет его кое-как, опустя руки. Хорошо, если б школа и общество открывали ей и другие пути в деятельности, чтобы первую ее заботою не было обеспечить себя замужеством. Что касается школы, то, желая в ней применения науки в жизни, мы не думаем ограничивать себя одними специальными знаниями; мы только желали бы, чтоб все наши знания шли впрок, имея живой, практический характер. Какое понятие получит девушка об обязанности матери, когда считается неприличным даже произнести перед нею слово “родить”?»⁸ В качестве примера приводятся очерки жизни двух женщин: одна становится гувернанткой, быстро разочаровывается в своих способностях и приходит к мысли, что замужество – это решение всех ее проблем. Другая сразу после окончания учебы выходит замуж и понимает, что школа не подготовила к бытовым трудностям, с которыми сталкивается каждая женщина.

Елизавета Водовозова считает, что в проблемах этих двух героинь виновато современное образование, так как оно, по ее мнению, не готовит женщину к жизненным трудностям: «Мы представили в двух очерках – гувернантки и хозяйки дома, как наша школьная наука мало prepares женщину к самостоятельному положению в жизни»⁹. Отсюда можно сделать вывод, что решение «женского вопроса» кроется не только в переосмыслении положения женщины в обществе, но и в ее образовании. Особенность данной статьи заключается в том, что ее автор не просто женщина, которая пережила подобные проблемы, но и педагог, знающий о всех минусах женского образования.

Для сравнения можно привести публикации в журнале «Время» братьев Достоевских, где вопрос женского образования также был затронут. В статье «Нечто об аттракции, кринолине, женственности и мужественности» в отделе «Внутренние новости» рассказывается об открытии женских воскресных школ и училищ. Авторы положительно относятся к идее образованности женского пола, но так же, как и Водовозова, находят много минусов в существующей системе. Предлагая идею образования для уже взрослых женщин, например горничных, они, «впрочем, надеются, что со временем воскресную школу будут посещать горничные, если только их барышни, сами сделавшись преподавательницами в школе, не будут задерживать их до полудня за прическами и другими неотложными

делами»¹⁰. Конечно, здесь поднимается несколько другая проблема, чем в «Библиотеке», – социальное неравенство. Оно продолжает существовать и является серьезным препятствием для многих желающих получить образование и найти достойную профессию.

Следующая статья, посвященная женской проблеме, вышла в мартовском номере журнала «Библиотека для чтения» за 1863 г. Автор статьи «Судьба женщины в народных книгах» – Ф. Буслаев, филолог, языковед, фольклорист, историк литературы и искусства. В этой объемной работе разбираются причины негативного отношения к женщинам. Автор приводит примеры женских образов из европейских сказок, где представительницы слабого пола становятся ведьмами, соблазнительницами, лгуньями и приспешницами дьявола. И эти образы кочуют из сказки в сказку на протяжении многих лет, что, как считает Буслаев, и стало причиной грубого и жесткого отношения к женщине в реальной жизни. «Каковы бы ни были исторические основы, но статья о *женской злобе*, ведущая свое начало от древнейших времен, составляла самое народное чтение и у нас, и на западе». И далее: «Правда, что старинные книжки не настолько были ослеплены безусловным, крайним аскетизмом, чтобы в женщине, как в супруге и матери, ничего уже не видели доброго, и они действительно касаются иногда ее хороших качеств, но только мимоходом, в противоположность злой жены, чтобы еще резче оттенить качества последней»¹¹. И подобное отношение к женщине в книгах имеет место не только в западной литературе, но и в русской. Домострой, сборник изречений византийского происхождения «Пчела» и прочие церковно-дидактические произведения много лет служили основным источником поведенческой модели для обычного человека: как молиться, как работать, как вести себя в церкви, как строить семью, как обращаться с женой.

В качестве еще одного источника грубого и несправедливого отношения к женщине автор статьи называет популярные в то время лубочные издания. Злая жена, франт и прочие отрицательные герои одеты на европейский манер, положительные – «по старинному иконописному обычаю»¹². Другими словами, хорошая жена – та, которая соответствует христианской традиции полного послушания, терпит побои, плохое отношение со стороны родни мужа, хлопочет по дому и не смеет противоречить мужу. В то время как образованная, современная женщина, имеющая характер, – плохая жена.

Однако есть и примеры, когда слабый пол вносит вклад в развитие мира: мифические Паллада и Церера или Жанна д'Арк. А значит, и в реальной жизни женщина «приобретет» положительные черты. И отношение к ней соответственно изменится.

Из приведенных двух статей – «Что мешает женщинам быть самостоятельными (По поводу романа г. Чернышевского “Что делать?”)» и «Судьба женщины в народных книгах» – видно, что положение женщин занимает не только общественных деятелей, но и ученых, поэтому данную проблему можно смело назвать «общей». Кроме того, поиск первопричины и анализ проблемы, которые встречаются в обеих статьях, являются своего рода показателем, что данный вопрос актуален и интересен. И не только как тема для праздных разговоров – людей волнует и ответ на этот вопрос. Стоит отметить, что Петр Боборыкин не был сторонником идей Николая Чернышевского: «Ни я и никто из моих постоянных сотрудников не могли, например, восхищаться теми идеалами, какие Чернышевский защищал в своем романе “Что делать?”, но ни одной статьи, фельетона, заметки не появилось и у нас (особенно редакционных), за которую бы следовало устыдиться»¹³.

Статья, которая также затрагивала тему женской независимости, вышла в сентябрьском номере «Библиотеки» за 1864 г. Автор не указан, так как опубликована она была в общем разделе «Общественные заметки». В этот раз темой для обсуждений стали женские общественные и благотворительные организации Петербурга.

Одна из главных задач этих обществ – обеспечение женщин достойным трудом и, при необходимости, финансовой поддержкой. «Женщина ищет деятельности и труда, деятельности более производительной, чем та, которой она пользовалась до сих пор, – одним словом, деятельности общественной»¹⁴. Однако, по мнению автора заметки, несмотря на свою активность, эти организации не решают «женского вопроса»: общества существуют на пожертвования и вклады меценатов, т. е., грубо говоря, на деньги состоятельных мужчин. Кроме того, женщины, вступающие в эти организации, получают небольшие выплаты, только будучи безработными, а работая – сами делают взносы. Одни члены подобных организаций, получая такие выплаты, не спешили искать работу, а другие соглашались на тяжелый и унижительный труд, лишь бы оплатить членские взносы. В итоге получается, что женщина по-прежнему находится в зависимости от мужчины и целого ряда обстоятельств и обязательств, навязанных ей.

К примеру, княгиня Мария Тенишева, меценат и общественный деятель, в мемуарах рассказывает о своей попытке помочь крестьянкам начать самостоятельно зарабатывать в зимнее время, продавая пряжу. «Крестьянки сперва туго поддавались – они вообще консервативны, недоверчивы и ко всяким новшествам неподатливы, брались робко, с неохотой, уходили, возвращались. Прихо-

дилось переплачивать, чтобы заинтересовать, привлечь их. Рисковали лишь самые смелые, но зато немного погодя не было отбоя от них, за пятьдесят верст приходили иногда, умоляя дать работу»¹⁵. Однако, несмотря на успех предприятия, Тенишева столкнулась с неожиданными трудностями: аферисты, пользуясь доверием мецената, обворовывали ее. «Она <Погосская, заведующая магазином, через который сбывалась пряжа. – примеч. автора> не видела в поступке дочери ничего особенного, всячески старалась ее оправдать, и я не заметила в ней ни тени сожаления о случившемся. Это навело меня на мысль, что деньги, которые я так щедро валю на “Родник”, в плохих руках, и сейчас же послала сделать полную ревизию магазина, в котором оказалось менее чем за три месяца существования уже три тысячи дефицита. Таким образом, мое бедное предприятие с первых же шагов потерпело убытки»¹⁶. Но, хотя многие проекты княгини пришлось закрыть, она продолжала свою активную благотворительную деятельность.

Таким образом, статьи журнала «Библиотека для чтения», посвященные женскому вопросу, показывали его с трех разных сторон: проблема образования, историческая несправедливость и несовершенство уже существующих методов решения проблемы. Это полностью отвечает журнальной политике Петра Боборыкина – приводить несколько точек зрения на актуальный вопрос. Конечно же, тема равенства и независимости женщины занимает на страницах «Библиотеки» отнюдь не первое место, уступая, например, польскому или крестьянскому вопросам, но это показывает редакторскую работу Боборыкина и его активный интерес к общественной жизни.

Примечания

- ¹ Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] // Информационный портал женского освободительного движения. URL: <http://womenation.org/polozhenije-zhenschin-v-rossii-xix-vek/> (дата обращения: 27.12.2014).
- ² Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Среднее женское образование в России. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 75–78.
- ³ Женский вопрос XIX – начала XX века [Электронный ресурс] // Страницы истории. URL: <http://storyo.ru/empire/186.htm> (дата обращения: 27.12.2014).
- ⁴ Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 286.

- ⁵ Боборыкин Петр Дмитриевич [Электронный ресурс] // Хронос. URL: http://hrono.ru/biograf/bio_b/boborykin_pd.php (дата обращения: 20.11.2014).
- ⁶ *Боборыкин П.Д.* Повести и рассказы / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. С.И. Чуприна. М.: Худож. лит., 1984. С. 16.
- ⁷ *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Э. Виленской, Л. Ройтберг. М.: Худож. лит., 1965. Т. 1. С. 274.
- ⁸ *Ц-ская Е.* Что мешает женщинам быть самостоятельными: (По поводу романа г. Чернышевского «Что делать?») // Библиотека для чтения. 1863. Сент. С. 19.
- ⁹ Там же. С. 18.
- ¹⁰ Нечто об аттракции, кринолине, женственности и мужественности // Время. 1861. № 5. С. 23.
- ¹¹ *Буслаев Ф.* Судьба женщины в народных книгах // Б-ка для чтения. 1863. Март. С. 13.
- ¹² Там же. С. 14.
- ¹³ *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. Т. 1. С. 356.
- ¹⁴ Общественные заметки // Б-ка для чтения. 1864. Сент. С. 79.
- ¹⁵ *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.И. Пономарева. СПб.: Искусство, 1991. С. 199.
- ¹⁶ Там же. С. 200.

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ КИЕВСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ М.Е. КОЛЬЦОВА

Статья посвящена киевской публицистике М.Е. Кольцова. Анализируются факторы, вследствие которых журналисту пришлось скрывать свою деятельность в Киеве в 1918 г. Публикуется до сих пор не введенная в научный оборот киевская статья Кольцова «В стане Петлюры».

Ключевые слова: М.Е. Кольцов, гетман П.П. Скоропадский, С.В. Петлюра, газета «Вечер».

Биография журналиста М.Е. Кольцова хорошо известна исследователям. Один из организаторов советской печати, он был редактором журналов «Огонек», «Чудак» и «Крокодил», членом редколлегии газеты «Правда», журнала «СССР на стройке», руководил акционерным издательским обществом «Огонек», впоследствии реорганизованным в государственное газетно-журнальное объединение «Жургаз».

Гораздо менее известен первый период его биографии: с 1915 по 1920 г. Кольцов начинал как автор журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», после революции собирался эмигрировать – однако это его желание не было реализовано. В сентябре 1918 г. он вступил в РКП (б), работал в Наркомпросе и в том же году уехал в родной Киев. Киев 1918 г. был столицей Украинской державы, возглавлявшейся гетманом П.П. Скоропадским и поддерживаемой немецкими и австро-венгерскими войсками.

В Киеве Кольцов активно участвовал в общественной и культурной жизни и печатался в гетманской прессе. И если в 1918 г. Скоропадский не мыслился врагом РСФСР (в Киеве присутствовала советская дипломатическая миссия, возглавлявшаяся И.В. Сталиным), то впоследствии, после установления советской власти на всей Украине, гетман стал оцениваться официальной пропагандой

как враг. Соответственно и Кольцов старался избегать упоминаний о своем киевском творчестве, никогда не перепечатывал статьи и фельетоны 1918 г.

Между тем в киевских газетах того периода немало такого рода материалов. Один из них публикуется в настоящем издании. Это – статья «В стане Петлюры. От нашего специального корреспондента» (Вечер. Киев. 1918. 25 нояб.). Статья тем более интересна, что для ее написания Кольцову пришлось проникнуть в лагерь С.В. Петлюры – злейшего врага Скоропадского, который вскоре, в декабре 1918 г., выбьет гетманские войска из Киева.

Орфография и пунктуация оригинала приведены к современным нормам.

* * *

Мих. Кольцов

В СТАНЕ ПЕТЛЮРЫ

От нашего специального корреспондента

1. Лагерь

В полуверсте от станции Боярка, на широкой и длинной, уже оснеженной лесной поляне курятся дымки. Подхожу.

Маленький бивуак. Два костра. В котлах варится какая-то горячая гуща. Сбоку груды дров, очевидно, взятых со станции.

Человек восемьдесят повстанцев рассеялись по всей поляне, сидят у костров, лежат на широких дырявых брезентах, расхаживают крупными и беспокойными шагами по мерзлой земле.

Их немного, но все они какие-то разные, непохожие, несовместимые. И трудно с первого раза уловить, в ком из них живет настоящая душа восстания – в этих ли нескольких широких краснорожих, с дубовыми плечами и ногами гайдамаках, или в юрких цыганообразных «синежупанниках» с цепкими движениями рук и конокрадными ухватками, или в молчаливых медленных обросших «пленниках», или в кучке пьяненьких крестьян, сипло закатывающихся хохотом у костра.

На краю поляны, под большой сосной – нечто вроде митинга. Спор. Говорят двое. Остальные тяжелым угрюмым кольцом слушают.

Высокий худой пленный в австрийских желтых башмаках и почему-то в плюшевой художнической куртке глухим простуженным голосом жалуется. Говорит неумело, несчастно и отрывочно.

– Мы, сла... Богу, с четырнадцатого году... На Сталупенен шли... В болотах жили. Ни тебе махорки... Самсонов-генерал... Теперь какое же припоминание выходит?! Абы кровь сочили... Безутешное дело...

Гайдамак с черным грязным суконным шлыком на шапке отвечает по-украински, протяжно и напористо. Говорит он долго и яростно, машет красной обмерзшей рукой:

– Вы усі повинны прійматы активну частину в нашей боротьбе!..

Солнце спускается под лагерь. Меркнет поляна, становятся строже и резче узкие оконцы с колючей проволокой и пулеметы, уставленные на север: к Жулянам и к Киеву.

Мужички у костра переобуваются. Одному из них очень весело.

– Погоди, у Киев припрем, из бабьих юпок онучи надерем!..

– Хы-ы-ы...

2. Боярка

На вокзал не пускают. Он оцеплен со всех сторон, окружен пешими и конными часовыми, опутан проволокой.

Но если стать на пригорке у Боярских дач, маленький летний вокзал виден во всех деталях.

По платформе, где недавно гуляла разряженная боярская публика, грузно расхаживают петлюровские воины из разных «куренных» и «загонов» с длинными, разных цветов хвостами на папахах, с тяжелыми черными винчестерами.

Видна суета и нервность.

Около водокачки, на запасном пути, стоит поезд из трех классных вагонов и трех теплушек. Здесь, по-видимому, штаб-квартира мятежнического начальства.

В лесу, за станцией – непрерывная стрельба. Стреляют странно, прерывисто и вразброд, в разных местах и направлениях.

Дачная Боярка совсем умерла. Несколько десятков семейств киевлян-зимогоров, застрявших здесь по недостатку квартир, затихли и притаились в жалких домиках. Выходить весьма небезопасно – без вести пропавших или просто пристреленных среди боярцев насчитывается уже немало народу. И уже пять дней – без продовольствия, без газет, без сна.

На площадке перед большим кубом, где летом киевские юнцы играли в футбол, теперь рядом сложено пять трупов. Три украинца и двое вернувшихся из плена. Эти два повернуты лицами вниз. Рогожа. Когда их похоронят – неизвестно.

Военный врач и общественный деятель Л. пробирается в Киев из Фастова. По его словам, город совершенно терроризован отрядами Петлюры. От артиллерийского обстрела пострадало много

домов и училище. На улицах бесчинствуют. На краю города идут избиения евреев. Особенно усердствуют большие орды подростков, явившиеся неизвестно откуда.

В Василькове г. Л. едва не стал жертвой самосуда. Офицеров и евреев избивали у вокзала прикладами и тесаками...

К вечеру стрельба у Боярки стихает. По шляху гонят к вокзалу неоседланных крестьянских лошадей, очевидно, отнятых у крестьян.

С юга небо краснеет далеким заревом. Горят села возле Будаевки и Глевахи. Там расположены главные силы повстанцев.

Медленно, тяжело из сумерек ползет оттуда нагруженный воз. Перевязан веревками убогий скарб, какие-то табуретки, самовар. Наверху – баба с ребенком. Хозяин плетется рядом, причмокивая и устало вздыхая.

Это уже выселенцы, первые беглецы из объятого огнем и смертью уезда. Они уже движутся с усталой неизбежностью, такой знакомой за четыре года войны.

– Откуда?

– Из Янковичей мы. Совсем стало невозможно... Грабят, мельницу пожгли. Еще самих нас забьют. Уходим...

Он хотел посмотреть на небо, но вместо этого сплюнул и громко, протяжно высморкался. Лошадь вздрогнула и пошла.

Боярка, 22 ноября.

ПОВЕСТЬ В.С. ГРОССМАНА «ВСЕ ТЕЧЕТ...»
В ОЦЕНКЕ КРИТИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
1970–1980-х гг.

В статье изучается специфика критической рецепции повести Гроссмана «Все течет...» в русскоязычной эмигрантской прессе. Автор анализирует отзывы на книгу и приходит к выводу, что она воспринималась исключительно как политическое сочинение. Подробно описываются полемика между рецензентами повести, а также круг проблем, затронутых в ходе дискуссии.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, «Все течет...», критика Русского Зарубежья, А.П. Столыпин, Д.М. Штурман, А.И. Солженицын, Ш.П. Маркиш.

Имя В.С. Гроссмана современный читатель, как правило, соотносит с заглавиями двух его антисоветских произведений – романа «Жизнь и судьба» и повести «Все течет...», опубликованных в СССР в 1988 и 1989 гг. соответственно¹.

Однако, несмотря на популярность и родственность «Жизни и судьбы» и «Все течет...», исследованы эти тексты отнюдь не «пропорционально». Поэтике и идеологии первой книги посвящены десятки работ². История ареста рукописей «Жизни и судьбы», осуществленного 14 февраля 1961 г., до сих пор рассказывается как детективный роман и провоцирует полемику между учеными³.

О «Все течет...» известно существенно меньше. Обычно говорится, что работал над ней Гроссман с 1955 г. до самой смерти. Упоминается иногда, что еще в 1970 г. повесть была напечатана в Германии, подробности при этом не сообщаются. Не говорится ничего и о реакции эмигрантской критики на появление гроссмановского сочинения⁴. Именно последнему вопросу и посвящена данная статья.

* * *

Сказанное выше о публикации «Все течет...» в Германии верно лишь наполовину. Действительно, повесть вышла в издательстве «Посев» в 1970 г.⁵ Однако эта публикация не была первой. Еще раньше две главы повести были напечатаны журналом «Грани», и еще одна – журналом «Посев»⁶. Эти публикации были призваны анонсировать будущее книжное издание. Однако и это еще не все: чтобы напечатать фрагменты «Все течет...», редакция «Граней» даже решила изменить формат журнала: «<...> Этот номер выходит с увеличенным количеством страниц из-за того, что в последний момент, когда номер подписывался к печати, в него были включены отрывки из книги “Все течет...” Вас. Гроссмана»⁷.

В это же время явно торопившаяся познакомить читателя с гроссмановской повестью редакция «Граней» заявила, что только издательство «Посев» (в котором и выходили журналы «Грани» и «Посев») обладает эксклюзивным правом на публикацию «Все течет...». На первой же странице, в сноске, было сказано: «Перепечатка или перевод на иностранные языки, даже в отрывках, воспрещается. © 1970 by Possev-Verlag, V. Gorachek, Frankfurt/M».

Это заявление могло бы свидетельствовать, что «Все течет...» – настоящая литературная находка для издательства. Можно было бы ожидать потока рецензий на это сочинение. Однако с 1970 по 1979 г. включительно в эмигрантской прессе появилось всего лишь два отзыва, причем первый был разгромным.

В 1971 г. в 81-м номере «Граней» же была напечатана статья А.П. Столыпина «Ошибочная историческая концепция Вас. Гроссмана»⁸. Главным объектом критики в ней стал образ России – «великой рабы», как изобразил ее во «Все течет...» Гроссман. Уподобив Гроссмана и прочих интеллигентов «великому нытику Некрасову» (sic!), Столыпин предупреждает об опасности неверия в силу русского духа: «Если Россия – вечная раба и ни к чему иному, чем к рабскому состоянию, не приспособлена, то, может быть, и никакой строй, чем тоталитарный, в нашей стране не возможен?» Затем он, впрочем, проявляет снисходительность к автору, сетуя на то, что тот просто не смог выучить историю, живя в изолированном государстве, и, видимо, был склонен к депрессиям, что и отразилось на тональности его последнего сочинения.

Далее Столыпин полемизирует с утверждением Гроссмана, что настоящее Русское государство родилось, когда был отменен Юрьев день: «Поскольку речь идет о “рождении русской государственности”, выходит так, что “Юрьев день” был упразднен в 862 году с воцарением нашей первой варяжской династии, а не Бо-

рисом Годуновым в самом конце XVI века, как это имело место на самом деле. Ведь нельзя же утверждать, что в течение более семисот лет – от Рюрика до Бориса Годунова – вместо русской государственности было лишь розовое облачко?»

Вердикт Столыпина суров: «А так получается довольно сбивчивая картина, дезориентирующая малосведущих, огорчающая ревнителей нашей народной истории, могущая быть взятой на вооружение иностранными недоброжелателями нашей страны, которые любят приписывать возникновение и длительность тоталитарного властвования в России специфическим чертам “русской души”».

Таким образом, автор не оправдал ожиданий критика. Воздвигая собственную идеологическую систему, он не более чем огорчил «ревнителей нашей народной истории», а также, сам того не ведая, предоставил замечательный повод неким «иностранным недоброжелателям нашей страны» осудить слабость русской природы. Примечательно, что о расстроенных чувствах ревнителей русской истории сокрушается эмигрантский критик. Также примечательно и то, что, осуждая неполноценную, противоречащую, с его точки зрения, фактам историческую концепцию Гроссмана, Столыпин выдвигает свою историческую концепцию, пожалуй, еще менее полноценную, не учитывающую еще большего количества факторов. Поэтому складывается впечатление, что задача критика – не оценить произведение, а объяснить, почему оно плохо. Однако это не единственная странность. Столь дорогая, как можно было бы судить по редакционному предисловию, литературная находка была не только разгромлена «Гранями», но и постепенно перестала издаваться. Дискредитированная повесть активно рекламировалась в эмигрантской прессе, однако переиздана была только в 1973 и 1974 гг., после чего уже ни разу не была перепечатана за границей. В середине 1980-х годов она уже считалась библиографической редкостью⁹.

В этом отношении особую значимость приобретают претензии издательства «Посев» на эксклюзивное право публикации «Все течет...». Ведь такое заявление возлагает на издательство ответственность не только за публикацию – но и за неопубликование текста. При этом до сих пор остается неясным, на каком основании подобное заявление вообще было сделано. Ведь в то время была жива наследница Гроссмана, Е.В. Короткова-Гроссман (р. 1930). И пусть формальностями можно было и пренебречь (автор мертв, повесть при его жизни не публиковалась...), это не могло служить ни объяснением, ни оправданием посевовского заявления. Поэтому невольно складывается впечатление, что решалась не столько

задача анонсирования и популяризации книги, сколько установление контроля над ее хождением за границей. Эта задача, вероятно, представлялась актуальной, коль скоро повесть оскорбляла чувства «ревнителей нашей народной истории» и могла сыграть на руку «иностранным недоброжелателям нашей страны».

Как бы то ни было, молчание затянулось на восемь лет. И только в 1979 г. в журнале «Время и мы» появилась статья Д.М. Штурман «Стукачи и гонг справедливости»¹⁰. В отличие от Столыпина Штурман анализирует не концепцию рабства в русской истории, а проблему доносительства, одну из главных в повести.

Штурман преклоняется перед человечностью Гроссмана, отказавшегося судить доносчиков, и заявляет, что именно по этой причине не может вполне доверять прозаику и историку А.И. Солженицыну, оправдывавшему в «Архипелаге ГУЛАГ» убийство стукачей: «Как все страстно поглощенные своей истиной люди, А. Солженицын окрашивает владеющим его душой настроением любую ситуацию, которая его занимает. Но сильная и целеустремленная власть лишь в редчайших случаях бывает сдержанной и щепетильной по отношению к чужим правам. И если слабая власть порождает хаос и легко уступает деспотизму, то сильная власть сама легко вырождается в деспотизм. И от этого противоречия нельзя уйти».

Таким образом, историческая концепция Солженицына расценивается Штурман как ошибочная, и подобно тому как Столыпин критиковал историческую концепцию Гроссмана, Штурман критикует историческую концепцию Солженицына.

Следующее упоминание о «Все течет...» также появилось в полемическом контексте. Вернее, в контексте историко-литературного скандала.

Во втором номере израильского журнала «Народ и земля» за 1984 г. была опубликована статья Ш.П. Маркиша «Пример Василия Гроссмана» – краткий очерк жизни и творчества писателя¹¹. В конце 1985 г. журнал «Континент» опубликовал отзыв на первые два номера этого израильского журнала и на статью Маркиша в частности¹².

Отзыв был резко отрицательным. Критик обвинил Маркиша в том, что тот грубо искажал идею повести: «Ш. Маркиш пишет: «Мыслители и пророки России, ее сильнейшие умы и сердца воспевали русскую душу и предрекали ей великое будущее, но они не видели того, что русская душа – тысячелетняя раба. Именно поэтому избранником ее стал Ленин». Далее это утверждение критика подкрепляется цитатами из Гроссмана, но <...> цитаты едва ли убедительно подтверждают эту весьма модную среди западных

расистов концепцию. К счастью, такие “историософские” пассажи в журнале – исключение».

Упрек в адрес Маркиша можно было бы оценивать как более или менее обоснованный, если бы не текстуальная нестыковка. Дело в том, что Маркиш не столько пересказывал мысль Гроссмана, подтверждая ее цитатами, сколько напрямую цитировал автора. В определенном смысле Маркиша можно было бы упрекнуть в некорректном использовании первоисточника – но никак не в необоснованной его интерпретации. Вот цитата из «Все течет...»: «Эти пророчества сильнейших умов и сердец России объединялись одной общей им роковой чертой. Все они видели силу русской души, прозревали ее значение для мира, но не видели они, что особенности русской души рождены несвободой, что русская душа – тысячелетняя раба. Что даст миру тысячелетняя раба, пусть и ставшая всесильной?»¹³. Следовательно, Маркиш ничего не додумал и не добавил от себя – и обвинить его в голословности было странно. Текст Гроссмана сам все доказывает. Однако было бы абсурдно утверждать, что критик «Континента» не понимал этого. Либо же придется признать, что он сам гроссмановскую повесть не читал, но и в это трудно поверить. Таким образом, можно предположить, что упрек был средством, а не целью. Он служил чем-то вроде предостережения: этой темы, как и этой повести, лучше избегать.

Еще жестче сформулированы критические сентенции в заключительной части рецензии, подписанной редколлегией «Континента» и отделенной от основного текста отточием и пробелом: «ОТ РЕДАКЦИИ: С легкой руки некоторых литературоведов в штатском, осевших на Западе по предварительному соглашению с Лубянкой, розенберговский миф об исконном русском рабстве принялся разгуливать по страницам определенного рода русскоязычных изданий в нашем Зарубежье. Замысел авторов этой, давно скомпрометировавшей себя идейки хрустально прозрачен: помочь советской дезинформации спровоцировать в Советском Союзе волну ответного массового антисемитизма»¹⁴. Далее редакция задает Маркишу четыре прямых вопроса. Во-первых, почему вместе с так называемым рабским русским народом Ленина избрал и отец Шимона Маркиша поэт Перец Давидович Маркиш? Во-вторых, почему по ленинскому пути пошли представители самых разных национальностей? В-третьих, почему среди эмигрантов из СССР нет ни одного ленинца? И наконец, почему же столь ненавидевший Ленина Гроссман до конца жизни «носил в кармане партийный билет, на котором красуется силуэт “великого вождя мирового пролетариата”»?¹⁵

Опять же все эти вопросы впору было задать не Маркишу, а самому Гроссману, будь он жив. Однако последний вопрос его бы, скорее всего, глубоко озадачил, поскольку в партии он никогда не состоял и билета с профилем Ленина в кармане никогда не носил. Но важно тут другое. Накал критики в данном случае возвысился до очень серьезных политических обвинений! Маркиша не просто осуждали за пропаганду идей расизма, но и намекнули на некую его договоренность с Комитетом госбезопасности. Слова о «литературоведах в штатском, осевших на Западе по предварительному соглашению с Лубянкой», явно были отнесены и к самому Маркишу. Иначе говоря, редакция «Континента» решилась на один из экстремальных риторических приемов – дискредитацию самого критика (который, кстати, Гроссмана ни в чем не обвинял). Был даже поставлен вопрос о роли П.Д. Маркиша, отца Шимона Маркиша, в культурной жизни СССР.

Действительно, П.Д. Маркиш, писавший в юности стихотворения на русском, уже после Октябрьской революции стал писать на идиш. И в 1939 г. единственный из еврейских поэтов был удостоен ордена Ленина. Как один из членов Президиума ЕАК он был арестован в 1949 г., а в 1952 г. – расстрелян. Таким образом, национальная принадлежность, по мысли редакции «Континента», не свидетельствует о большей или меньшей склонности к раблепию. Любая же попытка обобщения по национальному признаку приведет к конфликту – и будет способствовать эскалации антисемитизма, поскольку в сухом остатке получается, что один еврей якобы обвиняет русских в инертности и рабской покорности, другой же еврей подтверждает и тиражирует его мысли, не помня при этом собственного родства. В такой ситуации действительно удобнее всего возложить ответственность на известный своей агентурной сетью КГБ.

Выпад не остался без ответа. 21 февраля 1986 г. газетой «Русская мысль» была опубликована статья Маркиша «Любил ли Россию Василий Гроссман?». Ответы были заметно деликатнее сентенций редакции «Континента». Отвечая на обвинения «Континента», Маркиш, по его словам, в первую очередь стремился защитить не себя, а честь самого Гроссмана: «Я пишу эту статью не в защиту самого себя и не ради полемики. Меня тревожит доброе имя “моего” писателя <...>».

Для ответа на вопрос, обозначенный в заглавии, необходимо учитывать несколько факторов.

Во-первых, контекст самой повести: «“Все течет...” давно не перепечатывалась по-русски, книгу нелегко разыскать, и это очень

досадно, потому что и на свежий взгляд, и при повторном прочтении десять страничек 22-й главы *в контексте всей повести* оставляют впечатление нежности и жалости к русской судьбе и российской истории <...>». Во-вторых, необходимо учитывать биографию самого автора, защищавшего Россию на фронте. В-третьих, необходимо учитывать контекст русской классической литературы. «Если гневные и горькие слова русского писателя о России считать доказательством русофобства, придется зачислить в русофобы даже и не знаю какую часть русской литературы, – может, половину, а может, и больше, без различия времен, направлений и жанров», – утверждает Маркиш. Так, по его определению, в русофобии можно будет на основании нескольких строк обвинить и В.С. Печерина, и А.С. Хомякова, и П.Я. Чаадаева, и М.Е. Салтыкова-Щедрина, и Д.С. Мережковского, и И.А. Бунина, и многих других. Что же касается слов о почти супружеском сродстве России с Лениным, то и эта мысль, утверждает Маркиш, была выражена задолго до Гроссмана, например Н.А. Бердяевым, которого в русофобии все же не винят.

Характерно при этом, что, пытаясь оправдать повесть и ее автора, Маркиш старательно отделял ее от политической ситуации в эмигрантской среде. Вряд ли можно считать случайностью и то, что Маркиш не возвращался к своему варианту интерпретации текста, в чем формально был обвинен. Иначе говоря, обе стороны явно понимали, что обсуждение взаимных претензий полагается вести поверх формулировок, которые здесь скорее служили поводом. Маркиш избрал позицию академическую, неслучайно в начале статьи он был заявлен как профессор. На этом спор и был исчерпан.

* * *

Таким образом, гроссмановская повесть в целом не интерпретировалась – обсуждались лишь некоторые ее фрагменты, причем исключительно в политическом, а не художественном аспекте. Проблематика повести так или иначе обнажала множество разногласий между эмигрантскими литераторами и публичными деятелями и задевала интересы кого-то из них: будь то «ревнители нашей народной истории» или те, кто позиционировал себя как противник идей расизма. Не исключено, что по этой причине повесть не переиздавали ни во второй половине 70-х, ни в 80-х годах. К этому тексту апеллировали и в споре с Солженицыным, также противопоставляемым Гроссману. «Все течет...» – даже через 15 лет после публикации – оказалась настолько неудобной для ряда эмигрантов, что в ходе полемики о ней один из известнейших критиков русского

зарубежья Ш.П. Маркиш был обвинен редакцией журнала «Континент» в работе на КГБ. Несмотря на то что, таким образом, с самого Гроссмана была снята ответственность за его сочинение, а для Маркиша политических последствий не наступило, к обсуждению повести никто так и не вернулся.

Примечания

- ¹ Гроссман В.С. Жизнь и судьба // Октябрь. 1988. № 1. С. 3–104; № 2. С. 27–109; № 3. С. 25–156; № 4. С. 3–148; *Он же*. Все течет // Там же. 1989. № 6. С. 30–108.
- ² Бочаров А.Г. Часть правды – это не правда // Октябрь. 1988. № 4. С. 143–148; Гольденберг М.Е. Василий Гроссман «Жизнь и судьба» // Советская культура. 1988. 25 окт.; Добренко Е.А. Художественная идея и романная структура (Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба») // Художественный опыт советской литературы: стилевые и жанровые процессы. Свердловск, 1990. С. 95–106; Ланин Б.В. Идеи открытого общества в творчестве Василия Гроссмана. М.: Магистр, 1997.
- ³ См.: Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М. Интрига и судьба Василия Гроссмана // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 153–183; Сарнов Б.М. Как это было // Там же. 2012. № 6. С. 9–39; Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М. К истории публикации романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», или «Как это было» у Б. Сарнова // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 45. С. 175–203.
- ⁴ Ellis F. Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford, 1994. P. 18–19; Garrard J., Garrard C. The Bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N. Y., 1996. P. 290–298.
- ⁵ Гроссман В.С. Все течет... Frankfurt: Посев, 1970.
- ⁶ Гроссман В.С. Все течет... // Грани. 1970. № 78. С. 3–33; *Он же*. Тихая Машенька: Главы из книги «Все течет...» // Посев. 1970. № 11. С. 51–56.
- ⁷ См.: Грани. 1970. № 78. С. 1.
- ⁸ Здесь и далее цит.: Столытин А.П. Ошибочная историческая концепция Вас. Гроссмана // Грани. 1971. № 80. С. 216–223.
- ⁹ См.: Маркиш Ш.П. Любил ли Россию Василий Гроссман? // Рус. мысль. 1986. 21 февр.
- ¹⁰ Здесь и далее цит.: Штурман Д.М. Стукачи и гонг справедливости // Время и мы. 1979. № 42. С. 133–149.
- ¹¹ Маркиш Ш.П. Пример Василия Гроссмана // Народ и земля. 1984. № 2. С. 170–195.
- ¹² Здесь и далее цит.: По страницам журналов // Континент. 1985. № 45. С. 419–423.
- ¹³ Гроссман В.С. Все течет... Frankfurt: Посев, 1970. С. 175.
- ¹⁴ По страницам журналов. С. 421.
- ¹⁵ Там же. С. 422.

ЗАПРЕЩЕННОЕ КИНО: «ИНТЕРВЕНЦИЯ» Г.И. ПОЛОКИ В СОВЕТСКОЙ КРИТИКЕ И ПАРТИЙНОМ ДОКУМЕНТЕ

Статья посвящена феномену так называемого «полочного кино». «Интервенция» должна была выйти к 50-летию юбилею Октябрьской революции. Работа над фильмом совпала с трагическими событиями в Чехословакии 1968 г. Фильм не прошел «цензурный барьер», и лента пролежала «на полке» почти 20 лет. В статье анализируются газетные публикации перед предполагаемым выходом картины (1967), а также статьи после выхода фильма в 1987 г. Кроме того, в статье исследуется, каким образом фильм о революции приобрел статус практически антисоветской картины и какие механизмы были для этого задействованы.

Ключевые слова: советское общество, советская периодика, миф, цензура, «полочное кино», революция, юбилей.

Многие наши представления о культурных механизмах, действовавших в советском социуме, нуждаются в уточнении, и в полной мере это относится к феномену «полочного кино» – картинах, снятых в период советской власти, но не выпущенных на экран по идеологическим соображениям, а положенных «на полку» в хранилище без надежды дойти до зрителя. К такого рода работам относится и фильм «Интервенция» Г.И. Полоки. «Интервенция» была одной из многих лент, запущенных в производство к 50-летию юбилею Октябрьской революции. Однако зритель увидел фильм только в 1987 г., картина пролежала «на полке» почти 20 лет.

Поскольку юбилейные даты в советской системе координат приобретали почти что сакральный смысл, празднование 50-летнего юбилея революции превратилось в весьма масштабную акцию. Пленум ЦК КПСС провозгласил тезисы к 50-летию Октября – они вышли отдельным изданием¹. В советской периодике появилось огромное количество статей о ходе подготовки к торжествам.

В частности, следуя знаменитому тезису В.И. Ленина «о важнейшем из искусств», в журналах о кино «Советский экран» и «Искусство кино» тема революции стала одной из ключевых для обсуждения в юбилейном 1967 году. Почти обо всех картинах про революцию, которые тогда снимались, были сделаны подробные репортажи. Не стала исключением и «Интервенция», тем более что картину снимали по пьесе Л.И. Славина «Интервенция» об оккупации Одессы в 1918–1919 гг. Пьеса была написана драматургом еще в 1932 г. и успешно ставилась на сценах многих советских театров.

Молодой режиссер Г.И. Полока, взявшийся за эту работу, уже успел прославиться. Он снял в 1966 г. фильм «Республика ШКИД» по книге Г. Белых и Л. Пантелеева. Фильм вышел в прокат и имел успех. Советская кинокритика, можно сказать, «благоволила» режиссеру. Так, в первом номере журнала «Советский экран» появляется статья «Будем веселы, пока мы молоды...», где автор в целом симпатизирует режиссеру, хотя и отмечает недостаток профессионализма².

Тем не менее фильм Полоки – событие, и значительное.

Поэтому когда режиссер задумал следующую картину по пьесе Л.И. Славина «Интервенция», это не могло не вызвать интерес, тем более что лента была приурочена к юбилейной дате. В «Советском экране» появляется интервью с Г.И. Полокой, в котором режиссер рассказывает о проекте. В подводке к основному материалу Полока представлен как «молодой режиссер, недавно закончивший на “Ленфильме” картину “Республика ШКИД”, который делится мыслями о своей следующей постановке»³. Полока заявляет, что он ищет новую форму для своего кино⁴.

Отмечу, что режиссер сразу проговаривает свою главную идею – он собирается совмещать театральность и революцию. Но на уровне журнальной критики это пока не вызывает вопросов. Тем более в той же статье о замысле Полоки отзывается и Л.И. Славин: «Творческие установки этого художника мне близки»⁵. К тому же сказывается ажиотаж вокруг круглой даты – 50-летия Октябрьской революции. На страницах того же «Советского экрана» об «Интервенции» говорят еще раз. Вероятно, критика ожидала как минимум выхода картины в прокат и как следствие – ее удачной судьбы. Эта публикация появляется в том же 1967 году – корреспондент ведет репортаж прямо со съемочной площадки. Автор статьи считает, что о революции можно и даже нужно говорить на разных языках, а не только на языке «сурового героизма»: «Стоит ли убеждать, что революция умела не только сурово хмурить брови? Она *умела смеяться, умела иронизировать* (курсив мой. – Е. Б.)»⁶.

Еще раз Полока подтверждает, что собирается снимать кино в новом жанре эксцентриады, которая может быть политически злободневной⁷. Однако пока никаких последствий для режиссера и его съемочной группы нет. До поры на очередную ленту «о революции» никто из чиновников не обращает внимания. Хотя спустя годы журналист В. Фомин, пытаясь анализировать возникновение «полочных» фильмов, замечает, что с середины 60-х любую художественную мысль ставили в очень жесткие рамки⁸. Но подобная рефлексия – довольно позднее явление: все-таки 1967 год – это еще время надежд. Поколение 60-х пока еще разделяет с властью социалистические ценности и верит в «социализм с человеческим лицом».

В основе сюжета «Интервенции» – оккупация Одессы войсками Антанты. Революционер Бродский ведет в городе «двойную игру» и известен там под именем Мишеля Воронова – воспитателя Жени, сына банкирши Ксидиас, который мечтает стать революционером, но у него не хватает духу. Одновременно Бродский и другие подпольщики готовят восстание в Одессе. Но банкирша и ее сын узнают, что Воронов и Бродский – одно и то же лицо, доносят на него, революционера арестовывают и казнят. Все вполне «политкорректное», советское. Однако советский фильм неожиданно превратился фактически в «антисоветский».

Надо заметить, что уже на стадии обсуждения судьба картины не была простой. Сценарий, написанный непосредственно Л.И. Славиным, получил у главного редактора Второго творческого объединения Д.М. Молдавского положительный отзыв⁹. Но затем свое мнение высказал М.Ю. Блейман – сценарист, награжденный Сталинской премией за картину «Подвиг разведчика» (1947) и в силу этого имевший определенный авторитет. Блейман не умаляет высоких достоинств пьесы Л.И. Славина, однако сомневается в целесообразности съемок и подчеркивает:

Это вещь, написанная для театра, в котором некоторые условности неизбежны. <...> К примеру, то, что Женья Ксидиас добывает секретный договор белых и французов и передает его Жаворонкову, сегодня оказывается как удивительно несерьезное обращение с историческими документами и фактами <...> мне кажется, когда отношения СССР и Франции развиваются в дружественном направлении, было бы бестактно ставить фильм, напоминающий об интервенции французов, фильм, который их показывает не очень приглаженно¹⁰.

Блейман как опытный критик сразу видит, что те задачи, которые ставит съемочная группа, вряд ли совпадают с политической

целесообразностью и генеральной линией партии. В 60-е годы, которые скорее характеризуются как «оттепельное» время, революция как историческое событие воспринимается социумом положительно. Зазор состоит в том, что понимание революции и попытка проговорить те смыслы, которые за ней стоят, приобретают для определенных групп характер индивидуального выбора, что можно заметить на примере истории с фильмом Г.И. Полоки. Блейман как будто предвидит, что вопросы политической целесообразности, подачи революционных событий в том ключе, который выгоден руководству страны, вряд ли будут волновать съемочную группу.

В той же аналитической записке Блейман мягко не советует начальству запускать фильм в производство. Указывает даже на причины внешнеполитического характера: дескать, не стоит портить дружественные отношения между СССР и Францией. Но фильм тем не менее запускают в производство.

Директор киностудии «Ленфильм» И.Н. Киселев пытается закрепить определенный статус фильма и пишет бумагу на имя начальника главного управления кинематографией, в которой просит присвоить фильму наименование «музыкальная героическая комедия»¹¹. Киселев получает «добро», и некоторое время работа над фильмом не вызывает нареканий со стороны аппарата.

Анализируя подробности скандала в связи с выходом «Интервенции», отмечу, что исследователь В.П. Михайлов проговаривает важную вещь:

Полока задумал необычную картину – он хотел снять что-то вроде мюзикла – а этот жанр не был в ходу в СССР в 60-е гг. Были, конечно, опыты Пырьева и Александрова, но они относились к 30-м гг. и к 60-м были прочно забыты¹².

Сам режиссер говорит, что изменил подход к съемкам. Его фильм построен по законам музыкальной драматургии¹³.

По сути, «Интервенция» была совершенно искренней аполонией революции, но снятой в весьма непривычной для советского кино 60-х годов эстетике, ориентированной на авангардные поиски 20-х годов: театр Мейерхольда, Окна РОСТА и т. д. Характерный «короткий монтаж» «Интервенции» также отсылал к фильмам тех лет. Создатели картины хотели рассказать о революции ей же выработанным языком. Сам режиссер впоследствии говорил:

Я влюблен в этот период <...> это было время надежд и расцвета искусства. Тогда в стране существовала единая художественная элита. Все были вместе – музыканты, художники, театральные и кинодеятели¹⁴.

Эту мысль подтверждают и воспоминания Д.С. Карапетяна:

Полока задумал фильм в жанре комедии-буфф: через цепь аттракционов, балагана, народного зрелища <...> Режиссер хотел возродить этой картиной традиции, с одной стороны, русских скоморохов, а с другой – революционного театра 20-х гг.¹⁵

В том же духе высказывается и И.Н. Киселев, который, видя, как непросто складывается судьба фильма, в своем заключении в апреле 1968 г. говорит, что Полока опирается на традиции массовых представлений и опыт комедии 20-х годов¹⁶.

То есть картина, которую хотел сделать Полока, не вписывалась в рамки привычного. В силу этого уже на стадии съемки обнаружились проблемы технического характера, потребовалось больше репетиций, так как метод, которым решил работать режиссер, был в новинку как для него самого, так и для актеров. Таким образом, картина никак не могла быть сдана в срок¹⁷. Соответствующее разрешение на продление съемок группа Полоки получила. Тот же директор «Ленфильма» Киселев выпустил приказ в конце декабря 1967 г., в котором значилось, что съемки фильма продлеваются¹⁸.

Однако сроки вновь были сорваны, и пришлось продлевать работу над картиной еще раз. Приказ от 29 марта 1968 г. выпускает высокопоставленный чиновник от комитета кинематографии СССР В.Е. Баскаков¹⁹, где, среди прочего, устанавливает новый срок сдачи пленки²⁰. Вновь за съемочную группу заступает Киселев, подписывает заключение художественного совета. Он пытается спасти картину, финал составленного им заключения должен показать, что в картине соблюдены все идеологические догматы, особенно важные для юбилейного торжества:

Большевики-подпольщики сумели сделать бессильной пятидесятитысячную армию Антанты. «И сделали это несколько коммунистов без всякого оружия, простым человеческим словом»²¹.

Здесь подчеркнуто: коммунист – это человек, готовый умереть за идею, если потребуется, но он способен переубедить противника не только оружием. Есть и другие средства, которые, с точки зрения Киселева, успешно продемонстрированы в картине. Несколько ранее за фильм, у которого тогда было другое название «Величие и падение дома Ксидиас»²², заступает автор пьесы и сценария Л.И. Славин. Нельзя сказать, что Славин был в безусловном восторге от фильма Полоки, у него было свое видение фильма, но он

понимал, чем подобный запрет может обернуться для режиссера. Славин шлет телеграмму Баскакову, требуя оставить фильм в том виде, в котором его снимает Полока, и не сокращать до односерийного варианта²³. Но просьба осталась без ответа. По воспоминаниям Г.И. Полоки, «фильм посмотрел некий Александров²⁴. Это был просто палач»²⁵. Кое-как на время «отбившись» от этого чиновника, режиссер и сценарист были вызваны «на ковер» к начальству, первому секретарю Ленинградского обкома. Там должно было приниматься решение, можно ли показывать картину высшим цензурным инстанциям в Москве или нет. Там же они вновь встретились с Г.П. Александровым. По воспоминаниям режиссера,

Толстикова, тогдашнего первого секретаря обкома, на месте не оказалось. «Операцию» проводил Г. Романов. Он тогда был в чине второго секретаря, еще молодой и осторожный²⁶.

Романов «пожурил» Александрова за бездоказательность претензий в отношении фильма Полоки и Славина и добавил, что художники на этом фоне выглядят гораздо убедительней. В тот раз встреча закончилась в пользу картины, но отнюдь не благодаря ее художественным достоинствам. В те дни решалось, останется ли первым секретарем Ленинградского обкома Толстикова или им станет Романов. Решение было принято в пользу последнего, а тов. Александров был в команде Толстикова²⁷. Так что на некоторое время судьбу картины определили вовсе не идеологические, а более «приземленные» причины. Но это была лишь промежуточная стадия. Дальше «Интервенцию» беспощадно резали, монтировали, переснимали, даже меняли режиссера, но Комитет СССР по кинематографии все равно был недоволен результатом. За картину опять было пробовал вступить Л.И. Славин. Его не устраивал тот монтаж, который сделал сменивший Полоку режиссер В.А. Степанов²⁸. Но это заступничество ни на что не повлияло. Фактически судьбу картины определил начальник Главного управления художественной кинематографии Егоров, который высказался весьма однозначно:

Должно быть что-то свято? Разве можно так обращаться с памятью о революции и кровавой борьбе одесских большевиков?²⁹

Этого было достаточно. Здесь свою роль сыграли также причины внешнеполитического характера. Дело в том, что, пока шли споры вокруг картины Г.И. Полоки, началась так называемая Праж-

ская весна, которая закончилась 21 августа 1968 г. вводом советских танков в Чехословакию. И как-то очень кстати здесь оказались размышления тов. Егорова о святой и кровавой борьбе большевиков. В последний, второй раз картину повезли в столицу. То, что там было сказано директором «Ленфильма» Киселевым, который, как вспоминает Полока, «истово каялся», а также главным редактором «Ленфильма» Головань; то, что Л.И. Славин прямо заявил, что не собирается участвовать «в этом бардаке»; мнение режиссера Полоки по этому поводу – все это было уже неважно³⁰. Неважно было и то, что Баскаков на этой встрече «рвал и метал», а Романов, уже будучи первым секретарем, вел себя даже снисходительно³¹.

Итогом стало распоряжение А.В. Романова³²:

Дальнейшую работу над фильмом признать бесперспективной. Затраты на производство фильма «Величие и падение дома Ксидиас» списать на убытки студии «Ленфильм». Киностудии «Ленфильм» (т. Киселев И.Н.) все материалы по фильму (негатив, позитив, фонограмма, срезки негатива и проч.) передать на хранение в Госфильмофонд³³.

Съемочная группа еще пыталась бороться. Полоке втихую дали возможность работать в Госфильмофонде и восстанавливать то, что было разрушено многочисленными переделками и монтажом другого режиссера. Артисты решили в декабре 1968 г. обратиться к Л.И. Брежневу³⁴, письмо сочинили Высоцкий и Золотухин. В нем были произнесены все правильные «заклинательные» формулы:

Мы все делаем одно дело, строим коммунизм. Многие из нас члены партии, члены ВЛКСМ, депутаты органов власти. И мы готовы отвечать перед народом, перед партией за свои действия <...>³⁵.

Но это не принесло никакого результата. Брежнев не ответил, и картину положили «на полку».

Много лет об этом фильме никто не вспоминал, не появлялось никаких статей в советской периодике. Однако политическая ситуация изменилась, началась «перестройка», и картина все-таки «вышла» к зрителю в 1987 г. Советская пресса отозвалась.

В 1987 г. появилась статья в «Вечернем Ленинграде», где автор проговаривал важную вещь:

После бесконечных, однообразных, лишенных начисто признаков какой-либо эстетической мысли картин нам требуется теперь изрядное усилие, чтобы войти в игру на равных³⁶.

Действительно, перерыв между замыслом режиссера, желанием «диалога» со зрителем и реальным обсуждением фильма был огромен. Автор статьи одним из первых отзывается о фильме Полоки и считает те смыслы, которые были заложены режиссером, замечая, что «по духу это кино возрождает романтические традиции нашей литературы и искусства 20-х годов»³⁷. С автором статьи согласен В. Демин, который, анализируя «Интервенцию», подмечает, что «Полока – поклонник площадных жанров. Его звала к себе стихия игры, ряжения, карнавального маскарада»³⁸. Однако он не записывает фильм Полоки в безусловные шедевры. Это связано с тем, что наш зритель привык ассоциировать запрещенное с гениальным и оппозиционным. Подобное кино теперь заведомо наделяется определенной аурой сопротивления: кажется, что если кино клали «на полку», на то были веские причины – т. е. подобные фильмы вступали в противостояние с существующим режимом. Демин показывает, что справедливость торжествует, но это не значит, что фильм Полоки гениален³⁹.

Посмотрев и проанализировав «Интервенцию», можно говорить о том, что Полока создал искреннюю апологию революции, которая по каким-то иным причинам не прошла «чиновничий барьер». Об этом пишет, например, В. Фомин, создавая своеобразную ретроспективу запрещенного кино: «Озорной, празднично-лубочный ключ трактовки революции признается недостойным и недопустимым»⁴⁰.

На примере фильма «Интервенция», его обсуждения советскими чиновниками и реакции на него советской периодики можно проследить, как изменяется восприятие картины: из рядового фильма, от которого ожидают изображения «веселой революции», он превращается в «антисоветское» кино, о чем, конечно, невозможно найти упоминаний в прессе 1960-х. И только на излете 80-х советская критика показала, что революция, по представлениям чиновников 60-х годов, должна была изображаться только в одном ключе: единообразном. Фильм Г.И. Полоки «Интервенция» – к сожалению, лишь один пример из обширного списка «полочного кино».

Примечания

¹ 50 лет Великой Октябрьской Социалистической революции: Постановление Пленума ЦК КПСС: Тезисы ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1967. 64 с.

² Рубанова Н. «Будем веселы, пока мы молоды...» // Советский экран. 1967. № 1. С. 2–3.

- ³ *Вольфсон И.* «Интервенция» // Там же. № 2. С. 10.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Даутова Л.* Снимает «Ленфильм»: «Интервенция» // Там же. № 22. С. 8.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Фомин В.* «На братских могилах не ставят крестов...»: Советское кино 1965–1985 годов: Неосуществленное // Искусство кино. 1991. № 8. С. 24.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Ед. хр. 1715. Л. 2. 16/ XII – 1966 г.
- ¹⁰ Там же. Л. 4.
- ¹¹ Там же. Л. 19.
- ¹² Запрещенные фильмы: Документы. Свидетельства. Комментарии. Полка. Вып. 2 / Ред.-сост. В.П. Михайлов. М.: НТ-Центр, 1993. С. 85.
- ¹³ Там же. С. 86.
- ¹⁴ Режиссер «Республики ШКИД» Геннадий Полока празднует свое 80-летие [Электронный ресурс] // «Евразия» – информационно-аналитический центр. URL: <http://eurasia.org.ru/109118-rezhisser-quot-respubliki-shkid-quot-gennadij-poloka-prazdnuet-80-letie.html> (дата обращения: 15.03.2015).
- ¹⁵ *Караетян Д.С.* Владимир Высоцкий без мифов и легенд [Электронный ресурс] // Большая онлайн-библиотека e-Reading. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1019447/44/Bakin_-_Vladimir_Vysockiy_bez_mifov_i_legend.html (дата обращения: 08.03.2015).
- ¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Ед. хр. 1715. Л. 51.
- ¹⁷ Запрещенные фильмы... С. 86.
- ¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Ед. хр. 1715. Л. 36.
- ¹⁹ Первый заместитель председателя комитета СМ СССР по кинематографии (1963–1973).
- ²⁰ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Ед. хр. 1715. Л. 45.
- ²¹ Там же. Л. 51. 2/ IV.
- ²² В процессе съемок у фильма были разные названия. Первоначально – «Интервенция», затем было предложено «Здесь вся империя», последний вариант – «Величие и падение дома Ксидиас», под которым картина существовала почти до конца работы над ней.
- ²³ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Ед. хр. 1715. Л. 43–44. 27 марта 1968 г.
- ²⁴ Г.П. Александров – в 1968 г. заведующий Отделом культуры Ленинградского обкома КПСС.
- ²⁵ Запрещенные фильмы... С. 90.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 91.
- ²⁸ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Ед. хр. 1715. Л. 53–59.
- ²⁹ Там же. Л. 59.
- ³⁰ Запрещенные фильмы... С. 99.
- ³¹ Там же. С. 98.

- ³² Председатель комитета по кинематографии при Совмине СССР (1965–1972).
³³ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Ед. хр. 1715. Л. 63.
³⁴ Запрещенные фильмы... С. 100.
³⁵ Там же. С. 101.
³⁶ *Шервуд О.* Ставка больше, чем жизнь // Вечерний Ленинград. 1987. № 16. 24 июля. С. 3.
³⁷ Там же.
³⁸ *Демин В.* Реабилитация // Искусство кино. 1988. № 2. С. 25.
³⁹ Там же.
⁴⁰ *Фомин В.* Указ. соч. С. 25.

«ОГОНЬКОВСКАЯ» ЛЕГЕНДА: К ИСТОРИИ ПУБЛИЦИСТИКИ ПЕРВЫХ ЛЕТ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

В статье анализируется история журнала «Огонек» в эпоху «перестройки», связанная с деятельностью главного редактора В.А. Коротича. На основании анализа публицистических материалов делается вывод, что вопреки общепринятому мнению до начала 1987 г. не было существенных изменений в редакционной политике.

Ключевые слова: В.А. Коротич, журнал «Огонек», «перестройка», Н.С. Гумилев, проблемы молодежи, М.С. Горбачев, «гласность», «Правда».

Репутация журнала «Огонек» традиционно ассоциируется с деятельностью М.С. Горбачева, периодом так называемой перестройки. Формально началом этого периода считается 12 марта 1985 г., когда «Правда» опубликовала программный документ – «Обращение Центрального комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР к Коммунистической партии, к советскому народу»¹.

Публикация была связана с избранием нового генерального секретаря КПСС. И он фактически сразу заявил о необходимости реформ. 24 апреля Горбачев выступил с докладом на пленуме ЦК партии. Обещаны были радикальные преобразования, причем в ближайшем будущем².

Отечественными публицистами второй половины 1980-х годов новый лидер был противопоставлен Л.И. Брежневу. Тот, как известно, возглавлял партию в 1964–1982 гг., соответственно и сформировалась ставшая привычной оппозиция: «перестройка» / «застой».

С пропагандистским термином «перестройка» ассоциируется и аналогичный – «гласность». Ни для того ни для другого не суще-

ствует общепринятого конкретного определения. Что, впрочем, не помешало утверждению обоих в массовом сознании.

Понятие «гласность» традиционно ассоциируется с публикациями в периодике второй половины 1980-х годов. Как известно, наиболее популярными тогда были еженедельники «Огонек» и «Московские новости». Оба стали даже своего рода символом «перестройки». Что отразилось и в историографии³.

Но «Огонек» в отличие от «Московских новостей» был изданием, традиционно ассоциировавшимся не только с советской эпохой. И в досоветскую эпоху одноименный иллюстрированный журнал тоже пользовался значительной популярностью⁴.

В 1923 г. выпуск возобновлен по инициативе М.Е. Кольцова. Формально издателем считалось «акционерное общество “Огонек”», реально же контролировал издание ЦК партии. В 1931 г. – в связи с ликвидацией так называемой новой экономической политики – журнал был и подчинен издательству.

Однако в 1938 г. начался период упадка – после ареста редактора. Преемники ничего изменить не могли.

Изменилось положение в октябре 1945 г., когда должность главного редактора занял А.А. Сурков. Он получил указание, по сути, отражавшее мнение И.В. Сталина: журнал стал не только иллюстрированным, но и цветным.

Вскоре «Огонек» стал наиболее популярным иллюстрированным еженедельником в СССР. Этому в значительной мере способствовал выпуск приложений – собраний сочинений известных писателей. В 1953 г., когда лидером партии был уже Н.С. Хрущев, главный редактор, как тогда говорили, «пошел на повышение».

Новый руководитель – А.В. Софронов. Он, подобно предшественнику, был и писателем, и литературным функционером. Репутация, правда, иная: как в сталинскую эпоху, так и позже считался убежденным антисемитом.

Журнал с приходом Софронова не изменился внешне, а вот содержание стало другим. «Огонек» более 30 лет считался оппонентом так называемых либеральных изданий, например «Нового мира».

К 1985 г. «Огонек» вовсе утратил былую популярность. Формально тираж превышал 1 500 000 экземпляров. Но розничная подписка, отражавшая уровень реального спроса, постоянно уменьшалась. Убытки лишь отчасти компенсировала подписка, обязательная для библиотек большинства учреждений, предприятий, а также войсковых частей. Тираж фактически не продавался. Не помогала даже публикация детективов⁵.

В аспекте полиграфическом журнал, бесспорно, опережал однотипные издания, однако на уровне содержания мало чем от них отличался. По-прежнему регулярно публиковались материалы, посвященные В.И. Ленину, Ф.Э. Дзержинскому и т. п.⁶

Ко второй половине 1980-х годов подобного рода публикации мало кого интересовали. Однако ничего существенно нового редакция не могла предложить без согласования в ЦК партии. Стагнация была давней. Правда, не только и не столько в «Огоньке».

Скоро тиражи «Огонька» вновь стали рекордными, причем за счет розничной продажи и индивидуальной подписки. Но это считается заслугой нового главного редактора.

С мая 1986 г. руководителем «Огонька» стал украинский журналист В.А. Коротич. Он, как известно, был назначен по инициативе Е.В. Яковлева – главного редактора «Московских новостей», недавнего секретаря ЦК партии, но давнего приятеля нового генсека.

Коротич был знаком и Горбачеву. Журналист рассказывал: «В моем кабинете был установлен телефон прямой связи с главой государства – “вертушка”. Я же числился в номенклатуре Политбюро ЦК...»⁷.

Согласно воспоминаниям Коротича, генсек просил лишь не беспокоить по пустякам. Он и не беспокоил, а вот к другим функционерам, знавшим о связях и статусе главреда «Огонька», обращался.

Принято считать, что новый главный редактор сразу же реформировал издание. Соответствующая точка зрения отражена и на сайте журнала: «Главным редактором “Огонька” становится Виталий Коротич. С его приходом журнал повернул на 180 градусов. Трудно в мировой истории вспомнить издание, которое оказало бы на политическую жизнь страны такое же сильное влияние, как “Огонек” эпохи перестройки. Публицистика “Огонька” стала школой демократии в изголодавшейся по свободе стране. Разоблачения стали культовым жанром всей журналистики. Начинал эту эпопею журнал “Огонек”»⁸.

Аналогично мнению историков отечественной литературы и журналистики. Так, В.Е. Кайгородова утверждает: «Журнал сразу изменился внешне, перестал быть “Огоньком”, знакомым с детских лет»⁹.

На самом деле было не так. Коротич получил назначение в мае 1986 г., но изменения появились гораздо позже.

Характерно, что в номерах с 15-го по 25-й включительно фамилия главного редактора вообще не указана. Такое умолчание подразумевало, что Софронов более не руководит журналом. Деятельность же преемника не обозначалась.

Правда, в 26-м номере указано, что тираж снижен: с 1 515 000 до 1 500 000. Симптом тревожный. Издатель – газета «Правда» – явно стремился уменьшить колоссальные убытки.

Однако публикации, изменившие репутацию журнала, появились уже тогда. Например, статьи и очерки о проблемах молодежи, о так называемых трудных подростках, печатались начиная с 15-го номера. К этой теме редакция не раз вернулась. Событиями стали публикации В.К. Печенкина¹⁰.

Следует подчеркнуть еще раз, что публикации о проблемах молодежи были сразу же отмечены как необычные. Это подчеркивали многие, писавшие об ««Огоньке» Коротича»¹¹.

Но формально Коротич еще не руководил журналом. Просто ситуация в редакции изменилась.

23-й номер еще выходит без главреда, публикация же о проблемах молодежи обсуждается. Печатается ответ журналиста на письмо читателя, начинается продолжительная дискуссия. Это уже типично для ««Огонька» Коротича». А его фамилия по-прежнему не указана¹².

Уместно обратиться к публикации, которая в истории «Огонька» безоговорочно признавалась символом перемен. В 36-м номере помещено эссе весьма популярного тогда прозаика, Героя Советского Союза В.В. Карпова, посвященное жизни и творчеству Н.С. Гумилева¹³.

Ситуация казалась необычной. Гумилев, как известно, был расстрелян в 1921 г. Инкриминировано участие в антисоветском заговоре. Не реабилитирован. Упоминания о расстрелянном поэте цензорами постоянно исключались даже из учебных пособий по истории отечественной литературы. Сама проблема издания гумилевского наследия не обсуждалась в печати десятилетиями. Все попытки добиться отмены запрета не удавались. Участников так называемых белогвардейских заговоров не печатали в СССР.

Карпов же, рассуждая о деятельности Гумилева в период Первой мировой войны, предложил реабилитировать поэта, бывшего войскового разведчика. Можно сказать, своего коллегу.

Вопреки советской историографии Карпов предлагал официально признать, что Гумилев был лишь случайно вовлечен в заговор. Такая постановка вопроса казалась дерзкой. И, что характерно, связанной с назначением нового главного редактора. Формально – предстоящим.

Однако первая публикация о расстрелянном появилась еще раньше. Это было связано с подготовкой к столетию со дня рождения поэта. Он родился 3 апреля, соответственно публикация и

помещена в 17-м номере. Крайне невелика вероятность, чтобы кто-нибудь в редакции на такое решился без предварительного согласования. Уместно подчеркнуть, что материал готовил к печати заведующий отделом критики «Огонька» – В.П. Енишерлов¹⁴.

Дело даже не в том, что фамилия нового главреда еще не указывалась в журнале. «Огоньковский» редакционно-типографский цикл – три недели. Соответственно первая публикация о расстрелянном поэте готовилась не позднее марта. Коротич еще не назначен, а ситуация в стране изменилась. Редакция на изменения оперативно реагировала.

Но даже когда фамилия Коротича появилась на обложке, ситуация менялась не так уж быстро. Лишь в 1987 г. начались радикальные перемены, а год спустя «Огонек» стал журналом, памятным и ныне. Так что разговоры о моментальном «повороте на 180 градусов» относятся к области легенд.

После развала СССР популярность «Огонька» стремительно падает. То же самое можно сказать и о других изданиях. Главная причина очевидна: публицистика так называемой перестройки ориентировалась на полемику, связанную с советской идеологией. Poleмика деактуализовалась.

Именно тогда и формируется «огоньковская» легенда. С действительностью она связана, но – опосредованно.

Примечания

- ¹ Обращение Центрального комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР к Коммунистической партии, к советскому народу // Правда. 1985. 12 марта. С. 1.
- ² Горбачев М.С. Доклад генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева // Там же. 24 апр. С. 1.
- ³ Геллер М.Я. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней: В 3 т. М.: МИК, 1995. Т. 3. С. 136–137.
- ⁴ См., например: Гончаров А.А. Большевистские партийные и советские газеты периода триумфального шествия советской власти и начала Гражданской войны (25 октября 1917 – июль 1918 г.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968; Глезеров С.Е. Издательская деятельность на территориях антибольшевистских правительств Северо-Запада России в период гражданской войны 1918–1920 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001; Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России: сущность, эволюция, итоги (1917–1922): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

- ⁵ Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П., Лучинский Ю.В., Станько А.И. История мировой журналистики. М.; Ростов н/Д.: МарТ, 2003. Гл. 2. Журналистика XX в. [Электронный ресурс] // EVARTIST. URL: <http://evartist.narod.ru/text8/52.htm/> (дата обращения: 03.11.2014).
- ⁶ См., например: *Николаев В.* Часы истории // Огонек. 1986. № 6. С. 24–25 (рубрика «По городам и странам»); *Семья Ульяновых: поиски, находки: 22 апреля – 116-я годовщина со дня рождения В.И. Ленина* // Там же. № 17. С. 16.
- ⁷ Виталий Коротич: Все меньше остается людей, которым можно сказать: «А помнишь?..» / Интервью В.А. Коротича журналисту Д. Орлову [Электронный ресурс] // Публичные Люди. URL: <http://www.pl.com.ua/?artid=18524&pid=28> (дата обращения: 11.08.2014).
- ⁸ История журнала [Электронный ресурс] // Огонек. URL: <http://www.ogoniok.com/inside/hystory/> (дата обращения: 11.08.2014).
- ⁹ *Кайгородова В.* «Огонек» у каждого из нас свой // Филолог. Интернет-журнал. 2013. Вып. 11 [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_213 (дата обращения: 11.08.2014).
- ¹⁰ На коньках по шпалам // Огонек. 1986. № 15. С. 14–15; *Печенкин В.* Что посеешь // Там же. № 22. С. 19–20 (рубрика «Внимание – подросток!»).
- ¹¹ *Медведев Ф.* Клуб, похожий на семью // Там же. № 31. С. 12–14; *Рыскин А., Яковлев В.* Из шести возможных // Там же. № 48. С. 31 (рубрика «Молодежь: дела и проблемы»); *Амлинский В.* Беспризорные души // Там же. № 50. С. 20–22 (рубрика «Молодежь: дела и проблемы»); *Золотова З.* Мой собственный рубль... // Там же. № 51. С. 12–14 (рубрика «Молодежь: дела и проблемы»); *Калиничев С.* Порча // Там же. С. 25 (рубрика «Молодежь: дела и проблемы»); *Аджубей А.* Плюс 13 // Там же. 1987. № 13. С. 12–13; *Махненко К., Яковлев В.* «Побегушники» // Там же. № 31. С. 12–14 (рубрика «Молодежь: дела и проблемы»); *Радов А.* Дети апреля: Как они станут жить, какими мы их вырастим // Там же. № 49. С. 4–8 (рубрика «Молодежь: дела и проблемы»).
- ¹² *Толкачева И.* Школьник и «двойка» // Там же. 1986. № 23. С. 28–29.
- ¹³ См.: *Картов В.* Поэт Николай Гумилев // Там же. № 36. С. 18.
- ¹⁴ *Енишерлов В.* Возвращение Гумилева // Там же. № 17. С. 22–24.

Проблемы теории журналистики

Н.Я. Макарова, В.И. Ярных

МАГИСТЕРСКИЕ ПРОГРАММЫ ПО ЖУРНАЛИСТИКЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена развитию магистерских программ в РГГУ по направлению подготовки «Журналистика». В условиях современной медиасистемы стираются границы между коммуникационными направлениями подготовки. Магистерские программы рассматриваются как возможный способ формирования профессиональной идентичности.

Ключевые слова: медиаобразование, магистерские программы, профессиональная идентичность, компетентностный подход, медиакоммуникации.

2015 год станет знаменательным для российской высшей школы. В этом году российские вузы осуществляют массовый выпуск студентов-бакалавров. По данным информационно-аналитического отдела Учебного управления РГГУ, в 2014/15 уч. г. по всем формам обучения планируется выпустить 1005 бакалавров, 969 специалистов, 189 магистров. Это станет первой серьезной проверкой на прочность двухуровневой системы подготовки, которая стала обязательной для всех российских вузов в 2009 г. Во-первых, это серьезный вызов отечественному рынку труда. Работодатели и российская экономика, особенно ее индустриальный сектор, до сегодняшнего момента были ориентированы на студентов с дипломами специалиста. Впервые рынок труда будет активно заполнен бакалаврами. Ранее российский рынок труда взаимодействовал с бакалаврами, но это не носило массового характера. Работодатель, относящийся с опаской и недоверием к бакалаврам, теперь столкнется с ними лицом к лицу.

Во-вторых, это вызов российским магистерским программам. Магистратура стала неотъемлемой частью современной высшей

школы, но до настоящего времени вузы были больше заинтересованы в студентах-магистрантах, чем сами студенты – в получении магистерской степени. Как правило, выпускники, получившие диплом специалиста, не рассматривали обучение в магистратуре как продолжение своей образовательной траектории. В европейских странах количество желающих получить степень магистра на порядок выше, чем в России, но это положение дел сохранялось до приемной кампании 2015 г.

В 2015 г. ситуация изменится кардинально. Бакалавры будут активно рассматривать магистратуру для продолжения своего образования. Экономический кризис (увеличение уровня безработицы, снижение уровня заработной платы, замедление стратегического развития некоторых отраслей) лишь повысит интерес к дальнейшему обучению, причем не только у бакалавров, но и у студентов-специалистов. По данным отраслевых агентств, 25 % штата российских СМИ уволены в конце 2014 – начале 2015 г.¹

По оценкам экспертов, в 2015/16 уч. г. количество студентов-магистрантов возрастет ориентировочно на 30 %. В 2015 г. Министерство образования и науки РФ увеличило общий объем контрольных цифр приема по программам магистратуры на 19% относительно показателей 2014 г. Безусловно, существенно увеличится количество студентов-магистрантов, обучающихся на договорной основе. В табл. 1 представлены данные по контрольным цифрам приема в магистратуру ведущих вузов Москвы в ходе приемных кампаний 2014 и 2015 гг. Табл. 2 отражает данные по бюджетным местам в магистратуру этих же учебных заведений по направлению подготовки 42.04.02 «Журналистика»².

Таблица 1

Высшее учебное заведение	Контрольные цифры приема в 2014 г.	Контрольные цифры приема в 2015 г.
РГУ	260	346
РУДН	436	654
МПГУ	590	940
МГУП им. Ивана Федорова	Нет данных	63
РГСУ	155	270
МГЛУ	107	367
МГГУ им. М.А. Шолохова	203	230

Таблица 2

Высшее учебное заведение	Контрольные цифры приема в 2014 г.	Контрольные цифры приема в 2015 г.
РГУ	13	11
РУДН	16	18
МПУ	11	10
МГУП им. Ивана Федорова	Нет данных	8
РГСУ	0	0
МГЛУ	0	10
МГУ им. М.А. Шолохова	10	11

За время своего существования в современной России магистратура как вторая ступень высшего образования накопила немало опыта и в свой роковой час готова предложить большое количество конкурентоспособных образовательных программ. Университеты, развивая магистерские программы, решают сразу несколько стратегических задач: развивают научно-педагогический и творческий потенциал, апробируют механизмы сотрудничества факультетов и кафедр, содействуют распространению междисциплинарных подходов, активно интегрируют работодателей в образовательную среду, повышают привлекательность учебных заведений среди абитуриентов.

В современной России магистерские программы начали создаваться примерно 10 лет назад. Это было отражением общемировой тенденции, направленной на унификацию программ и дипломов высшего образования. Первая магистерская программа была открыта в РГУ в 2005 г., сегодня университет предлагает 93 образовательные программы по 28 направлениям подготовки.

К настоящему времени в России сформировалось два типа магистерских программ: научно-исследовательского профиля и практико-ориентированного профиля. Программы научно-исследовательского профиля акцентированы на формировании компетенций, позволяющих магистранту строить свою карьеру в сфере фундаментальных наук, научной и научно-методической среде. Программы практико-ориентированного профиля направлены на подготовку высококвалифицированных кадров для социальных наук, прикладных направлений подготовки, топ-менеджеров. К практико-ориентированным программам относятся магистратуры по творческим направлениям подготовки.

Образовательная концепция магистерских программ факультета журналистики РГГУ базируется на сочетании двух типов программ, что позволяет отвечать запросам разной целевой аудитории. В настоящее время на факультете реализуются четыре магистерские программы: «Историко-культурная публицистика в современных СМИ» (открыта в 2011 г., с 2015 г. новое название программы – «Современная медиапублицистика»), «Международная журналистика», «Медиариторика» (открыты в 2012 г.), «Редактирование медиатекстов» (открыта в 2013 г.). Все магистерские программы соответствуют «Дублинским дескрипторам» – единому списку требований к освоению программ всех ступеней высшего образования. «Дублинские дескрипторы» основываются на таких характеристиках, как знания, понимание их применения, способность к самостоятельному обучению, сформированность коммуникативно-информационных навыков. Степень магистра характеризуется следующими компетенциями: свидетельство о знаниях и понимании, базирующихся на первой ступени высшего образования и расширяющих или развивающих их для создания основы для разработки и применения идей, часто в контексте научных исследований; способность применять полученные знания и понимание, а также решать проблемы на новом и незнакомом интеллектуальном поле в широком или междисциплинарном контексте, касающемся соответствующей области изучения; умение интегрировать информацию и решать комплексные вопросы, а также делать заключения на основе неполной или ограниченной информации, применяя свои знания и принимая решения, а также нести социальную и этическую ответственность; готовность ясно и недвусмысленно излагать свои выводы как специалистам, так и дилетантам, и иметь знания, на которые эти выводы опираются, способность обучаться, которая позволяет продолжать обучение, в том числе самостоятельно и автономно³.

Программы «Современная медиапублицистика» и «Медиариторика» относятся к научно-исследовательскому профилю, а «Международная журналистика» и «Редактирование медиатекстов» – к практико-ориентированным программам. Учебные планы всех магистерских программ содержат единые базовые дисциплины («Журналистика как социокультурный феномен», «Медиаэкономика», «Деонтология журналистики», «Методика и методология медиаисследований», «Современный медиатекст» и др.), расхождение по типам происходит в вариативной части программы. Например, в программе «Медиариторика» к вариативной части относятся следующие дисциплины: «Терминология медиатекста»,

«Теоретические основы медиариторики», «Техника публичной полемики», «Риторика политических переговоров» «Риторические приемы создания имиджа страны в современных СМИ» и др., а в программе «Международная журналистика» вариативную часть составляют такие дисциплины, как «Технологии политического анализа в журналистской деятельности», «Деятельность иностранного телевизионного репортера в зарубежных странах», «Аспекты толерантности в международной журналистике», «Актуальные проблемы международной журналистики», «Психология коммуникаций в международных отношениях».

В зависимости от типа магистерской программы ее разработчики делают акцент на формировании определенных компетенций. В научно-ориентированных программах ведущими компетенциями являются: «умение анализировать литературу по теме, разработать концептуально-методологические основы, выделить и обосновать проблему; умение провести необходимое теоретическое и эмпирическое исследование, проанализировать его результат, сделать значимые выводы теоретического и профессионально-практического характера; владение навыками ведения научной полемики». А в практико-ориентированных магистратурах особое значение приобретают следующие компетенции: «основательное владение системой знаний, касающихся журналистики как части системы массовой коммуникации: роль СМИ и СМК в обществе, функции журналистики, механизмы и принципы функционирования, типология СМИ, аудитория, контент, тенденции развития медиаиндустрии; понимание на углубленном уровне сущности и специфики функций, содержания, этапов, оптимальных моделей профессиональных стандартов, психологических особенностей журналистской деятельности; умение выполнять на высоком профессиональном уровне различные виды редакционной работы, связанные с решением задач повышенной сложности»⁴. Таким образом, обучение по одному направлению подготовки способствует созданию различных профилей выпускников, формированию профессиональной идентичности магистра в соответствии с задачами основной образовательной программы.

Сегодня на факультете журналистики осуществляется подготовка новой специализированной междисциплинарной магистерской программы по направлению подготовки 42.03.02 «Журналистика» – «Деловая журналистика и современные медиакommunikации». Данная программа во многом является новаторской для факультета. Во-первых, она объединяет два типа магистерских

программ и таким образом расширяет возможности выпускника и его профессиональной идентичности. Во-вторых, активное участие в разработке этой программы принимает экономический факультет Института экономики, управления и права РГГУ. Если все ранее разработанные программы реализовывались силами профессорско-преподавательского состава факультета журналистики, то программа «Деловая журналистика и современные медиакommunikации» – это первый опыт межфакультетского взаимодействия.

Сфера современных магистерских программ в области журналистики и медиакommunikаций очень разнообразна. Она отличается разной фокусировкой, разными задачами и возможностями.

Давайте посмотрим, какие тренды существуют в современном образовании, на что и как с точки зрения общемировых трендов должны быть ориентированы программы магистратуры.

Прежде всего, хотелось бы отметить тот факт, что с развитием средств массовой коммуникации современные медиа становятся все более таргетированными, фокусируются на определенной целевой аудитории. Под каждую целевую аудиторию подбирается набор медианосителей, который наиболее полно отвечает интересам и потребностям именно этой целевой аудитории и практически не охватывает иные аудиторные сегменты. На схеме в порядке увеличения по возможностям таргетирования представлены отдельные типы СМИ.

Таргетированность – это неизбежный процесс для современной медиасистемы, следовательно, профессиональному медиаобразованию необходимо поддерживать такой же тренд.

Выше мы уже отмечали деление магистерских программ на практико-ориентированные и исследовательские.

Имея в виду тренд, связанный с развитием современных медиакоммуникаций, такое деление на профили действительно отвечает вызовам времени.

Вторым важным моментом, который влияет на цели и задачи разработки магистерских программ, являются драйверы современного образования.

Согласно обзору Ernst&Young, опубликованному в 2012 г.⁵, основными драйверами современного образования являются следующие:

- демократизация знаний и доступа к получению образования;
- состязательность рынков и финансирования программ обучения;
- digital-технологии;
- глобальная мобильность (например, согласно данным обзора Application Trends Survey by GMAC, 2013, 52 % слушателей программ Master Program Media@Communication в США не были гражданами США⁶);
- интеграция с производством.

Выше мы уже показали, что современный российский рынок магистерских программ в области медиа и журналистики является высококонкурентным. Только ориентируясь на современные драйверы образования, можно создать, а главное – запустить высококонкурентную магистерскую программу.

Ведь есть еще один драйвер, который оказывает огромное влияние на программу магистратуры, – это *longlife education* (обучение в течение жизни). Выбор магистерской программы – это осознанный выбор взрослого человека, имеющего определенный профессиональный и жизненный опыт.

Таким образом, ориентируясь на тренды в развитии современных медиа, конкурентоспособность программ через современные драйверы образования, фокус новой магистерской программы можно определить так:

- 1) интегративность программы (в одну программу объединены области экономики, медиасферы и деловой журналистики);
- 2) фокусировка на современных медиатехнологиях;
- 3) выработка актуальных профессиональных компетенций во время обучения, что, в свою очередь, будет обеспечивать конку-

рентоспособность уже выпускников программы и отвечать задачам *longlife education*.

С учетом всех этих факторов и была разработана единственная в современном медийном образовательном пространстве программа магистратуры «Деловая журналистика и современные медиакоммуникации».

Что принципиально нового мы используем в предложенной рынку программе?

1. Интеграция опыта взаимодействия и ведения образовательных курсов совместно разными факультетами (факультет журналистики и экономический факультет в нашем случае).

2. Междисциплинарный подход к преподаванию в течение всей продолжительности программы (как «между» факультетами, так и «между» дисциплинами) и формирование единого образовательного пространства.

3. Развитие универсальных компетенций и профессиональной позиции через набор дисциплин, методов обучения и практическую направленность.

Таким образом, новая магистерская программа расширяет возможности выпускника и способствует развитию его профессиональной идентичности.

Важной составляющей именно этой программы становится ее междисциплинарная направленность – учитывая, что ориентация деловой журналистики сфокусирована на бизнес-составляющей, дисциплины экономического блока ведут специалисты экономического факультета. Фокусировка этих дисциплин включает, в том числе, и международную специализацию.

Хотелось бы еще раз отметить, что в этой программе, подготовленной к запуску под модернизированные образовательные стандарты ФГОС 3+, мы реализуем междисциплинарный подход в практико-ориентированной магистерской программе. Данный контекст, как показало проведенное исследование рынка магистерских программ в области практической журналистики и о чем говорилось выше, является уникальным и расширяет возможности наших выпускников.

Безусловно, так же как и на всех остальных магистерских программах факультета, есть обязательная часть, которая одинакова для всех программ магистерского уровня. Это – требование современных федеральных образовательных стандартов высшего образования. Что касается вариативной и практической части программы, то именно здесь есть возможность создать конкурентную среду программы как в области контекста, так и в области набора дисциплин.

В программе «Деловая журналистика и современные медиакоммуникации» в качестве примера хотелось бы привести следующий набор дисциплин (как базовой, так и вариативной части): «Микро- и макроэкономика: теория и российская практика», «Медиаэкономика», «Глобализационные процессы в современных медиа», «Медиапсихология», «Медиамаркетинг», «Современные медиасистемы», «Медиасистема деловых СМИ и СМК», «Международные экономические отношения и внешняя политика России», «Медиа, социальная ответственность и международные стандарты качества управления продукцией и услугами», «Отраслевые рынки».

Таким образом, именно за счет набора дисциплин и внутреннего содержания курсов возможно достичь баланса, который, с одной стороны, обеспечивает конкурентоспособное образовательное пространство программы, а с другой – дает возможность выпускникам более взвешенно и точно подойти к вопросам профессиональной идентичности и выбора возможностей будущей работы.

Важной составляющей данной программы является акцент на медиакоммуникации в современном обществе. В рамках программы предлагаются в вариативной части принципиально новые дисциплины, связанные с межкультурным взаимодействием, современным медиамаркетингом, медиаэкономикой и медиапсихологией, digital-журналистикой и т. д.

В целом, отдельно останавливаясь на вопросе профессиональной идентичности в связи именно с профессиональным медиаобразованием, необходимо отметить, что данный вопрос вызывает дискуссии не только в рамках российского образовательного и профессионального пространства, но также и на последних конференциях в Европейском сообществе.

Например, на Международной конференции в Университете г. Трира в марте 2015 г. обсуждался вопрос именно профессиональной идентичности современного профессионального медиаобразования с участием коллег из Нидерландов, Германии, России, Испании. Драйверы современного образования, о которых говорилось выше, и фокусировка контента, технологий и тематики современных медиа существенно меняют сложившиеся представления в данном вопросе.

Таким образом, профессиональная идентификация на данной магистерской программе включает в себя следующие аспекты:

- 1) понимание роли бизнес-журналистики в современном мире;

- 2) развитие и фокусировка профессиональных компетенций;
- 3) сочетание достаточно традиционной бизнес-журналистики и современных медиакоммуникаций, что является конкурентным преимуществом программы.

Для российского медиаобразования проблема профессиональной идентичности еще не стала актуальной и значимой. Вместе с тем в условиях экономической нестабильности этот вопрос приобретает особую роль. Понимание своей профессиональной идентичности активно содействует качественному трудоустройству в соответствии с мотивацией и возможностями, а также дальнейшему самообразованию и карьерному росту.

Вопросы профессиональной идентичности становятся все более актуальными также в свете развития современного образования в рамках Болонской конвенции и рассмотрения высшего образования как важной составной части *longlife education*.

Концепция *longlife education* подразумевает взвешенное решение о поступлении в магистратуру и дальнейшие возможности профессионального развития, что предъявляет дополнительные требования к формированию профессиональной идентичности в рамках как содержания магистерской программы, так и используемых техник и технологий.

И наконец, современные драйверы развития высшего профессионального образования в мире, его фокусированность и нацеленность на тесную связь с производством и профессиональными компетенциями заставляют при формировании магистерской программы уделять особое внимание профессиональной идентичности.

Примечания

-
- ¹ *Луганская Д.* Издательский дом «Коммерсантъ» сократит расходы на персонал [Электронный ресурс] // РосБизнесКонсалтинг. URL: http://top.rbc.ru/technology_and_media/18/02/2015/54e4ce669a794720f0b85066 (дата обращения: 24.03.2015).
 - ² Источником данных для таблиц 1 и 2 являются официальные сайты указанных вузов.
 - ³ *Еделев Д.А., Кантере В.М., Матисон В.А., Игнар С.* Модернизация высшего образования. Болонский и Копенгагенский процессы. Рамки квалификаций. Проблемы и перспективы: Методическое пособие. М.: Изд-во МГУПП, 2012. С. 21.

- ⁴ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 031300 «Журналистика» (квалификация (степень) «магистр») [Электронный ресурс] // Федеральный портал «Российское образование». URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_10/prm199-1.pdf (дата обращения: 24.03.2015).
- ⁵ University of the future [Электронный ресурс] // EY. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/University_of_the_future/\\$FILE/University_of_the_future_2012.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/University_of_the_future/$FILE/University_of_the_future_2012.pdf) (дата обращения: 23.03.2015).
- ⁶ 2013 Graduate Management Admission Council® (GMAC®). Application Trends Survey (дата обращения: 23.03.2015).

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖУРНАЛИСТСКИХ РАССЛЕДОВАНИЙ В США

В истории расследовательской журналистики самыми громкими и резонансными всегда считались разоблачения крупных финансовых деятелей и политиков, которые оказывали влияние на жизнь общества. Благодаря одному расследованию, длившемуся более 25 лет, в США удалось оградить людей от негативного воздействия табака. Это подтверждает факт, согласно которому расследователи действительно могут защитить права граждан и улучшить условия существования многих людей.

Ключевые слова: журналистское расследование, табачная промышленность, защита общества, свобода слова, разоблачение.

Журналистское расследование является одним из самых интересных и в то же время трудоемких аналитических жанров журналистики. Современные компьютерные технологии и возможности Интернета породили «новые медиа» и помогли расследовательской журналистике выйти на другой уровень существования. Однако цели расследователей, методы их работы и способы подачи материала по большей части остались прежними.

Доказательство этому – одно из самых длительных и серьезных журналистских расследований второй половины XX в., которое до сих пор не завершено до конца, но которое тем не менее в начале 2000-х годов привело к значительным результатам.

Это расследование было посвящено распространению табачной продукции по всей территории Америки. 3 января 1988 г. в программе CBS News «60 минут» демонстрируется сюжет, из которого следует, что табачные промышленники потратили около 100 млн долларов, чтобы защитить себя от судебных исков курильщиков. Часть этой суммы пошла на оплату услуг частных детективов, следящих за истцами. Лоуренс Тиш, председатель CBS Network, также

владеющий Lorillard Tobacco Company, отказался давать комментарии «на камеру».

7 января 1993 г., после двухлетней задержки, Агентство по охране окружающей среды США (ЕРА) публикует отчет о том, что пассивное курение может вызвать рак и увеличить риск респираторных заболеваний у детей. Поскольку ЕРА не имеет нормативной власти над производителями табачных изделий, этот доклад оказывает незначительное влияние на сложившуюся ситуацию.

24 марта 1994 г. «The Philip Morris Company» подает иск на 10 млрд долларов за клевету против репортера Джона Мартина, продюсера Уолтера Богданьча и сети ABC за программу «День Первый за несколько недель до». Программа посвящена истории о том, что табачная компания добавляет никотин в сигареты с целью вызывания сильного привыкания. В этот же день материалы о табачной промышленности в кабинете продюсера отдела документальных программ ABC Мартина Кухана изымаются редакционным и юридическим отделами. Документальный фильм не попадает в эфир.

14 апреля 1994 г. главный исполнительный директор семи крупнейших американских табачных компаний призван свидетельствовать перед подкомитетом Палаты представителей по энергетике и торговле по вопросам здравоохранения и охраны окружающей среды. Председатель подкомитета, конгрессмен Генри Ваксман обращает внимание на невероятное заявление руководителей, которые по-прежнему отказываются признать свою продукцию вредной, при этом признавая, что категорически против курения собственных детей. Итоги слушаний приводят к расследованию деятельности табачной промышленности Министерством юстиции.

Год спустя компания ABC решает остановить судебное разбирательство с «Филип Моррис» и выплачивает 50 млн долларов, хотя юристы считают, что они имеют хорошие шансы на победу. В 1986 г. компанию покупает «The Capital Cities» за 3,5 млрд долларов. Десять лет спустя «The Capital Cities» вместе с ABC приобретает медиахолдинг «The Walt Disney Company». ABC публикует официальные извинения «Филип Моррис», и телеведущая Дайан Сойер читает их во время перерыва в программе «Monday Night Football». Богданьч и Мартин отказываются подписываться под извинениями. Четыре дня спустя «Филип Моррис» заставляет убрать всю страницу объявления под названием «Извинения приняты» примерно в 700 газетах.

12 сентября 1995 г. юристы телесети CBS рекомендовали продюсерам «60 минут» остановить расследование и прекратить

контакты с осведомителем Джефффри Вигандом. Юристы сказали, что Виганд подписал соглашение о неразглашении, и если CBS пустит в эфир свое интервью с Вигандом, они столкнутся с миллиардным иском. В итоге телезрители увидели значительно отредактированную версию интервью Виганда, которая не включала многие из его наиболее серьезных заявлений. Продюсер «60 минут» Дон Хьюитт публично признал, что недавняя история ABC и «Филип Моррис» стала важным фактором в решении не демонстрировать полное интервью. Кроме того, коррупция в судебных инстанциях и обширные связи «табачных» магнатов не позволили бы руководству СМИ выиграть в суде ни при каких обстоятельствах.

Спустя полгода после выхода в эфир сокращенной версии интервью «The Wall Street Journal» получает копию конфиденциальной беседы с Джефффри Вигандом, которая произошла несколько месяцев назад и в которой он повторил многие из заявлений, вырезанных из интервью с «60 минут». Эта беседа была частью судебного разбирательства, в котором штат Миссисипи выступал в качестве истца, требуя от табачных компаний покрытия расходов на медицинское обслуживание и лечение курильщиков. «The Wall Street Journal» опубликовал полную, неотредактированную копию на своем сайте.

13 ноября 1998 г. четыре основные табачные компании США достигли урегулирования с десятками генеральных прокуроров всех 50 государств, стремящихся вернуть затраты на лечение курильщиков. По иску компании должны выплатить 246 млрд долларов к 2025 г. Часть из этих денег пойдет на социальную рекламу пагубного воздействия табака и на поддержание интернет-архива с ранее конфиденциальной и в некоторых случаях компрометирующей табачную промышленность информацией.

22 сентября 1999 г. Министерство юстиции использует федеральный Закон против рэкета и коррумпированных организаций (RICO Act), который изначально был принят в целях борьбы с организованной преступностью, для подачи крупнейшего гражданского иска в истории против табачных компаний. В иске содержалось обвинение компании в «сговоре с 1950-х годов с целью обмана и введения в заблуждение общественности».

Два месяца спустя в прокат выходит фильм «The Insider», основанный на спорах вокруг интервью Джефффри Виганда в программе «60 минут». В роли продюсера «60 минут» Лоуэлла Бергмана выступил Аль Пачино, Виганда сыграл Рассел Кроу. Фильм был номинирован на семь наград.

Иск был рассмотрен только спустя семь лет, 17 августа 2006 г. Судья окружного суда США Глэдис Кесслер в своем постановлении пишет, что табачная промышленность «выживает и приносит владельцам прибыль от продажи продукта, вызывающего сильное привыкание и смертельные заболевания <...> Подсудимые знали многие из этих фактов по меньшей мере 50 лет или более. Несмотря на это знание, они последовательно, раз за разом, с огромным мастерством и изысканностью отрицали эти факты и перед обществом, и перед правительством, и перед представителями системы здравоохранения <...> Короче говоря, ответчики продают свои смертоносные продукты с усердием и невероятной целеустремленностью, не обращая внимания на человеческие трагедии или социальные расходы <...>»¹. Несмотря на постановление, суд не назначил необоснованных и больших денежных штрафов, которые требовало назначить правительство. Судья Кесслер пришла к выводу, что ранее Апелляционный суд помешал ей оштрафовать «табачных» магнатов на миллиарды миллиардов долларов, взыскиваемых Министерством юстиции.

22 июня 2009 г. президент США Барак Обама подписал Закон о предотвращении семейного курения и борьбе против табака, который дает право Управлению по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов регулировать количество выпускаемой табачной продукции впервые в истории США. По данным Всемирной организации здравоохранения, 100 млн человек по всему миру умерли от связанных с курением болезней в XX в. и, по оценкам, будет около миллиарда болезней из-за курения в этом веке.

Это журналистское расследование – одно из самых длительных и серьезных в истории США. Несмотря на все влияние владельцев табачных компаний и неудачи в начале, расследование продолжалось и все факты были обнародованы.

Безусловно, и в начале XXI в. журналисты-расследователи продолжают создавать резонансные разоблачительные материалы, напоминая, что этот жанр по-прежнему востребован. Например, Джеймс Райзен и Эрик Лихтблау провели расследование для «The New York Times». Основная идея заключалась в заявлении о тайной внутренней прослушке, которую вела администрация президента США Джорджа У. Буша. Их доклад в декабре 2005 г. послужил отправной точкой для споров в правительстве о незаконности этих действий без ордера.

Уэйн Барретт, главный редактор «Village Voice», в 2006 г. написал о проступках и неподобающем поведении Руди Джулиани,

мэра Нью-Йорка. Материал вышел под заглавием «Великая иллюзия: неизвестная история о Руди Джулиани и 9/11». По мнению журналиста, 11 сентября Джулиани занял неверную позицию. Если бы мэр послушал советов и не разместил бы кризисный командный пункт в башне Всемирного торгового центра, большинство пожарных выжило бы. Также были сведения, что Руди Джулиани после трагедии создал консалтинговую компанию с мультимиллионным оборотом, воспользовавшись массовой истерией.

«В сегодняшней журналистике есть небольшая группа “мыслителей-реформаторов”, которых и называют журналистами-расследователями»². Так материалы расследовательского характера стали привлекать внимание читателей к острейшим проблемам жизни общества, а сами расследователи смогли доказать, что даже самого крупного политика или бизнесмена можно уличить в незаконных операциях и призвать к ответу за свою деятельность.

Примечания

- ¹ Timelines // Investigating Power. URL: <http://www.investigatingpower.org/timelines/corporate-power/> (дата обращения: 21.12.2014).
- ² Weinberg S. Investigative journalism's role in history // The Seattle Times. URL: <http://community.seattletimes.nwsourc.com/archive/?date=20030824&slug=investigate24> (дата обращения: 16.03.2014).

Д.В. Бурыгин

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1945 г.

В статье описывается общественная дискуссия в среде послереволюционной русской эмиграции после окончания Второй мировой войны. Анализируются противоречия между двумя эмигрантскими центрами – русским Парижем и русским Нью-Йорком. Также подробно описывается повод, давший толчок к широкому обсуждению в эмигрантской публицистике: скандальное посещение советского посольства в Париже группой эмигрантов под предводительством В.А. Маклакова. Автор статьи делает вывод о глубоких разногласиях касательно будущего русской эмиграции и ее отношения к советской власти, отражавших изменившиеся условия существования после войны.

Ключевые слова: В.А. Маклаков, А.М. Богомолов, М.А. Алданов, А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский, В.В. Набоков, «Новый журнал».

После окончания Второй мировой войны русская эмиграция находилась в ситуации сложнейших противоречий, раз за разом раскалывающих ее, но уже не по партийному принципу. Во время войны значительная часть эмиграции все еще оставалась в оккупированном немцами Париже. После разгрома гитлеровских войск стал принципиальным вопрос об отношении к советской власти, а значит – вопрос о смысле ее существования. Как будет показано ниже, вопрос ставился в контексте противостояния нацистской Германии. Эта проблема стала центральной в эмигрантской публицистике послевоенного времени.

12 февраля 1945 г. посольство Советского Союза посетили девять эмигрантов. Два адмирала – бывший командующий Балтийским флотом и военно-морской министр Временного правительства

Д.Н. Вердеревский и адмирал М.А. Кедров – были приглашены отдельно, по настоянию посла. Кроме них, на встрече присутствовали В.А. Маклаков, А.С. Альперин, А.А. Титов, М.М. Тер-Погосян, Е.Ф. Роговский, В.Е. Татаринев и А.Ф. Ступницкий. Этому событию предшествовал визит в советское посольство митрополита Евлогия, главы западноевропейской епархии¹. Посещение эмигрантами советского посла вызвало громкий скандал и последующую полемику.

Поначалу скандал не хотели переводить в печать – слишком явным и опасным становился раскол. Миссию смягчения конфликта взял на себя М.А. Алданов, составлявший вместе с А.И. Коноваловым и А.Ф. Керенским наиболее идеологически умеренную группу нью-йоркских эмигрантов. Образовавшаяся в результате переписка между Парижем и Нью-Йорком – между Маклаковым, с одной стороны, и Алдановым и Керенским, с другой, – по праву может считаться примером эмигрантской публицистики, хотя и неопубликованным в органах печати.

Первоначально раскол в эмиграции образовался по территориальному принципу. Те из эмигрантов, кто сумел отправиться в США в конце 1930-х – начале 1940-х годов, избежали нацистской оккупации. В это время «столицей» русского зарубежья становится Нью-Йорк, до того не игравший значительной роли в культурной и общественной жизни эмиграции. Связь с Парижем у русских ньюйоркцев практически оборвалась в последующие годы до самого конца войны. Во время немецкой оккупации значительная часть русских парижан переселилась в так называемые свободные зоны. Часть же осталась в Париже по разным причинам. Например, в пронацистских изданиях сотрудничали Б.К. Зайцев, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, В.Н. Ильин. Есть свидетельства о том, что Н.Н. Берберова, хоть и не была замечена в сотрудничестве с нацистами, все же выражала им симпатии². В то же время В.А. Маклаков не пожелал уехать из оккупированного Парижа и с группой единомышленников начал участвовать в движении «Спротивление».

Невозможность наблюдать все эти события воочию, недостаточное понимание реалий вменялись эмигрантам Нью-Йорка в вину в ответ на обвинения в примирительной позиции по отношению к советской власти. Так, Маклаков пишет в письме Б.И. Элькину о советских войсках: «Быть с ними в этот момент, говорить с ними на одном языке и ругать Советы, даже за то, что в них можно ругать, было бы то же, что во время “погрома” разбирать подлинные недостатки евреев»³. Алданову Маклаков пишет, что «мы

естественно ощутили, что мы ближе к Советам, чем к Германии и германофилам»⁴. Таким образом, группа, идеологом которой был Маклаков, во-первых, испытывала благодарность Красной армии за освобождение от нацистов, во-вторых, пыталась отделить себя от коллаборационистов из среды эмигрантов.

С этим был связан куда более существенный момент. Как раз в это время французское правительство начинает жестокую расправу над теми жителями Франции, кто был замечен в сотрудничестве с нацистами. Русские эмигранты-антибольшевики в первую очередь попадали под подозрение. Отношения французского правительства и СССР в это время были достаточно благоприятными, поэтому В.А. Маклаков, возглавлявший тогда Центральный офис по делам русских беженцев во Франции, подчеркивал, что, учитывая отношение французов «ко всем белым русским», «рассчитывать на льготы и преимущества, на конвенцию и т. п. потому, что мы “враги советов”, было бессмысленно». И далее: «<...> рядовая эмиграция должна была тон свой изменить».

Однако причина, по которой представители эмиграции официально посетили советское посольство (где среди прочего, по утверждению некоторых свидетелей, был произнесен тост в честь Сталина), кроется не только в политической конъюнктуре. Маклаков всячески старался отделить группу своих единомышленников от так называемых совпатриотов во главе с Д.М. Одинцом. Это было тем более важно, что, как отмечал Маклаков, значительную часть эмигрантов, активно проявлявших лояльность по отношению к советской власти, составляли бывшие «германофилы», стремившиеся спасти свою жизнь или награбленное во время оккупации имущество.

В.С. Яновский в книге воспоминаний так характеризует Маклакова: «Надо отметить, что в Париже собралось несколько десятков литераторов в продолжение всей эмиграции, с посольством на рю Гренель не заигрывавших. Позже они зеленых мундирчиков не надевали и в “освободительных” газетках не сотрудничали. Историкам отечественной словесности этого периода когда-нибудь придется с похвалой отметить сей факт. То, что случилось с Маклаковым, особое послеоккупационное явление – реакция на чудесное спасение России»⁵. Под «освободительными газетками» подразумевается нелегальная листовка времени оккупации Парижа «Русский патриот», которая позже стала газетой «Советский патриот».

В переписке с Алдановым и Керенским Маклаков подчеркивает, что сближение с советской властью – осознанный идеологический выбор. Еще во время войны советская власть в понимании

значительной части эмиграции получает некий кредит народного доверия. Она начинает пониматься как *национальная*, поскольку успешно руководит пробудившимся «народным духом». Это был еще один довод в пользу примирения: если раньше большевики воспринимались как чужеродная сила, захватившая власть незаконным путем, то после войны некоторые эмигранты меняют такое представление.

По мнению Маклакова, почувствовавший свою силу народ будет стремиться к дальнейшему освобождению – этот процесс уже нельзя обратить вспять. Внешняя угроза сблизила власть и народ, так что первая неминуемо должна пойти на уступки. Эти изменения Маклаков видит в различных фактах советской жизни, начиная с Конституции 1936 г., формально отменившей классовость режима, и заканчивая восстановлением традиционного дореволюционного уклада жизни. Советский режим эволюционирует, и теперь задача эмиграции – не конфронтация, а помощь режиму, так как советская власть стала «народной».

В своем главном письме по поводу посещения посла А.М. Богомолова, адресованном Алданову, Маклаков обосновывает веру в естественную эволюцию советской власти: «Ибо такого исхода два: либо либеральное правительство, как в Феврале, и Россию расчлечат и разбазарят соседи и союзники. Или такое же диктаторское правительство, но не коммунизм, а нечто вроде легитимистов, фашистов и вообще всех тех людей, которые здесь радовались победе Германии. Этого я не желаю и предпочитаю медленную эволюцию свержению власти»⁶.

Алданов и Керенский с пониманием отнеслись к позиции Маклакова. Керенский соглашается, что «органическое сотрудничество» власти и народа должно привести к «перерождению социальных тканей» в советском обществе. Кроме того, он отмечает в качестве позитивных знаков возрождение религии и частной жизни. Но не соглашается, что миссия эмиграции теперь состоит в том, чтобы отбросить критику и только лишь «сближаться» с советской властью. Еще более ясно это выразил Алданов: «Вам отлично известно, что никакой борьбы с советской властью не ведет уже пятнадцать лет в эмиграции никто <...> Я понимаю, что значит “оппозиция ее величества”. Но что такое “эмиграция ее величества”, я не понимаю»⁷. Главный вопрос о том, возможна ли эволюция советского режима, перетек и в эмигрантские органы печати.

В десятом номере «Нового журнала» этой теме была отведена отдельная рубрика под названием «Эмиграция и советская власть». В ней разные публицисты высказывают свое мнение о посещении

посольства в форме анкеты. Н.П. Вакар интерпретирует это событие однозначно: «После четверти века борьбы политическая эмиграция в лице Маклакова пожала руку власти в лице Богомолова». Кроме того, он отмечает, что эмигранты, получившие американское гражданство, «оторвались от родины» и от европейской эмиграции, так что проблемы эмиграции ей стали чужды и непонятны.

А.И. Коновалов стоит на примирительных позициях. Он согласен, что в послевоенной обстановке, пока идет процесс переговоров об условиях мира, нужно думать в первую очередь о национальных интересах России, а значит – поддерживать советскую власть. М.В. Вишняк назвал попытку сближения «ошибкой, граничащей с изменой или глупостью». По его мнению, советская власть в своем «подкупательном движении» учла слабость уставшей за четверть века от жизни за границей русской эмиграции и пытается ее уничтожить.

С ним соглашается Н.П. Денике. По его мнению, «советский патриотизм» оправдывается апологетами одним лишь желанием простить советской власти ее прегрешения за заслуги перед народом. Однако те же самые заслуги можно увидеть и в национал-социализме, что не отменяет его антигуманной сущности. Кроме того, добавляет Денике, сближение не принесет никакой пользы, так как советской власти эмигранты нужны не внутри страны, а только за ее пределами – в целях пропаганды.

В другом разделе того же номера Г.П. Федотов в статье «Россия и свобода» вводит полемику в исторический контекст. Он пытается проследить историю понятия «свобода» через всю историю России, начиная с Киевской Руси. Федотов приходит к выводу, что свобода в России проходит путь деградации. Свобода в западном смысле существовала еще в Древнем Киеве и Новгороде. Однако московская («монгольская») социально-политическая модель ее полностью уничтожила. Апофеоз такой модели мы видим в сталинском режиме. Единственное, что еще может спасти российскую цивилизацию, – укрепление и развитие западного понимания свободы, но для этого западным странам необходимо прекратить «раболопие» перед Сталиным.

В том же номере на данную злободневную тему высказался еще один крупный эмигрантский писатель с несвойственной ему политизированностью, но в свойственной ему форме – В.В. Набоков в стихотворении «О правителях». Публицистичность выступления обыгрывается с помощью пародирования стихотворной стилистики В.В. Маяковского. Основная идея и пафос стихотворения выражены недвусмысленно:

С каких это пор
понятие власти стало равно
ключевому понятию родины?⁸

Набоков не признает никаких доводов в пользу нашумевшего посещения, объясняя его исконным русским раболепием перед любой властью. «За Мамаем все тот же Мамай», хотя поводы и разнятся:

Но детина в регалиях или
волк в макинтоше,
в фуражке с немецким крутым козырьком,
охрипший и весь перекошенный,
в остановившемся автомобиле –
или опять же банкет
с кавказским вином –
нет.

Следующий намек на «покойного тезку», который если бы еще был жив, то «бы рифмы натягивал на “монументален”» (очевидно, подразумевается рифма «Сталин»), вписывает данный эпизод в контекст сюжета «государь и поэт». Тем самым Набоков противопоставляет себя Маяковскому. Что характерно: в отличие от остальных стихов этого номера стихотворение «О правителях» напечатано в старой орфографии.

В письме В.М. Зензинову Набоков пишет об этом эпизоде намного более резко, чем на страницах главного эмигрантского издания тех лет:

«В историческом смысле это явление очаровательное, в человеческом же отношении оно позывает на рвоту. Я говорю об этом завтраке а ля фуршет в Париже.

Я могу понять отказ от принципов в одном исключительном случае: если бы мне сказали, что самых мне близких людей замучат или пощадят в зависимости от моего ответа, я бы немедленно пошел на все, на идейное предательство, на подлость, и стал бы любовно прижиматься к пробору на сталинской заднице. Был ли Маклаков поставлен в такое положение? По-видимому, нет»⁹.

Таким образом, в вопросе об отношении к советской власти эмигрантские публицисты придерживались разных идеологических установок, соответственно различалась и оценка советской власти и ее дальнейших перспектив. Посещение эмигрантами советского посольства и существование значительной части симпатизировав-

ших советской власти эмигрантов («совпатриотов») катализировали дискуссию и усилили резкость оценок. Проблема осложнялась и наличием бывших коллаборационистов в эмигрантской среде.

Как внутреннее состояние эмиграции, так и внешние условия ее существования изменились после войны. Идеологический раскол отразил принципиальные противоречия, которые не могли позволить эмиграции сохранять верность прежним установкам. Это переосмысление будет продолжено в последующие годы «холодной войны».

Примечания

- ¹ Будницкий О.В. 1945 год и русская эмиграция: из переписки М.А. Алданова, В.А. Маклакова и их друзей // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 235.
- ² Будницкий О.В. «Дело» Нины Берберовой // *Новое литературное обозрение*. 1999. № 39. С. 141–172.
- ³ Маклаков В.А. Письмо Б.И. Элькину от 15 мая 1945 г. Цит. по: Будницкий О.В. 1945 год и русская эмиграция. С. 273.
- ⁴ Маклаков В.А. Письмо М.А. Алданову от 25 мая 1945 г. Цит. по: Там же. С. 275.
- ⁵ Яновский В.С. Поля Елисейские: книга памяти // Яновский В.С. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. Н. Мельникова, примеч. Н. Мельникова, О. Коростелева. М.: Гудьял-Пресс, 2000. Т. 2. С. 322–323.
- ⁶ Маклаков В.А. Письмо М.А. Алданову от 25 мая 1945 г. Цит. по: Будницкий О.В. 1945 год и русская эмиграция. С. 282.
- ⁷ Алданов М.А. Письмо А.А. Титову от 12 июня 1945 г. Цит. по: Там же. С. 288.
- ⁸ Набоков В.В. О правителях // *Новый журнал*. 1945. № 10. С. 172–173.
- ⁹ Набоков В.В. Письмо В.М. Зензинову от 17 марта 1945 г. Цит. по: *Бойд Б.* Владимир Набоков: Американские годы. М.: Независимая газета, 2004. С. 103.

ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИЯХ

В статье рассматриваются различные типы интернет-изданий, среди них – онлайн-площадки для любителей чтения и интернет-библиотеки. Изучаются пользовательские публикации и отзывы о творчестве Н.Г. Чернышевского. Делается вывод: роман «Что делать?», несмотря на сокращение его изучения в школах, по-прежнему является известным произведением. В статье также намечен подход по исследованию цитируемости писателя с использованием поиска по текстам в онлайн-библиотеках.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, «Что делать?», «Имхонет», «Lib.ru», «Онлайн-библиотека Максима Мошкова», «Флибуста», «LiveLib», «Большой Город», «Список 100 лучших книг всех времен».

Как известно, одним из популярных сетевых изданий является «Имхонет». В центре него – экспертная система, которая на основе анализа предпочтений дает рекомендации относительно еще не известных пользователю произведений искусства¹.

На данном ресурсе по состоянию на ноябрь 2014 г. рейтинг романа «Что делать?» составляет 5,6 балла из 10 возможных при количестве проголосовавших 16 000 зарегистрированных пользователей. Для сравнения: «Война и мир» Л.Н. Толстого – 7 баллов (120 000 оценок), «Анна Каренина» – 7,7 (21 000 оценок), а роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» оценен в 7,5 балла (25 000 оценок). Наиболее ценимые – «Зеленая миля» С. Кинга, «Записки о Шерлоке Холмсе» А. Конан-Дойла, «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, «Три товарища» Э.М. Ремарка, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Трудно быть богом» А.Н. и Б.Н. Стругацких, «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери. У всех рейтинг – примерно 8,5.

Это свидетельствует о том, что роман Чернышевского известен читателю не меньше, чем, например, «Анна Каренина». Об этом говорит большое количество выставленных оценок.

Отметим еще одну особенность рекомендательного сервиса – сортировка пользователей по гендерному признаку. Роман Чернышевского, по информации «Имхонет», предпочитает женская аудитория – 67 % против 33 %. «Война и мир» соответственно – 65 % против 35 %.

Рассмотрим еще один популярный ресурс – «Онлайн-библиотеку Максима Мошкова»².

Этот ресурс позволяет бесплатно «скачивать» текст литературного произведения. Есть и возможность выставить оценку по 10-балльной шкале. Правда, степень достоверности рейтинга невысока: оценка выставляется без регистрации пользователя.

На данном ресурсе имеются следующие оценки известных романов: «Что делать?» 5,5 / 10 (236 оценок), «Война и мир» 5,5 / 10 (2500), «Анна Каренина» 8,1 / 10 (2000), «Преступление и наказание» 6,4 / 10 (7000).

Анализ оценок показывает, что популярность (известность) романа Чернышевского на этом ресурсе невысока. Однако в данном случае результат не противоречит имхонетовскому. Большинство пользователей «Библиотеки Максима Мошкова» – школьники, готовящиеся к урокам русской литературы (отсюда, вероятно, такие низкие оценки у романа «Война и мир»). Ну а роман Чернышевского давно исключен из списка обязательных источников, значит, его читают не по принуждению.

Массив текстов в «Библиотеке Максима Мошкова» предоставляет возможность использовать еще один инструмент анализа интернет-контента, а именно *анализ цитируемости с помощью интернет-поисковика*.

Используя поисковик типа Google, можно проследить, сколько раз упоминается Чернышевский в текстах других писателей.

Например, поиск по словам «Чернышевский», «Достоевский», «Лермонтов» дал следующие результаты (далее приведены точные запросы Google): *site:lib.ru Чернышевский* – примерно 3340 совпадений; *site:lib.ru Достоевский* – примерно 10 300 совпадений; *site:lib.ru Гоголь* – примерно 8610 совпадений; *site:lib.ru Лермонтов* – примерно 6040 совпадений.

Здесь хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты, связанные с исследованием цитируемости. Нет сомнения, что количество упоминаний автора является крайне важным фактором как при оценке литературной репутации, так и при ее трансляции

во времени: например, один писатель, выбирая в качестве эпиграфа фрагмент произведения другого, способствует увеличению количества упоминаний, т. е. повышает и рейтинг.

Безусловно, электронный поиск дает возможность быстрого нахождения определенных словосочетаний в текстах. Однако необходимо с осторожностью выбирать словосочетания для поиска. В примере, приведенном выше, вместе с литераторами, носящими фамилии Чернышевский, Достоевский и Лермонтов, будут найдены совпадения во фрагментах, относящихся к однофамильцам писателей. Учитывая это, совершенно бессмысленным кажется поиск по фамилии «Толстой» (поиск выдает 36 000 совпадений в библиотеке) или «Иванов» (29 000 совпадений).

Распространенные фамилии содержатся в большом количестве текстов, причем нередко обозначают литературных персонажей. Стоит также помнить: библиотека содержит и художественные произведения, и научные работы, и учебные пособия, и т. п.

Поиск по фамилиям писателей показывает, что Чернышевский упоминается часто. Но следует учесть, что это еще не относится непосредственно к литературной репутации. Чернышевский также известен как революционер, журналист и т. д. С этих позиций более эффективным является поиск словосочетания «Что делать?» в конкатенации с «Чернышевский». Например:

- site:lib.ru Чернышевский «Что делать?» – 2200 совпадений;
- site:lib.ru Толстой «Война и мир» – 3300 совпадений;
- site:lib.ru Достоевский «Преступление и наказание» – 4600 совпадений.

Использование данных поисковых запросов позволяет выводить только те результаты, где встречается точное совпадение по заглавию романа с обязательным наличием фамилии автора. В качестве примера плохого поискового запроса можно привести site:lib.ru Достоевский «Идиот» (4400 совпадений), так как запрос возвращает лишние тексты, содержащие слово «идиот» не в значении заглавия романа. Аналогичный пример: site:lib.ru Гоголь «Нос». Это связано с тем, что подобные запросы порождают коннотации, относящиеся к характеристике личности Достоевского и внешности Гоголя.

Таким образом, можно сделать вывод, что роман Чернышевского цитируется весьма часто в материалах популярного интернет-ресурса.

Другой известной онлайн-библиотекой является «Флибуста». По моим наблюдениям, этим ресурсом чаще всего пользуются обладатели электронных книг.

Массив текстов колоссален, кроме того, на сайте предоставляется возможность оставлять комментарии. Отзывов о романе Чернышевского сравнительно немного:

«Лютый бестселлер 1863 года»³;

«Редкое убожество»⁴;

«Понравилась, несмотря на обилие наивных идей. Обращения к читателю – класс»⁵;

«Я бы изменил баланс в книге. Сделал бы меньше снов и грустных мыслей, добавил бы юмора... У автора всё-таки получился перекос... Однако книга интересная и заставляет задуматься. Не жалею что прочитал»⁶.

Пользователи также поставили роману оценки.

Всего 13 оценок, средняя – 2,6 из 5⁷.

В другом разделе – 8 оценок. Средняя 3,125 из 5⁸.

На сайте есть такой показатель, как рекомендация друзьям. Роман рекомендовали друзьям 0 пользователей. Для сравнения, у романа «Анна Каренина» в одном из разделов сайта 82 оценки, средняя 4,47, и 25 рекомендательей⁹. Роман «Война и мир» по первому тому 62 оценки, средняя 4,35, и 5 рекомендательей¹⁰.

Кроме того, романы Толстого пользователи обсуждают на форумах библиотеки. Обсуждений по поводу романа Чернышевского нет.

На этом ресурсе популярность Чернышевского сравнительно низка.

В другой интернет-библиотеке – LiveLib – отношение к Чернышевскому совсем иное. Рейтинг романа – 3,62/5 по оценкам 1679 пользователей, из которых 891 отметили книгу как понравившуюся, 459 отнеслись нейтрально, 231 остались недовольны, при этом 53 пользователя сделали пометку «любимая книга»¹¹.

Для сравнения, рейтинг романа «Анна Каренина» – 4,3/5, 11 099 оценок, 8834 понравилось, 1509 нейтрально, 329 не понравилось, 685 сделали пометку «любимая книга»¹².

Рассмотрим издание «Большой город». Оно есть и в интернет-доступе. Этот журнал для молодежи в 2012 г. составил «Антирейтинг классиков»¹³.

Опрошено 600 студентов и старшеклассников, задан вопрос: «Кого из писателей исключить из школьной программы?».

Результаты опроса:

- Толстой (81 голос против);
- Достоевский (74);
- Солженицын (50);
- Шолохов (43);

- Пушкин (33);
- Другие варианты (176).

Можно предположить, что и Чернышевский попал в «другие варианты». Но в данном случае интересны аргументы опрошенных. Один из них так комментировал свой выбор: «Я бы хотел исключить из списка Льва Николаевича Толстого, потому что я не прочитал его роман “Война и мир”, а он очень важен в сдаче ЕГЭ по русскому языку для аргументации сочинения. Не было бы романа, не было бы проблемы»¹⁴.

Аналогичен и другой комментарий: «Давайте уберем уже “Войну и мир” – все равно ее в школьном возрасте почти никто до конца не дочитывает...»¹⁵.

Однако рейтинг романа Чернышевского довольно высок на портале «100 лучших книг всех времен»¹⁶.

Сайт создан специально для проведения опроса в Интернете. В итоге получились сводные таблицы, в которых роман Чернышевского занимает 149-е место, соседствуя с «Обыкновенной историей» И.А. Гончарова, «Каштанкой» А.П. Чехова, «Илиадой» Гомера и «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова. В отдельном разделе «Лучшие писатели» Чернышевский занимает 88-е место между В.В. Набоковым и В.А. Гиляровским.

Из интернет-публикаций за 2014 г. и начало 2015 г. можно также отметить статью в журнале «Сноб» о премьере спектакля по роману Чернышевского в БДТ¹⁷, а также статью «Мемория. Николай Чернышевский» в ПОЛИТ.РУ¹⁸.

Существует множество точек зрения на вопрос, насколько Интернет отражает общественное мнение. Безусловно, при анализе интернет-источников необходимо учитывать возрастные факторы, доступность Интернета в различных регионах и среди различных групп населения, время публикаций и другие параметры, влияющие на достоверность результатов анализа интернет-контента. Однако приведенные данные свидетельствуют, что роман Чернышевского довольно популярен и ныне.

Примечания

¹ Рекомендательный сервис «Имхонет» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imhonet.ru> (дата обращения: 04.12.2014).

² Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru> (дата обращения: 04.12.2014).

- ³ *Чернышевский Н.Г.* Что делать? (djvu) [Электронный ресурс] // Флибуста – книжное братство. URL: <http://www.flibusta.net/b/389671> (дата обращения: 14.03.2015). – Отзыв пользователя aglazig про Чернышевский: Чернышевский Н.Г. Что делать? (Русская классическая проза) в 20:42 (+01:00) / 29-12-2014.
- ⁴ Том 1. Что делать? (fb2) [Электронный ресурс] // Там же. URL: <http://www.flibusta.net/b/244415> (дата обращения: 14.03.2015). – Отзыв пользователя Ser9eu про Чернышевский: Том 1. Что делать? (Русская классическая проза) в 16:41 (+01:00) / 02-12-2013.
- ⁵ Что делать? (fb2) [Электронный ресурс] // Там же. URL: <http://www.flibusta.net/b/215903> (дата обращения: 14.03.2015). – Отзыв пользователя sound-round про Чернышевский: Что делать? (Русская классическая проза) в 16:58 (+02:00) / 20-08-2013.
- ⁶ Там же. – Отзыв пользователя 1000oceans про Чернышевский: Что делать? (Русская классическая проза) в 13:12 (+01:00) / 02-02-2013.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Том 1. Что делать? (fb2) [Электронный ресурс].
- ⁹ Анна Каренина (fb2) [Электронный ресурс] // Флибуста – книжное братство. URL: <http://www.flibusta.net/b/244206> (дата обращения: 14.03.2015).
- ¹⁰ Война и мир. Том 1 (fb2) [Электронный ресурс] // Там же. URL: <http://www.flibusta.net/b/175105> (дата обращения: 14.03.2015).
- ¹¹ Что делать? [Электронный ресурс] // «LiveLib» – социальная сеть любителей книг. URL: <http://www.livelib.ru/work/1000325817> (дата обращения: 14.03.2015).
- ¹² Анна Каренина [Электронный ресурс] // Там же. URL: <http://www.livelib.ru/book/1000430337> (дата обращения: 14.03.2015).
- ¹³ Ладно Ахматова, но Цветаева-то, простите, на фига? [Электронный ресурс] // Журнал «Большой город». URL: http://bg.ru/education/antirejting_klassikov-15862/ (дата обращения: 04.12.2014).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Список 100 лучших книг всех времен [Электронный ресурс]. URL: <http://www.100bestbooks.ru> (дата обращения: 04.12.2014).
- ¹⁷ «Что делать?» в снах и наяву: могучий подход к вечному вопросу [Электронный ресурс] // Журнал «Сноб». URL: <http://snob.ru/selected/entry/87060> (дата обращения: 14.03.2015).
- ¹⁸ Мемория. Николай Чернышевский [Электронный ресурс] // ПОЛИТ.РУ. URL: <http://polit.ru/news/2014/07/24/chern/> (дата обращения: 14.03.2015).

ПСЕВДОНИМ КАК СРЕДСТВО ЭКСПРЕССИИ В ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКЕ 1920-х гг.

В статье рассматривается практика использования псевдонимов в полемических материалах литературно-художественных изданий 20-х годов XX в. Основное внимание уделяется экспрессивной составляющей выбора вымышленного имени, а также его восприятию оппонентами, которое выражается в языковой игре с псевдонимами литературных противников как одного из видов проявления речевой агрессии в ходе журналистских дискуссий.

Ключевые слова: псевдоним, полемика, экспрессия, оппонент, языковая игра, речевая агрессия.

Употребление псевдонима (вымышленного имени или фамилии, используемых для замены собственного политическими деятелями, писателями, актерами и др.) – явление нередкое в журналистике. При этом желание скрыть настоящее имя характерно не только для представителей оппозиционных изданий, т. е. не всегда объясняется боязнью политического преследования.

После установления в России советской власти и принятия декрета «О печати» от 27 октября (9 ноября) 1917 г. были закрыты все небольшевистские издания, следовательно, журналисты могли публиковать свои материалы только легально. «После Октябрьской революции большинство мотивов, побуждавших авторов пользоваться псевдонимами, отпало, – отмечается в редакционной статье к «Словарю псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова¹. – Тем не менее обычай заменять действительную авторскую подпись выдуманной не исчез. Мало того, он получил неожиданное, на первый взгляд, развитие».

Псевдонимы стали использоваться в основном как выразительное средство. «В псевдониме, кроме его основной утилитарной, практической составляющей, содержится и второй компонент, эмоционально насыщенный смысл которого не поддается арифметическим подсчетам и количественным оценкам», – пишет исследователь петербургского городского фольклора Н.А. Синдаловский².

Основные проблемы культуры, вызывавшие бурное обсуждение и споры в прессе 20-х годов XX в., – это роль искусства в жизни, приоритет вдохновения или социального заказа, отношение к буржуазному наследию. Ключевую роль в развернувшихся дискуссиях играли три журнала: «На посту» (орган группы пролетарских писателей «Октябрь», редактировавшийся Б.М. Волиным, Г. Левичем и С.А. Родовым), «ЛЕФ», объединивший футуристов под руководством В.В. Маяковского, и «Красная новь», где печатались так называемые попутчики, писатели, которые не вступили в коммунистическую партию, но приняли революцию. Главным редактором «Красной нови» был А.К. Воронский. Каждый из участников литературных баталий претендовал на место лидера пролетарской литературы и всячески демонстрировал лояльность к новой власти.

Практически во всех изданиях рассматриваемого периода можно обнаружить большое количество вымышленных имен. Активно пользовались псевдонимами писатели-«попутчики»: Артём Весёлый (Н.И. Кочкуров), И.Э. Бабель (И.М. Бобель), Б.А. Пильняк (Б.А. Вогау), В.В. Вересаев (В.В. Смидович), В.Г. Лидин (В.Г. Гомберг) и другие. Псевдонимами подписывались инициаторы создания журнала «Красная новь»: В.И. Ленин (В.И. Ульянов) и М. Горький (А.М. Пешков).

Стремление пользоваться псевдонимами можно объяснить не только обычаем, существовавшим у вышедших из подполья большевиков. По мнению Н.А. Синдаловского, использование псевдонимов – часть символистского наследия: «Основная художественная идея символизма сводилась к пониманию мира как знака, символа, “вещи в себе”, метафоры, не требующей дополнительной расшифровки. В рамки такого мировоззрения легко вписывался безошибочно найденный псевдоним. Андрей Белый выглядел точнее и логичнее, чем Борис Бугаев, а Максим Горький – убедительнее, чем Алексей Пешков»³.

Постоянные псевдонимы имели два главных редактора журнала «На посту». Борисом Михайловичем Волиным стал Иосиф Ефимович Фрадкин. Лабори Гилелевич Калмансон преобразовал в псевдоним собственное отчество и стал подписывать статьи «Г. Левич».

Иногда псевдоним был призван подчеркнуть связь личности литератора с содержанием его материала. Так, автор статьи «Деревня в современной литературе», опубликованной в № 1 журнала «На посту» 1923 г., выбрал псевдоним Деревенский, а автор очерка «Рабочая весна» (На посту. 1923. № 2–3) – Фабричный. Множество статей в журнале «На посту» подписано криптонимами: М. П., Р-ч., С.-Б., ЭЛЭМ., Гээл., Н.И. и другими.

При этом, несмотря на собственное пристрастие к вымышленным именам, в ходе полемики напостовцы часто обвиняли оппонентов именно в использовании псевдонимов, в «скромности» (очевидный эвфемизм «трусливости»): «<...> Только один из них, А. Воронский <...> выступил открыто. Другие два – Голкор из “Лефа” и Правдист из “Петроградской Правды” предпочли скромно скрыться за псевдонимами» (Там же. С. 14).

Другой упрек – в неудачном выборе, в данном случае слишком легкой узнаваемости псевдонима (презрительно названного «ключкой»):

«Впрочем, последние <псевдонимы. – Ю. Я.> достаточно прозрачны и не могут служить действительно ловкой маскировкой» (Там же).

«<...> Бывают кой у кого уши настолько длинные, что их не может скрыть даже *нахлобученная* на них ответственная кличка» (Там же. С. 38).

А между тем автору статьи «Критическая оглобля» (ЛЕФ. 1923. № 3), подписавшемуся «Голкор», нельзя отказать в остроумии, так как псевдоним был выбран в ответ на статью «А король-то гол» (На посту. 1923. № 1) и создан по аналогии с распространившейся в то время модой на подписи под журналистскими материалами «рабкор», «селькор», «военкор» и т. п.⁴ Очевидно, что цель сохранить инкогнито здесь не преследовалась.

В рассматриваемый период можно обнаружить (особенно в журнале «На посту») большое количество псевдонимов, указывающих на некоторую маргинальность их носителей. Среди них – Н. Изгоев (аллоним высланного из России в 1922 г. общественного деятеля А.С. Изгоева-Ланде), Макар Пасынок (И.И. Коган), Ф.Ф. Раскольников (активный участник ВАПП Ф.Ф. Ильин). К этой же категории можно отнести псевдоним высокоценимого напостовцами Демьяна Бедного, которым пролетарский поэт заменил свою рискующую показаться «верноподданнической» фамилию Е.А. Придворов.

Псевдоним левовца Н.Ф. Насимовича – Чужак – вызывает иронию напостовца С.А. Родова. Он пишет слово «Чужак» то с

большой, то с маленькой буквы, желая подчеркнуть его семантику. Основанием для этого послужила опубликованная в «Известиях» статья Н.Ф. Чужака, в которой он полемизировал со своими соратниками по «ЛЕФу» по поводу повести О.М. Брика «Не попутчица». «Что ему, “чужаки” и “не чужаки”!» (С. 44); «Что бывает, когда в футуристическую голубятню заберется Чужак» (С. 51); «Никогда, наверное, и нигде Чужак не был большим чужаком, как именно в Лефе» (С. 51), – пишет редактор «На посту» (1923. № 1).

Как псевдоним, так и поведение Чужака настораживает и самих деятелей Левого фронта. Так, М. Левидов в № 1 «ЛЕФа» за 1923 г. предлагает поговорить «<...> о вас, Чужак – на сем пиру *госте случаем*, русском мыслителе с германскими приемами, *кунктаторе* Лефа». Прозвище Кунктатор напоминало о древнеримском полководце Квинте Фабии Максиме, уклонявшемся от решительного боя и предпочитавшем выжидать. Оно стало обозначением медлительного и нерешительного человека⁵ и, конечно, не могло служить для Чужака лестной характеристикой.

В гораздо меньшей степени игрой с псевдонимами увлечены авторы журнала «Красная новь». Здесь можно заметить лишь развитие образов, заимствованных у оппонентов. Так, Г. Якубовский (Красная новь. 1923. № 6 (16)) пишет: «<...> Эта программа очень простая и выражена она в статье тов. Авербаха коротеньким рецептом – поэтам надо “одемяниться” <...> Можно учиться у Демьяна Бедного, как мы все <...> учились у Салтыкова-Щедрина, но было бы очень *вредно для искусства*, если бы писатели ставили себе целью – “ощедриниться”» (С. 326). Если окказиональный глагол «одемяниться» имеет для напостовца Л.Л. Авербаха безусловно положительный смысл, то созданный по аналогии в «Красной нови» глагол «ощедриниться» означает процесс отрицательный, «вредный для искусства».

Н. Смирнов (Там же. 1924. № 3 (20)), характеризуя новую работу З.Н. Гиппиус, подчеркивает, что она подписана «старым псевдонимом Антона Крайнего» (С. 252). Указание на давний срок существования псевдоандронима поэтессы, видимо, должно было подчеркнуть и большой стаж литературной вражды с его носительницей, резко отрицательно относившейся к новой власти и не раз подвергавшейся за это критике и насмешкам на страницах советских изданий.

Авторы журнала «ЛЕФ» не злоупотребляют использованием псевдонимов, зато проявляют большую изобретательность в обыгрывании подписей под статьями литературных противников. Нейтральные, на первый взгляд, псевдонимы журналистов газеты

«Правда» В.С. Попова (Дубовский) и В.В. Оболенского (Осинский) вместе с настоящей фамилией Л.С. Сосновского вдохновили лефовцев на проявление речевой агрессии в адрес их носителей. «Кто в Леф, кто по дрова», – перефразирует «ЛЕФ» известную поговорку (ЛЕФ. 1923. № 3. С. 3) и делает сноску: «*Дубовые, сосновые, осиновые* и других *Родов*» («Родов» не случайно написано с большой буквы, так как С.А. Родов – один из редакторов и авторов полемических статей в журнале «На посту»). «Древесная» тема разрабатывается лефовцами и дальше: «<...> С одной стороны *Сосновский*, с другой *Дубовский*, а если еще <...> *Осинского* припомнить, то останется только заявить, – воистину “за *деревьями* ЛЕФА не видно”» (С. 38).

Мишенью для речевой агрессии лефовцев стал и псевдоним одного из журналистов газеты «Известия» Альфред. Известно резко отрицательное отношение главного редактора «Лефа» В.В. Маяковского к распространившейся в то время моде на присваивание себе иностранных имен (например, из стихотворения «Маруся отравилась» 1927 г.). Альфреду «припоминается» совпадение псевдонима с именем героя оперы Дж. Верди («Мы раньше думали, что Альфред романсы в Травиате поет, а он оказывается и против ЛЕФА выступает» (С. 34)), а также с именами французских литераторов: «Альфред безнадежно запутывается еще в двух альфредах: Альфреде де-Мюссе и Альфреде де-Виньи <...> гордый Альфред де Известий» (С. 35). Употребление имени Альфред как нарицательного во множественном числе («есть еще *альфреды* на земле»), а также иронического производного от него с суффиксом «-изм», традиционно служащего для обозначения некоего научного направления (*альфредизм* (С. 30)), видимо, должно подчеркнуть особую вредоносность идей данного автора.

Псевдонимы в виде прилагательных служат благодатным материалом для подбора к ним антонимов, использования разного рода инверсий, иронических ассоциаций и других форм проявления речевой агрессии:

«<...> Постараемся забыть о новом *Горьком*, который стал *слабодок* для буржуазных кругов Европы» (На посту. 1923. № 1. С. 89);

«Один, взяв Пушкина за ноги, пытается бить им ЛЕФ. Другой делает тоже, уцепив Демьяна. *Бедный Демьян!*» (ЛЕФ. 1923. № 3. С. 36);

«Символисты? Все они в общем *Белые*, хотя и не все *Андреи*» (Там же. С. 24);

«Третья лучшая часть переучивается после *розовых Белых* по нашим вещам и, верим, будет дальше шагать с нами» (Там же. С. 6).

Итак, использование псевдонимов в советских газетах и журналах 1920-х годов носило вполне регулярный характер. При этом

в условиях отсутствия в стране оппозиционных изданий подобная практика не была вызвана необходимостью ввести читателей в заблуждение относительно личности авторов статей из-за боязни подвергнуться политическим преследованиям. Скорее она объяснялась литературными традициями и модой, а также личными причинами, такими как неблагозвучие и «неэффектность» настоящей фамилии, заключающееся в ней нежелательное указание на национальную принадлежность ее носителя или неуместную в пролетарском государстве «аристократичность».

При выборе псевдонимов авторы руководствовались не только и даже не столько эстетическими соображениями, сколько семантической нагрузкой вымышленного имени. Однако эффект не всегда соответствовал ожидаемому. В ходе литературных дискуссий именно смысл и ассоциативное поле псевдонима часто становились объектом иронии и сарказма со стороны оппонентов.

Сам факт отсутствия под статьей настоящего имени автора расценивался противниками как проявление социальной трусости, а высмеивание псевдонима становилось средством оценки вкуса и фантазии его обладателя.

Речевая агрессия в адрес литературных противников – носителей псевдонимов – принимала различные формы. Среди них наиболее часты упреки в том, что псевдоним легкоузнаваем или слишком давно используется. Написание авторами дискуссионных статей псевдонимов оппонентов с маленькой буквы, перефразирование с их использованием известных пословиц и поговорок, создание на их основе окказионализмов и другие приемы языковой игры сделали псевдонимы заметным средством экспрессии в газетно-журнальной полемике 20-х годов XX в.

Примечания

-
- ¹ Масапов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 3 т. Т. 1 / [Ред. М.А. Годкевич и Б.П. Козьмин]. М.: Всесоюз. книж. палата, 1941. С. 15.
 - ² Синдаловский Н.А. Псевдоним: легенды и мифы второго имени // Нева. 2011. № 2. С. 217.
 - ³ Там же. С. 227.
 - ⁴ Масапов И.Ф. Указ. соч. С. 15.
 - ⁵ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл., 1938. Т. 2.

О ГЛУБИННОМ СМЫСЛЕ ОДНОГО УДАРЕНИЯ (из истории газетной полемики конца 1930-х гг.)

В статье с опорой на архивные материалы детализируется история полемики о «чистоте языка», развернувшейся в 1939 г. на страницах «Литературной газеты» между писателем Ф.В. Гладковым и филологом Д.Н. Ушаковым. Автор выявляет идеологический подтекст дискуссии об орфоэпии, анализирует сущность использованной Ф.В. Гладковым маски «человека из народа» и демонстрирует обоснованность антипуристской позиции Д.Н. Ушакова.

Ключевые слова: пропаганда, «чистота языка», орфоэпия, «Литературная газета», Ф.В. Гладков, Д.Н. Ушаков.

Организация публичной полемики, главной или единственной трибуной которой становились печатные средства массовой информации, была нормальной практикой советской идеологической машины¹. Практики коммунистической пропаганды внедряли определенные идеи в сознание масс таким путем, что у получателя формировалось ощущение самостоятельно найденного ответа на тот или иной мировоззренческий вопрос. Именно в этом случае объект идеологического воздействия глубоко усваивал навязанные ему положения и искренне в них верил².

Очевидно, что для придания дискуссии максимального жизненподобия и убедительности (даже тогда, когда роли «правых» и «ошибающихся» распределены заранее) в ней должны участвовать сопоставимые по масштабу личности и авторитетности оппоненты. Желательно также, чтобы они высказывались максимально искренне. Следовательно, надо, чтобы один из противников не сознавал, что его точка зрения будет признана неправильной, т. е. был спровоцирован на спор, заведомо завершающийся для него полным поражением и унижительным разоблачением.

Дискуссии подобного рода велись на самые разнообразные темы, далеко не всегда политические. Важно было, чтобы предмет обсуждения вызывал живой общественный интерес. К числу таких вопросов на протяжении всего советского периода – как, впрочем, и до него, и после – относилась проблема так называемой чистоты языка³. Выступления в прессе, направленные на защиту великого русского языка от вульгаризмов, жаргонизмов, канцеляризмов, неоправданных заимствований и т. д., неизменно вызывали у аудитории живой отклик, о чем свидетельствовали многочисленные письма читателей.

Данная статья посвящена всестороннему анализу одного короткого эпизода многолетней борьбы советской прессы за «чистоту языка» – полемике писателя Ф.В. Гладкова и филолога Д.Н. Ушакова на страницах «Литературной газеты» в 1939 г. Помимо собственно газетных публикаций – двух открытых писем Гладкова и письма Ушакова, – источниками исследования послужили архивные документы: письма Ф.В. Гладкова от 8 октября и 14 ноября 1939 г. (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 132) и письмо Д.Н. Ушакова Ф.В. Гладкову от 24 октября 1939 г. (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1052. Оп. 3. Д. 156), а также материалы, отражающие сотрудничество Д.Н. Ушакова с Радиокomiteем СССР (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 126–129).

Впервые привлекаемые к исследованию документы позволяют ответить на ряд вопросов:

– Велась ли дискуссия между Ф.В. Гладковым и Д.Н. Ушаковым в действительности или же она была полностью «срежиссирована» редакцией «Литературной газеты»?

– Насколько точно и полно газетные публикации 1939 г. отразили позиции оппонентов? Какие их идеи остались за рамками помещенных в прессе материалов?

– Какая идеологическая проблематика стояла за публичным обсуждением сугубо лингвистических вопросов в рамках рассматриваемой дискуссии?

Внешний контур лингвистического спора 1939 г. можно обрисовать на основании публикаций «Литературной газеты». В октябре известный прозаик Ф.В. Гладков обратился с открытым письмом «к товарищам из Радиокomiteета СССР». Он с возмущением указал на грубые ошибки дикторов, в частности неверную постановку ударений в падежных формах «на реку», «в фортах», словах «добыча» и «молодежь». Писатель призвал работников радио к очистке языка от «звукового сора»⁴.

В одном из следующих номеров газеты Гладкову возразил профессор Д.Н. Ушаков. То, что именно он откликнулся на замечания

писателя, выглядело вполне естественно: редактор «Толкового словаря русского языка» в конце 1930-х – начале 1940-х годов консультировал дикторов радио, готовил для них специальные справочники и потому нес ответственность за допускавшиеся в эфире ошибки. Надо отметить, что те слова и грамматические формы, произношение которых беспокоило Ф.В. Гладкова, были задолго до публикации его письма отражены в записях Д.Н. Ушакова, подготовленных для занятий с дикторами, а также в составленном им «Словаре правильного произношения слов», помещенном в журнале «Работник радио» в 1938 г.⁵

Возражения Ушакова, так же как и Гладков, не допускавшего, например, постановки ударения на первом слоге в слове «молодежь», носили не частный, а принципиальный характер. Филолог не согласился прежде всего с категоричностью тона Гладкова и указал, что нормы литературного языка далеко не всегда однозначны. Например, ударение в форме «реку» подвержено колебаниям⁶.

В том же номере газеты был помещен ответ Гладкова. Его глубоко расстроило нежелание Ушакова однозначно охарактеризовать отдельные речевые варианты как сугубо неправильные. Писатель продолжал настаивать на произношении *реку́*, ссылаясь на авторитет классической поэзии, которая знала исключительно такое ударение.

Оттолкнувшись от этого частного вопроса, Гладков перешел к обобщениям, касавшимся закономерностей языковой эволюции. Он заявил, что развитие языка должно идти «в сторону наибольших преодолений», т. е. норме следует не сближаться с узусом, а, напротив, все резче противостоять ему.

В качестве подтверждения этой парадоксальной мысли Ф.В. Гладков привел многочисленные письма трудящихся. Массы, по заявлению писателя, «свирепо протестуют против порчи и засорения языка жаргонизмами, вульгаризмами, натуралистическим перенесением в литературную речь местного сырья и пр.»⁷.

Архивные материалы позволяют дополнить картину дискуссии рядом существенных деталей.

Сохранившиеся машинописные тексты писем с собственноручной правкой авторов свидетельствуют о том, что дискуссия между Гладковым и Ушаковым действительно велась, причем, судя по всему, возникла по инициативе писателя, который направил возмущенное письмо не только в Радиокomiteт, но и лично Д.Н. Ушакову. Текст начинался с личного обращения, а первая часть письма была выдержана в стиле почтительно-доверительном:

Уважаемый Дмитрий Николаевич!

Я давно хотел обратиться к Вам с некоторыми недоуменными вопросами, касающимися русской орфоэпии. Мне не надо говорить вам о том, как я люблю родную речь, как дорога мне русская литература. Я с детства впитывал в себя сокровища народного творчества и жил чудесной музыкой живой русской речи. И мне чрезвычайно тяжело, когда на каждом шагу я слышу, как калечится наш язык не только в разговоре и в речах (не о массах я говорю, а об интеллигенции!), но и дикторами в часы радиопередач. Несомненно, они руководятся указаниями авторитетных знатоков орфографии (зачеркнуто, исправлено на «орфоэпии». – Е. Б.), но те нормы, которые преподаны актерам и дикторам, я, к сожалению, не могу признать неизблемыми и бесспорными⁸.

В конце письма Ф.В. Гладков сделал приписку от руки:

P.S. Очень хотелось бы, что (так в тексте. – Е. Б.) в «Правит. Комиссии по выработке единой орфографии» был поставлен вопрос и о «Москве-реке», и о таких, скажем, «мелочах», как правильное написание ударных «шипящих» окончаний чев (чов, шов) в фамилиях: Щипачов, Хрущов, Ширшов (а не Щипачев). Далее: нельзя ли реабилитировать ѣ – букву почтенную и нужную?

В постскриптуме Ф.В. Гладков явно апеллировал к Д.Н. Ушакову как председателю Орфографической комиссии при Наркомпросе, с июля 1939 г. – члену Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка – и выходил за рамки обсуждения вопросов орфоэпии, ставших поводом для открытого письма. Это может служить косвенным доказательством того, что переписка не имела сугубо заказного характера.

Ответное письмо филолога тоже было написано не исключительно с целью газетной публикации. Начало этого документа также отчетливо персонифицировано и неформально:

Уважаемый Федор Васильевич!

Простите, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Смягчающим мою вину обстоятельством может служить то, что я вот уже около месяца занят до изнеможения работой в Правительственной орфографической комиссии.

Вслед за Вашим письмом вскоре Радиокomitee препроводил мне на консультацию Ваше письмо дикторам, которое Вы напечатали в Литературной газете⁹.

Архивные материалы подтверждают тот факт, что писатель ответил языковеду и лично, прислав ему на домашний адрес письмо, которое начиналось со слов, не попавших на газетную полосу:

Уважаемый Дмитрий Николаевич!

Прошу Вас извинить меня за назойливость, но Ваше сердечное письмо и растрогало и повергло меня в уныние¹⁰.

На страницах газеты письма оппонентов были представлены без искажений, но с некоторыми сокращениями.

Так, из второго, наиболее резкого текста Гладкова при публикации были исключены такие фрагменты:

Слова: «трону́лся [в тексте опечатка: следует читать «трону́лася». – Е. Б.] лошадка, «изгнáнная», «легóк» – это исключительные вольности поэта, терпимые, как именно редчайшие исключения. Вопрос с винительным – ре́ку, реку́ – вопрос о некоей норме, о законе произношения, а приведенные Вами слова – за пределами этой проблемы, как единичные эпизоды.

Ваши утверждения относительно злополучного винительного «ре́ку» подкрепляются только субъективными скобками: («ре́ку для меня, например, звучит, как областное»). А вот для литераторов (и старых и молодых) Ваше «ре́ку» звучит очень неблагозвучно – как сугубо местное.

Несмотря на наличие местечек Сорóчинцы, Торóща, украинцы (в Полтавщине) произносят сорочíнский и торощáнский. Кроме того произношение первого слова с ударением на «чи» имеет вековую давность: так говорили все образованные люди в России.

В Москве, в каждой квартире – свой языковой норов и в каждой семье – свой разговорный обычай. С языком просторечия обстоит сейчас так же, как с безалаберным уличным людским движением: люди не знают, где левая, где правая сторона, прут друг на друга, как на толчке, теряя гражданское достоинство.

Тогда нужно принять за норму «окающее» наречие большинства (по-моему) населения страны (север, Волга, половина Московской области, Урал, Сибирь). Как оно ни мило мне (это мой родной говор), но литературный московский язык смягчил мое круглое О.

P.S. Почему дикторы произносят Мажино не как Мажыно, а Мажíно, передавая ночные известия, говорили между прочим: Герцык¹¹ – «окрестный», Фриденсон¹² – экспóрт, семьдесят... (неразборчиво. – Е. Б.): «забил 5 голóв» (от «гол»).

Когда устаешь за день от редакционной и партийно-организационной работы, ночью часто сердиться от этих игривых вольностей со словом¹³.

Редакторская правка, судя по изъятым фрагментам, была направлена главным образом на маскировку недостаточной компетентности и невысокой общей грамотности Ф.В. Гладкова, употреблявшего такие словосочетания, как «звучит очень неблагозвучно», и считавшего украинское произношение образцом для русского литературного языка.

Кроме того, профессионализм газетного редактора позволил при сохранении почти всех частных до неузнаваемости изменить существо позиции Гладкова. Если в оригинальном тексте письма была нарисована пугающая картина речевого хаоса («люди не знают, где левая, где правая сторона, прут друг на друга, как на толчке, теряя гражданское достоинство»), то в публикации ЛГ писатель выглядел защитником чистого и правильного русского языка советской эпохи от отдельных несознательных носителей, безответственно допускающих грубые и нелепые ошибки.

Дискуссия между Гладковым и Ушаковым не могла не восприниматься привыкшей читать между строк советской аудиторией как глубоко символическое столкновение мнений. Ушаков, с его стилевой мягкостью и склонностью к компромиссу, выступал как идеальное воплощение образа *интеллигента «из бывших»*.

Иной образ возникал в сознании при чтении писем Гладкова. Он позиционировал себя как *интеллигент из народа*, преодолевший такие мелкие недостатки, как оканье, но сохранивший главное – простоту и честность, непримиримость ко всему, что враждебно народному духу.

Надо сказать, что писатель давно и последовательно работал над таким имиджем. Еще в 1931 г. он выступил в печати с заметкой под названием «Бью тревогу». Возмущение автора было вызвано подачей материала в учебнике Н.Н. Попова по истории ВКП(б). Гладков указал на то, что в книге для подростков недопустимо использовать такие трудные слова, как «ортодоксальный», «консолидация», «ревизионизм», и вообще нельзя сформировать сознание путем «зубрежки неудобоваримых формул»¹⁴. Эту публикацию, как и открытые письма 1939 г., отличают решительный тон, обилие разговорных слов и выражений, создающих образ простой, чуть грубоватой народной речи.

По мере накопления опыта газетной борьбы за так называемую чистоту языка сформировалось несколько «амплуа» публицистов, затрагивавших данную проблему. Одним из таких «амплуа» стал созданный Гладковым и его последователями образ простого советского человека с народными корнями, сурового, но справедливого, всегда готового высказать правду в глаза.

Излюбленным приемом Гладкова и других публицистов этого типа была ссылка на мнение рядовых читателей. Тоталитарная пропаганда непременно апеллирует «к «простому человеку», «труженику», к «здоровому смыслу “человека из народа”»¹⁵, создавая таким образом иллюзию демократии. Однако утверждать, что опора на народное мнение – это сугубо манипулятивный ход, не имеющий под собой никаких оснований, кроме идеологических, было бы недопустимым упрощением. В Архиве РАН сохранились письма слушателей, которые Радиокomitee передавал Д.Н. Ушакову для консультации при подготовке официального ответа.

Среди тех, кто обращался в Радиокomitee и другие инстанции с замечаниями, касавшимися культуры речи дикторов, были люди из городов и деревень, как культурные, так и малообразованные. Показательно – в том числе стилистически – письмо Я.Б. Далматова из Архангельска, начинающееся так (пунктуация оригинала):

Имея репродуктор, я и мои дети с товарищами и подругами чуть не ежедневно устраиваем коллективное слушание радиопередач из Москвы.

Интерес к слушанию большой. Но это слушание, благодаря небрежности передатчиков, действует на школьников уродующе. Изучая грамматику они слышат неграмматические произношения в передачах и начинают не только подражать в произношениях, но и при письме, как напр. передают: «в президиуми», «в доми» и пр. Борясь за грамотность молодежи, нельзя признать образцовой такую передачу, а московская передача должна быть только образцовой.

Обращаюсь к Вам с просьбой помочь нам родителям научить детей правильно выражаться. Ведь это не менее важная полит. задача¹⁶.

Радиослушатели вообще нередко отмечали политическую значимость «чистоты языка» и относились к действительным или мнимым нарушениям орфоэпической нормы как к явлению не просто неприятному, но и враждебному.

Судя по хранящейся в фонде Д.Н. Ушакова в Архиве РАН вырезке из «Литературной газеты» с подчеркиваниями и пометами на полях¹⁷, филолог предполагал продолжить дискуссию. В частности, он отметил в тексте Гладкова такое странное выражение, как «фамилия... имеющая польскую форму», а также спорное утверждение: «Орфоэпические нормы... живут, как выражение сознания народа, но жизнь их совершается по строгим законам литературной кристаллизации».

Сейчас не удастся установить, сам ли Ушаков отказался от полемики или ему было указано (через редакцию «Литературной газеты» либо иным путем) на нежелательность дальнейших возраже-

ний. Так или иначе, газета оставила последнее слово за Ф.В. Гладковым. При этом Д.Н. Ушаков невольно оказался оппонентом не отдельного языкового пуриста, а широких масс трудящихся.

Остается еще один немаловажный вопрос. Почему в споре об ударении в форме «реку» Ушаков и Гладков как будто поменялись местами? Почему исходно окавший уроженец пензенской деревни Гладков оказался защитником традиционного произношения, а носитель старшей орфоэпической нормы, один из основоположников русской орфоэпии Ушаков высказался за сосуществование произносительных вариантов?

Видимо, это было обусловлено случайностью выбора формы «реку» в качестве маркера литературной / нелитературной, а точнее – в терминах советской газетной пропаганды – «нашей» и «не нашей» речи. Будучи квалифицированным лингвистом, Д.Н. Ушаков хорошо понимал, что литературная норма не может не быть гибкой и подвижной, тем более в периоды стремительных социальных и культурных изменений. Ему было ясно, что «борьба» за устаревшее ударение есть не что иное, как языковой пуризм, никогда не приносящий собственно лингвистических плодов. Вероятно, уловил за неожиданной, на первый взгляд, речевой строгостью советского «писателя из народа» истинное недоверие и неуважение официальной советской идеологии к подлинному народу.

Разумеется, в конкретных исторических условиях Д.Н. Ушаков не мог открыто высказать подобных соображений. Ему оставалось в публичной полемике отстаивать право русского языка на свободное и естественное развитие. Безошибочность языкового чутья Д.Н. Ушакова подтверждают данные современных нормативных словарей. Так, «Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке» К.С. Горбачевича предлагает формы винительного падежа «реку́» и «ре́ку»¹⁸; «Орфоэпический словарь русского языка» И.Л. Резниченко меняет варианты местами, отдавая, соответственно, предпочтение более позднему – «ре́ку» и «реку́»¹⁹; а представленный на сайте gramota.ru словарь «Русское словесное ударение» ограничивается единственным вариантом – «ре́ку»²⁰.

Но, как заметил в конце письма Ф.В. Гладков, «это – к слову»²¹.

Примечания

¹ *Inkeles A. Public Opinion in Soviet Russia: A Study in Mass Persuasion. Cambridge, 1950. P. 51–52.*

² См., например: *Литунев С.Н. Речевое воздействие и языковое манипулирование в рекламе [Электронный ресурс] // Элитариум. 2.0. URL: <http://www.elitarium>.*

ru/2007/03/02/rechevovoe_vozdejstvie_i_jazykovoe_manipulirovanie_v_reklame.html (дата обращения: 23.03.2015).

- ³ Подробнее об этом см.: *Басовская Е.Н.* Советская пресса – за «чистоту языка»: 60 лет борьбы. М.: РГГУ, 2011.
- ⁴ Литературная газета. 1939. № 56. С. 3.
- ⁵ Работник радио. 1938. № 20–21. С. 61–64.
- ⁶ Литературная газета. 1939. № 68. С. 3.
- ⁷ Там же.
- ⁸ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 132. Л. 2.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 1052. Оп. 3. Д. 156. Л. 1.
- ¹⁰ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 132.
- ¹¹ Герцик В.Б. (1908–1997) – диктор радио.
- ¹² Фриденсон О.Д. (1906–1980) – диктор радио.
- ¹³ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 132. Л. 8, 8 об., 9, 9 об., 10.
- ¹⁴ За коммунистическое просвещение. 1931. № 62. С. 2.
- ¹⁵ *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Пропаганда и политическая социализация // Отечественная история. 2008. № 1. С. 100.
- ¹⁶ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 129. Л. 19 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 132. Л. 16.
- ¹⁸ *Горбачевич К.С.* Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. СПб.: Норинт, 2002. С. 218.
- ¹⁹ *Резниченко И.Л.* Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. М.: Астрель. АСТ, 2008. С. 892.
- ²⁰ Река [Электронный ресурс] // ГРАМОТА.РУ. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%F0%E5%EA%E0&all=x> (дата обращения: 23.03.2015).
- ²¹ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 132. Л. 10.

КОНЦЕПТ «РУССКАЯ ИДЕЯ»
В ПУБЛИЦИСТИКЕ И.А. ИЛЬИНА
(на материале бюллетеней «Наши задачи»)

В статье раскрывается культурологический аспект концепта «русская идея» – одного из ключевых концептов публицистики И.А. Ильина. Данный концепт для автора «Наших задач» немислим вне трех законов духа, вне трех великих основ человеческой жизни и культуры – свободы, любви и Предметности.

Ключевые слова: И.А. Ильин, «Наши задачи», концепт «русская идея», законы духа, свобода, любовь, Предметность.

В философско-публицистических листках «Наши задачи»¹ сконцентрирован жизненный и политический опыт русского философа и публициста, профессора Ивана Александровича Ильина – человека, который писал: «Если мои книги нужны России, то Господь уберезет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России»². Уже заголовки статей, вошедших в «Наши задачи», немало говорят о мировоззрении автора: «Почему мы верим в Россию» (№ 42), «О русском национальном самостоянии» (№ 82), «Россия есть живой организм» (№ 92, 93), «Что сулит миру расчленение России» (№ 101–105), «О Русской идее» (№ 127–129), «Очертания будущей России» (№ 132, 133), «О возрождении России» (№ 150, 151).

Философия И.А. Ильина исследуется в обширной научной литературе³. Тем не менее следует отметить, что в трудах, посвященных мировоззрению этого оригинального мыслителя, практически отсутствует лингвостилистический подход к его текстам. Ни в одной из немногочисленных работ филологической направленности⁴ не предпринимается попыток реконструкции языковой картины мира И.А. Ильина.

Исследование, часть которого отражена в данной статье, задумывалось прежде всего как лингвистическое: методом выявления лексико-семантических полей, создающих смысловое пространство всех 216 выпусков «Наших задач», были реконструированы ключевые концепты публицистики И.А. Ильина, представленные в языковом воплощении⁵. Одним из таких ключевых концептов является *русская идея*.

Размышления И.А. Ильина о *русской идее*⁶ [127-420] как об источнике и об одной из составляющих *истинной русской культуры* [212-343] опираются на принятие *высшего духовно-божественного измерения жизни* [166-111], включающего в себя *три закона духа* [180-179], *три великие основы человеческой жизни и культуры* [180-180] – *свободу, любовь и предметность* [180-180]⁷.

С точки зрения И.А. Ильина, «*Предметность* можно было бы описать как включение себя в Дело Божие на земле» [181-186], это «источник всех благих побуждений человека» [181-187]. По мнению философа, Предмет – та ценность, которая придает жизни «высший, последний смысл» [181-182]. По-настоящему Предметный Предмет⁸ включает в себя, обобщая, понятия разных уровней.

Уровень 1. Единый и великий Предмет истории – высшее Дело на земле – Божье Дело [181-182].

Уровень 2. Жизнь русского народа, бытие России – достойное, творческое и величавое бытие. Служение «русскому духу, русскому качеству, русскому величию» [181-183].

Уровень 3. Предмет как ценность и как Дело отдельного россиянина. Этот предмет истинен настолько, насколько человек включен в служение России, в ее бытие и через него – в единый и великий Предмет истории.

Предмет в понимании И.А. Ильина – это «некая живая и священная стихия, субстанция или “эссенция” духовной жизни» [182-188]. Предметом не являются своя личная «польза», свой материальный прибыток, свой успех или иной лично-житейский выигрыш [166-108].

Предметность имеет два измерения – субъективно-личное (действия человека) и объективно-ценностное (цель жизни)⁹. Когда человек предметен и субъективно, и объективно, он становится человеком культуротворящим [212-343]¹⁰.

Понятию *свобода* свойственна двуплановость¹¹. Свобода сама по себе «не переделывает» человека «к лучшему, а только “проявляет” (в фотографическом смысле) его со всеми его чертами, склонностями и страстями» [36-82], а потому «свободы <...> абсолютной <...> быть не может» [213-347]. Духовно значима не свобода вообще, а

свобода предметная [180-181], которая «обретается через Бога, в духе, в совести, в чувстве собственного духовного достоинства, в служении своему единокровному народу» [57-161]. Такая свобода «есть сила и искусство человека определять себя самого к духовности согласно своему предстоянию, своему призванию и своей ответственности» [213-347]. Свобода – неотъемлемое достояние духа и его неотчуждаемая святость [213-344]¹².

Концепция И.А. Ильина заключается в том, что «Россия всегда строилась духом свободы и предметности и всегда шаталась и распадалась, как только этот дух ослабевал, – как только свобода извращалась в произвол и посягание, в самодурство и насилие, как только сердце русского человека прилеплялось к беспредметным или противопредметным содержаниям». «Грядущая Россия должна быть свободна и будет свободна» [58-164], она выберет «верную меру свободы» [65-194], восстановит «свободу Богосозерцания и Богоисповедания» [65-193].

Любовь «есть основная духовно-творческая сила русской души» [127-421], она «состоит в художественном вчувствовании в чужую душу и жизнь; любовь выражается в живом сочувствии и участии, понимании, совете и помощи» [203-295]; она «индивидуализирует человека и отношение к нему» [203-295].

И.А. Ильин говорит о любви духовной и любви земной [119-390]; о любви к Богу [22-40], к Родине [98-318], к России [141-19], о любви к своему народу [95-307], к ближнему [22-40], к духовной культуре [193-243], к своему родному языку [193-243]. Как включенные в понятие *любовь* Ильиным осмысливаются и общечеловеческие концепты (*вера* [119-390], *верность* [176-164], *доброта* [119-390], *совесть* [119-390], *вдохновение* [182-189] и др.), и концепты национально значимые, в том числе:

– *Россия* («Россия всюду, где бьется верное ей сердце» [28-559]; «мы любили только ее, служили только ей и искали только ее блага» [132-444]; «России нужны независимые люди, думающие из верного сердца и действующие из несвязанной патриотической воли» [130-436]);

– *жизнь русского народа* – она «могла бы быть выражена и изображена так: свободно созерцающее сердце искало и находило свой верный и достойный Предмет» [128-424];

– *быть русским* («Важно не “казаться” и не “считаться”; важно быть, – быть русским, любить Россию, бороться за нее честно и грозно и стоять до конца за торжество Дела Божьего на земле» [28-59]);

– *русская культура* [114-371; 127-422];

– *русское искусство* [127-422];

– *русская душа* [127-421];

– *национализм* как «любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии» [112-363]; как «вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание», как «воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божьем саду», как «созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов» и «система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания» [112-363, 364];

– *путь грядущей России* [180-181];

– *русская идея* как идея сердца [127-420].

И.А. Ильин убежден, что «из трех великих основ всякой человеческой жизни и культуры – свободы, любви и предметности – ни одна не может быть упразднена или упущена: необходимы все три и все три обуславливают одна другую взаимно» [180-180]¹³.

На указанных трех основах и зиждется культура – культура свободы, культура сердца и культура Предметности [180-179], культура хозяйства и духа [42-132]. Такой – подлинной [212-343], настоящей [212-341], внутренней [127-422] культурой – является и *русская национальная культура* [111-359], имеющая, по словам И.А. Ильина, свою духовную и религиозную самобытность [30-64] и предполагающая «любовное взращивание русской и всех других российски-нерусских культур» [58-163].

В этом контексте максимально полно раскрывается содержание, вкладываемое И.А. Ильиным в понятие *русской идеи*: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно; и передающего свое видение воле для действия и мысли для осознания и слова» [127-420], «она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви родится вера и вся культура духа» [127-420].

Содержание понятия «русская идея» уточняют и мысли И.А. Ильина о душе славянской [117-384, 120-394], укрепившей свое сердце в заветах Православия [120-394], о душе русско-славянской, издревле органически предрасположенной к чувству, сочувствию и доброте и уверовавшей, что «Бог есть Любовь» [127-420], о душе русской [30-66, 42-110, 60-172, 76-231, 120-394, 127-421, 129-428, 208-317] – душе нежной, утонченной, глубокой [127-422], темпераментной от природы [127-423], доброй, благо-

родной [27-55], внутренне свободной, даровитой, легкой, певучей [97-316], самобытной [129-428].

Если «наполнить данное нам свободное и любовное созерцание настоящим предметным содержанием» (*осуществить русскую идею*) [128-425], для России станут возможны:

– *свободная русская культура* [150-58], в основе которой лежит «личная, искренняя религиозность культуротворящего человека» [212-343];

– *цельность веры и религии* [153-68], вера любящая, видящая, разумом обоснованная [42-106], живая религиозность [212-342]; «религиозность <...> несет в себе именно те дары, без которых культура <...> становится просто неосуществимой: чувство предстояния (Высшему. – *О.А.*), чувство задания и призванности и чувство ответственности» [212-343];

– *православие* – его значение в русской истории и русской культуре духовно-определяющее [117-383];

– *церковь* – как зиждительница, хранительница, живое средоточие религии и веры [114-371], как источник любви и благостного совета [153-69]; церковь, которая блюдет свой дух и обретается на высоте [152-66];

– живая христианская *совесть, вера в силу добра, верное чутье ко злу, чувство чести и способность к верности* [151-152];

– *право*, высшая цель которого – свобода, мир, справедливость [87-277];

– *правопорядок*, утвержденный живым и справедливым правосознанием [87-277];

– *политика* – истинная [175-159] – как искусство свободы, права, справедливости [176-162, 163], политика-служение [175-155], объединяющая людей [175-156], настоящие и мудрые политики [176-161], истинный политический успех [174-151, 174-154], который «состоит не в том, чтобы завладеть государственной властью, но в том, чтобы верно ее построить и направить ее к верной и высокой цели» [174-154], «выделение качественно-лучших сынов народа и поручение им политического дела» [256-157];

– *государство* – здоровое [116-397], имеющее строй правовой свободы и творческой социальности [21-38]; Российское Государство – как «правовое единство – священное, исторически преемственное, властное и действенное», которое «покоится на братском единении русских людей, на их верности Богу, Отечеству, государственной власти и закону» [157-81];

– *возрождение России* [151-63] единой, «блюдущей свою особливую веру и свою самостоятельную культуру» [45-121];

– *власть* – «не внеправовая и не сверхправовая, а оформленная правом и служащая по праву, при помощи права – всенародному правопорядку» [126-415];

– *армия* – с внутренним чувством военно-моральной правоты [16-26];

– *солдат* – как несущая духовное служение личность [97-316];

– *человек* – свободный, достойный и духовный [151-63], с религиозно и нравственно сильным характером [154-74];

– *люди*, «умеющие самостоятельно наблюдать и мыслить, способные к собственным воззрениям и независимым убеждениям» [0-6];

– восстановление и возрождение *духовных сил* русского народа [216-362], верность совести и чести [1-7];

– расцвет *народного хозяйства* [153-67], законное хозяйствование [88-280], вера в честный труд [88-280], радость труда [62-180];

– русская *медицинская школа* – прямое порождение духа сердечного и совестного созерцания [127-421];

– *семья*, строящаяся на духе сердечного созерцания и предметной свободы [129-431];

– *воспитание*, в свободе и к свободе, в любви и к любви [180-181], приучающее к Предметности, к смыслу, к совести, к дисциплине, к закону [173-147], воспитание патриотизма [200-278]; воспитание в народе нового русского духовного характера [216-363];

– *образование* – всестороннее [207-315], растящее национальную интеллигенцию [26-54];

– *наука* – со своим мировосприятием, со своим исследованием [129-429], порождающая настоящих ученых [26-52];

– предметное русское *искусство* [181-187], имеющее высший художественный критерий [208-321];

– независимая национальная честная и идейная *газета* [9-17], несущая людям свободно-ответственное слово [192-239];

– *любовь к родному языку* [193-243], восстановление здоровья, смысла и художественности языка [173-144].

Из разнообразных составляющих сформированного И.А. Ильиным концепта *русская идея* складывается картина не только настоящего, но и будущего: «Россия вернется к свободному самоутверждению и самостоянию, найдет свой здравый инстинкт самосохранения, примирит его со своим духовным самочувствием и начнет новый период своего исторического расцвета» [111-360]. Этим в значительной степени объясняется сохранение и даже возрастание интереса к воззрениям И.А. Ильина в современной философии и политологии. Филологической же науке еще пред-

стоит заняться тщательным анализом его самобытных текстов. Проведенное исследование позволило детализировать и структурировать один из основополагающих концептов языковой картины мира И.А. Ильина. На основании этого можно с уверенностью говорить о широких перспективах применения метода выявления лексико-семантических полей при анализе индивидуального стиля автора.

Примечания

- ¹ Издавались И.А. Ильиным в Швейцарии в 1948–1954 гг.
- ² [216-365] В квадратных скобках указан номер выпуска «Наших задач» и (через дефис) номер страницы по изд.: *Ильин И.А.* Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 1. 496 с.; Кн. 2. 480 с.
- ³ См., например: *Бабинцев С.М.* Миросозерцание И.А. Ильина. М.: Прометей, 1997. 170 с.; *Гулыга А.В.* Путь к очевидности (Ильин) // Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003. С. 340–363; *Евлямов И.И.* Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб.: Наука, 1998. 512 с.; *Зернов И.Н.* Иван Ильин. Монархия и будущее России. М.: Алгоритм, 2007. 240 с.; *Козлова О.В.* Проблема свободы в философии И.А. Ильина // История философии. 2002. № 9. С. 120–134; *Лисица Ю.Т.* И.А. Ильин: Историко-биографический очерк // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. С. 5–36; *Он же.* Творческое и идейное наследие И.А. Ильина // Социальная философия Ивана Ильина: Материалы рос. семинара 9–10 апр. 1993 г. СПб.: СПбУ, 1993. Ч. 2. С. 30–35; *Мальцева А.В.* Религиозно-политический акт: политическая философия И.А. Ильина. М.: МАКС Пресс, 2005. 603 с.; *Офферманс В.* Человек, обрети значительность!: Дело жизни русского философа Ивана Ильина – обновление духовных основ человечества // Московский журнал. 1993. № 7. С. 15–21; *Полторацкий Н.П.* И.А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой. 2-е изд. Лондон (Канада), 1975. 279 с.; *Сохряков Ю.И.* И.А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 249 с.; *Фомин А.А.* Государственно-правовая идеология И.А. Ильина. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2005. 187 с.; *Цвык В.А.* Проблема борьбы со злом в философии И.А. Ильина. М.: МГУ, 1997. 112 с.; *Чердакова Т.Б.* Ильин о нравственных основах права и государства. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2006. 102 с.; *Шевцова Н.П.* Культура как система ценностей: аксиология в контексте интерпретации культуры Н.А. Бердяева и И.А. Ильина. М.: Моск. гос. ин-т электроники и математики, 2004. 205 с.; *Яковенко Б.В.* Онтолого-интуитивистское изложение учения

- Гегеля у И.А. Ильина: религиозный смысл философии у И.А. Ильина. М.: Республика, 2003. С. 420–423.
- ⁴ *Науменко-Порохина А.В.* Три речи о России И. Ильина 1926–1933 годов // Аксиологические категории национальной культурной традиции в русской словесности. Калининград, 2008. С. 95–102; *Стародубец С.Н.* Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И.А. Ильина: Дис. ... д-ра филол. наук. Брянск, 2009. 522 с.: ил.
- ⁵ *Афанасьева О.М.* Реконструкция языковой картины мира публициста (на материале бюллетеней «Наши задачи» Ивана Александровича Ильина): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 203 с. + 11 с. [Приложения. 39 с.]
- ⁶ Здесь и далее курсив наш.
- ⁷ «Вся современная культура, – писал И.А. Ильин, – сорвалась на том, что не сумела сочетать эти основы и блюсти эти законы. Она захотела быть культурой свободы и была права в этом; но она не сумела стать культурой сердца и культурой предметности, – и это запутало ее в противоречии и привело ее к великому кризису» [180-179].
- ⁸ Слова «Предметность», «Предмет», «Предметный» в «Наших задачах» пишутся как с прописной, так и со строчной буквы.
- ⁹ См.: *Афанасьева О.М.* Семантика понятия «предметность» в публицистике И.А. Ильина // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 3. С. 60–77.
- ¹⁰ «Настоящий человек ищет в своей жизни прежде всего – предметности, т. е. Дела Божьего на земле; он углубляет до него каждую жизненную задачу, каждое жизненное отношение; он освещает из него все дела, исходит из него, как из задания, и восходит к нему, как к цели» [181-186]. Душой человека, предметного и субъективно, и объективно, «владеет двойная, или подлинная, Предметность. Она захватывает его душу, осмысливает его жизнь, делает его цельным и огненным и придает его жизни религиозный смысл даже и тогда, когда он сам себя не считает ни верующим, ни церковным – ибо сокровенная религиозность глубже явной и незримая церковь обширнее зримой» [181-185].
- ¹¹ *Афанасьева О.М.* Семантика понятия «свобода» в публицистике И.А. Ильина // Журналистика и культура русской речи. 1999. № 9. С. 20–37.
- ¹² «Тайна свободы – или, как обычно говорят, “свобода воли”, – состоит в том, что сила духа способна сосредотачиваться, укреплять себя, увеличивать свою силу и преодолевать свои внутренние затруднения и свои внешние препятствия» [213-346]. «Свобода духа состоит в том, что не его определяют “влечения” и “обстоятельства”, а он определяет сам себя, то расценивая свои влечения и видоизменяя свои обстоятельства, то извлекая из себя решения и свершения, идущие наперекор всем обстоятельствам и влечениям» [213-347] – определяет не ко злу, а к духовности – согласно своему предстоянию, своему призванию и своей ответственности.
- ¹³ Когда эти духовные законы угасают, свобода вырождается в рабство, Предметность – в продажность, любовь – в ненависть, культура превращается в лже-

культуру, в «беспредметное посягание и произволение», «лишенное главного, не способное ни познать истину, ни создать художественное, ни совершить любовное, благое и чистое, ни узреть и раскрыть справедливое право» [181-183; 166-108, 110; 213-350]. «Россия выйдет из того кризиса, в котором находится, и возродится к новому творчеству и новому расцвету – через сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: свободы, любви и Предметности» [180-179]. «Все живые источники человеческого качества – от элементарной порядочности до высших ступеней святости, – суть дело свободы, т. е. ненавязанного и невынужденного другими людьми, самостоятельного приятия и осуществления» [65-194].

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(на материале журнала «Коммерсантъ – Власть»)

В данной статье на материале политического еженедельника «Коммерсантъ – Власть» анализируется прагматический потенциал отрицательных конструкций, оформленных частицей «не». Цель исследования – выявить соответствие между прагматической задачей, которую ставит журналист при освещении того или иного материала, и типом используемой отрицательной конструкции.

Ключевые слова: прагматический потенциал, отрицательные конструкции, публицистический текст, «Коммерсантъ – Власть».

Одна из основных функций публицистического стиля – функция воздействия, а это значит, что сообщение, опубликованное в СМИ, предполагает некоторую прагматическую цель. Такая цель может быть достигнута при помощи различных языковых средств, одним из которых являются отрицательные конструкции.

Задача данного исследования – выявить прагматический потенциал отрицательных конструкций, оформленных частицей «не». Проанализировано более 200 употреблений таких конструкций в материалах аналитического еженедельника «Коммерсантъ – Власть»¹, одна из основных задач которого – осмысление сложных экономических и политических процессов, протекающих в стране и за рубежом, а также трансляция адресатам издания факта, проанализированного журналистом и представленного определенным образом.

Для выявления того, с какой целью журналист обращается к отрицательной конструкции, мы обратились к методам семантического анализа и лингвистического эксперимента.

Около 10 % проанализированных отрицательных конструкций были включены в публикации *только* для обозначения какого-либо факта действительности (например, «Исторически так сложилось, что Израиль до сих пор *не имеет* своей конституции»; «В академической науке термин “этническая демократия” *не легитимизирован*» и др.). В таких предложениях отрицание, оформленное частицей «не», могло быть заменено на отрицательную конструкцию со словом «нет», являющимся сказуемым в безличном предложении (например, «У Израиля до сих пор *нет* своей конституции»; «В академической науке *нет* термина “этническая демократия”»), или на конструкцию, «семантически родственную»² отрицанию, в которой отрицание является компонентом значения слова, замещающего по выполняемой функции отрицательную частицу «не» (например, «В Израиле *отсутствует* своя конституция»; «В академической науке *отсутствует* термин “этническая демократия”»). Такого рода конструкции указывали на отсутствие какой-либо реалии, а потому и не могли быть заменены на конструкцию, не содержащую в себе отрицание.

В большинстве случаев (около 90 % проанализированных примеров) отрицательные конструкции к освещению какого-либо факта добавляли дополнительные оттенки значения.

Примерно 7 % отрицательных конструкций передают эмоции говорящего, его негативное отношение к сообщаемому («Я *не стану* терпеть <...> безответственность на национальном уровне»; «Я более *не намерен* терпеть оппозицию в правительстве»). Такие отрицательные конструкции могут быть заменены на менее экспрессивные утвердительные («Я буду бороться с безответственностью на национальном уровне»; «Я буду бороться с наличием оппозиции в правительстве»). Подобные конструкции характеризуют продуцента сообщения как личность с активной жизненной позицией, и это активное, не бесстрастное восприятие действительности передается читательской аудитории.

Как личность эмоциональную, с активной жизненной позицией характеризуют говорящего и отрицательные конструкции, которые можно обозначить как риторическое отрицание (3 % примеров: «Но мы же *не будем* стоять и смотреть, как все происходит», т. е. «мы будем действовать»; «Ничего подобного мир еще *не видел* и вряд ли увидит – иностранный лидер прибывает в Конгресс по соглашению, заключенному за спиной президента, и выступает с пламенной речью, направленной против политики президента», т. е. то, что описывается, – по мнению автора, нонсенс).

В ряде случаев (около 5 % примеров) отрицательные конструкции скрывают утвердительное содержание с целью смягчения тона высказывания (например, «Скорее всего, премьер-министр *не забыл* этот урок», т. е. «помнит урок»; «Однако Кахлон, как и большинство умеренных политиков, *не желает* ссориться с Америкой», т. е. «будет дружить», или «хочет дружить»).

Около 3 % отрицательных конструкций, отражающих утвердительное содержание, подчеркивают невозможность осуществления чего-либо (например, «С 1 июля они *не смогут* работать по старым лицензиям», т. е. «будут работать по новым лицензиям» – в силу необходимости, поскольку по старым лицензиям работать невозможно).

Двойное отрицание, выражающее утвердительный смысл, особенно экспрессивно³ («Запрет Евросоюза на торговлю с Крымом *не мог не отразиться* на экономике полуострова», т. е. «отразился»). Подобных примеров, подчеркивающих невозможность иного сценария развития политико-экономической ситуации, относительно немного (около 2 % отрицательных конструкций).

«С точки зрения прагматики дискурса отрицание в языке связано не с проблемой истинности, а с вопросом корректировки говорящим той информации, которой может располагать слушающий (безотносительно к ее объективной истинности)»⁴. И действительно, более 50 % отрицательных конструкций отражают возможные знания, мнения, суждения, жизненную позицию адресатов публикаций или не входящих в число адресатов сообщений предполагаемых оппонентов говорящего («Победа на парламентских выборах партии Биньямина Нетаньяху, бросившего накануне открытый вызов президенту США и заявившего о намерении действовать в регионе без учета мнения Вашингтона, *не приведет* к разрыву союзнических отношений», т. е., возможно, кто-то предполагал, что эта победа приведет к разрыву союзнических отношений; «Как указывают авторы документа в пояснительной записке, принятие проекта позволит “снизить себестоимость исполнения контрактов и *не повысит* при этом риски их неисполнения”», т. е. кто-то мог предполагать, что «риски неисполнения контрактов» могут повыситься).

В ряде случаев (около 5 % примеров) отрицательные конструкции, не предполагая корректировки говорящим информацией, которой располагает слушающий, показывают, что действительность, по чьему-либо мнению, изменится («Они заявили, что внесут в законы поправки, которые не дадут главам субъектов пирариться за счет бюджета», т. е. предполагается, что в настоящее

время «главы субъектов», по мнению третьего лица, пиарятся за счет бюджета).

В некоторых примерах (3 % рассмотренных случаев) отрицательная частица «не» входит в состав сочинительного градационного союза «не только ... , но и ...», что также позволяет усилить выразительность сообщаемого, подчеркивая масштабность, а также, возможно, и неожиданность случившегося («Однако в самом Израиле этот выпад сработал весьма эффективно: паника правых, вызванная возможностью победы левых, была такова, что к “Ликуду” перебежал *не только* неопределившийся, *но и* правый электорат Нафтали Беннетта и Авидгора Либермана»).

В процессе исследования решалась задача проверить, связан ли тип отрицательной конструкции (общеотрицательная, частноотрицательная, отрицание предикатное или присловное⁵) с той прагматической функцией, которую она выполняет. Было установлено, что все конструкции, которые использовались журналистом только для того, чтобы обозначить какой-либо *факт действительности*, являются общеотрицательными, с предикативным отрицанием.

Отрицательные конструкции, которые передают *эмоции говорящего*, его негативное отношение к сообщаемому, бывают как предикатными, так и присловными, однако присловное отрицание количественно преобладает (приблизительно в 80 % случаев).

Обнаруженные конструкции, которые передают *риторическое отрицание*, относятся к частноотрицательным и выражаются исключительно предикатным отрицанием.

Для *смягчения смысла высказывания* использовались только предикатные отрицательные конструкции, в основном общеотрицательные.

Двойное отрицание, выражающее *утвердительный смысл*, представлено в проанализированных материалах с помощью как общего, так и частного предикатного отрицания.

Таким образом, удалось установить следующую закономерность: общеотрицательные конструкции с присловным отрицанием позволяют журналисту передать эмоции, прежде всего – негативное отношение к сообщаемому.

Общеотрицательные конструкции с предикатным отрицанием выполняют функцию констатации факта, а также позволяют смягчить смысл высказывания и выразить утвердительный смысл.

Частноотрицательные конструкции с предикатным отрицанием удобны для оформления риторического отрицания.

Проведенный анализ публицистических текстов позволяет сделать некоторые общие выводы. Отрицательная конструкция –

синтаксическое средство, имеющее большой прагматический потенциал, который в значительной степени связан с ее типом. Прагматический потенциал отрицательных конструкций обусловлен прежде всего тем, что они не только передают мнение, отражают жизненную позицию отправителя сообщения, но и в большинстве случаев позволяют отразить предполагаемые суждения получателей сообщения (как возможных единомышленников автора, так и не согласных с ним), а также предполагаемых оппонентов, не входящих в число читателей. Благодаря этому качеству отрицательные конструкции делают публицистический текст максимально ориентированным на адресата, полемичным (включающим в себя позицию возможного оппонента), предполагают наличие обратной связи. Отрицательные конструкции – одно из сильных синтаксических экспрессивных средств: они способствуют выражению авторской оценки и созданию образа автора в медиатексте.

Примечания

- ¹ Израиль без оглядки [Электронный ресурс] // Коммерсантъ.ру. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2693695> (дата обращения: 30.03.2015); Поход за закупками [Электронный ресурс] // Там же. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2693693> (дата обращения: 30.03.2015); Вино на карте [Электронный ресурс] // Там же. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2693694> (дата обращения: 30.03.2015).
- ² Падучева Е.В. ИмPLICITное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией // Вопр. языкознания. 2011. № 1. С. 3.
- ³ Функции таких отрицательных конструкций детально проанализированы в книге: Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. М.: Академия, 2010. С. 127–134.
- ⁴ Givón T. Negation: A Functional Typological Introduction. Amsterdam: Syntax, 1984. P. 322–351.
- ⁵ Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс] // Проект корпусного описания русской грамматики. URL: http://rusgram.ru/%D0%9E%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%86%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5#5_1 (дата обращения: 30.03.2015).

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОРЫ (на материале портретных очерков русскоязычной версии журнала «Vogue»)

На основании исследования тематических групп метафор автор статьи дает характеристику образа современной женщины, который транслируется в медиапространство глянцевым изданием. Материалом исследования стали портретные очерки в журнале «Vogue» – всемирно известном журнале о моде и стиле жизни.

Ключевые слова: метафора, портретный очерк, глянцевая пресса, журнал «Vogue», образ женщины.

Появившись всего несколько десятков лет назад, глянцевые журналы сразу стали спутниками множества людей. Читателя глянцевого журнала, как правило, интересуют не столько сами публикации, сколько возможность «прикоснуться» к воображаемому идеальному миру, который создается журналом. Издание, максимально точно отражающее желания аудитории, занимает лидирующие позиции среди конкурентов. В женской глянцевой прессе это журнал «Vogue» («Мода»). «“Vogue” – это не только журнал. Это эстетика бытия»¹, – заявила в своем интервью первый редактор журнала Алена Долецкая и определила этой фразой и формат, и наполнение, и посыл – «message» издания.

В качестве ролевой модели «Vogue» предлагает аудитории успешного, известного человека – будь то актриса, певица, топ-модель, дизайнер. Чтобы читатель имел перед глазами живое воплощение правильного стиля жизни, журналисты «Vogue» обращаются к жанру портретного очерка. В нем показывается, каким ценностям служит герой, в чем видит смысл своего существования. Это «необходимо читательской аудитории для того, чтобы сверить свои цели с целями других людей», «ориентироваться в этом мире и, возможно, корректировать свои действия, образ жизни и пр.»².

Важнейший элемент смысловой структуры портретного очерка – публицистический образ, в создании которого участвуют различные языковые средства выразительности. Одним из самых распространенных среди них является метафора – «перенос названия по сходству, а также само переносное значение, в основе которого лежит сходство»³. Важно принять во внимание, что «метафора языка современной массовой печати социальна, это скорее способ мышления, способ восприятия мира, а не только прием изображения»⁴.

Синтез образного восприятия реальности и авторской оценки тесно связан с тем, к какой тематической группе относится метафора. Каждой тематической группе соответствует своя «идея», которая заимствуется метафорой: тематическая группа «Война» передает идею борьбы, «Религия» – обожествления и др.

Для исследования из портретных очерков журнала «Vogue» было отобрано методом сплошной выборки около 300 образных⁵ метафор. Объединение метафор в тематические группы, а также их семантический и частотный анализ позволили установить, какие черты образа женщины являются самыми важными для авторов журнала. В рамках данной статьи были описаны наиболее значимые для раскрытия образа главной героини группы.

Изучая метафоры тематической группы «Религия» (39 = 13,3 %⁶), становится ясно, что героиня портретных очерков – всегда чья-то *муза*⁷ (модель Лили Коул – *муза* Жана-Поля Готье). Более того, она – *богиня* («Певица Флоренс Уэлш стала *богиней* парижских подиумов»), *кумир* («Оперная певица Хибла Герзмава – *кумир* столичных модниц») – «предмет восхищения, поклонения»⁸ – и даже *истукан*⁹ – «языческий божок, статуя, идол»¹⁰. Героиня портретного очерка – *икона стиля*, на нее *молятся* – «беспрельдно любят, боготворят»¹¹ («Актриса Хлоэ Морец хочет стать *иконой стиля*», «На Жанну Дама уже *молится* весь модный Париж»).

Обожание кумиров принимает форму новой религии, молитва превращается в мольбу о возможности прикоснуться к идеальному глянцево-миру красоты, моды и успеха. Образ *иконы стиля* становится основополагающим для журнала, а метафора *молиться* в полной мере отражает ключевую задачу глянцево-журналистики – создавать идолов, за которыми будет следовать потребитель. Выражая и концепцию журнала, и взгляд автора, и ощущение самого читателя, эти метафоры приобретают символическое значение для мира глянца.

Следующая значительная тематическая группа метафор (далее – ТГМ) – группа «Война» (20 = 6,8 %). Хрупкая британская

модель Лили Коул *штурмом* берет голливудские холмы и обещает *взорвать* мир моды. Героини очерков *дерутся* за роль, *сражаются*, чтобы выйти из привычного амплуа, и даже имеют собственную *армию* поклонников; причем армия эта находится под предводительством женщины, а не мужчины. Героиня журнала обладает *бронебойными* амбициями и называет себя *раненной модой в самое сердце*. Для женщины «Vogue» мир – поле битвы, и из этой войны она выходит завоевательницей и победительницей.

Несмотря на то что прямое значение слов *заразительный, заразно* связано с болезнями, метафоры тематической группы «Здоровье, болезни, лекарства» (16 = 5,5 %) положительно характеризуют героинь очерков. Девушки с *заразительным* смехом умеют заставить смеяться других, а метафора *сумасшедшая* («крайне безрассудная, безумная»¹²) в контексте портретных очерков приобретает позитивные коннотации: «Я всегда была взбалмошной, немножко *сумасшедшей* девицей».

Женщины «Vogue» предстают перед читателем сильными, твердыми и независимыми личностями. Это можно проследить в ТГМ «Металлы и сплавы» (11 = 3,8 %). Модель Наталья Водянова называет себя *железным* человеком, спортсменка Наталья Ищенко – *железная* чемпионка, а актриса Маргарита Левиева – девушка со *стальным* характером.

Метафоры ТГМ «Огонь, процесс горения» (7 = 2,4 %) могли бы создать по-настоящему яркий образ творческого человека. Но они не только малочисленны, но и используются лишь для того, чтобы показать, как можно *зажигать* в свое удовольствие – но не «гореть работой». Творческая сила героини «Vogue» выражается в метафорических *бурях* и *ураганах* тематической группы «Явления природы и погода» (5 = 1,7 %). Поэтому спортсменка на корте – это *буря* и натиск, в рисунках у художницы – *ураган* образов, а личная жизнь актрис всегда *бурная* и постоянно меняющаяся.

Тем не менее ТГМ «Температура» (7 = 2,4 %) характеризует женщину как человека полного сил и страстного: у нее *горячее* сердце, *горячая* и живая душа, она распространяет *теплую* энергетику и *горячо* рассказывает о себе. Желание сиять («Виктория сияет от гордости»), блистать (модель Анастасия Хозисова «*блистала* на обложках журналов»), освещать все вокруг своим талантом выражено в ТГМ «Свет» (16 = 5,5 %). В ТГМ «Небесные тела» (6 = 2,0 %) женщина сравнивается с солнцем: так, у актрисы Наоми Уоттс *солнечный* характер. Метафора *звезда*, хоть и утратила образность, точно отражает «статус» героев портретных очерков журнала «Vogue».

Согласно многочисленной ТГМ «Движение» (39 = 13,0 %), героини портретных очерков – успешные и целеустремленные женщины: они готовы *взлететь* навстречу успеху и самореализации, *продвигают* молодые таланты и в состоянии *ринуться* в музыкальный диалог. А метафоры тематической группы «Пространство. Положение в пространстве» (4 = 1,4 %) показывают, что героини точно знают, как достичь желаемого: у них своя *траектория* и свой *путь* к успеху.

Чтобы удержаться в мире гламура на завоеванной позиции, необходимо иметь свое лицо – об этом говорит метафора *лицо* в ТГМ «Части тела» (10 = 3,4 %). Но ее использование обезличивает человека – его внешность и образ становятся не более чем рекламной фотографией.

Следует обратить внимание и на метафору *униформа* в ТГМ «Быт» (13 = 4,5 %). Облекая героинь в особую униформу и давая ей избыточные определения «стандартная», «привычная» («На Эллетре стандартная *униформа* моделей»; «На Наталье Водяновой привычная *униформа* модели»), автор портретного очерка подчеркивает унифицированность образа женщины-модели.

Законодатели моды и представители интеллектуальной элиты властвуют над читателями журнала: актриса Рейчел Вайс *царица* на вечеринках, спортсменка Анна Чичерова *царит* в магазинах – ТГМ «Власть» (4 = 1,4 %). А вот ТГМ «Семья» (1 = 0,3 %) в журнале практически не представлена: женщина-жена, женщина-мать в «Vogue» непопулярны.

В портретном очерке были выявлены и другие разнообразные группы метафор. Они являлись частями метафорической системы и входили в более крупные ТГМ, сопоставимые по своей структуре с целостной картиной мира – будто «мир в зеркале метафор». Эти тематические группы, ориентируясь на понятийную схему Р. Халлига и В. фон Вартбурга¹³, можно обозначить как «Человек», «*Вселенная*», «*Человек и вселенная*». Такая системность метафор свидетельствует о системности предлагаемого журналом взгляда на мир и о своего рода универсальности мира глянца, а также об «энциклопедическом» охвате действительности в исследуемых материалах.

С целью адекватного выражения эстетики гламура автор портретных очерков стремится к эффектности текста (*убийственно* высокие шпильки, *архетип* французской чувственности). Но следствием этого становится не столько выразительность метафор и образов в целом, сколько их претенциозность. За счет повторяемости общих смыслов метафора превращается в средство для создания «трафаретов» – образов-эталонов для подражания. При этом

в силу «унифицированности», «необразности» образа эти эталоны взаимозаменяемы: уйдет один кумир – и его место на страницах «Vogue» без труда займет другой.

Метафоры создают образ свободной, сильной, эмансипированной женщины. Женскому «Vogue» выгодно представлять женщину успешной и независимой: читательницы хотят видеть себя таковыми.

Впрочем, транслируемый в сознание читателя образ нереалистичен и заведомо недостижим. С помощью метафор автор рисует идеальный портрет женщины, забывая или сознательно не желая помнить о том, что любая женщина с глянцевого обложки – в первую очередь живой человек со всеми своими недостатками и проблемами. Глянec создает и постоянно увеличивает пропасть между окружающими нас женщинами и предлагаемым образом, оставляя читателя во фрустрированном состоянии: обычный человек не станет картинкой на глянцевой странице, идеала достигнуть невозможно. Но к нему можно «прикоснуться» – через любимый журнал. Глянцевый журнал приобретает характер социально значимого проекта, но содержательность этого проекта мнимая, материалы зачастую поверхностны – в частности, из-за трафаретности передаваемых метафорой смыслов и унифицированности образов.

Примечания

- ¹ Морев Г. «Vogue – это не только журнал. Это эстетика бытия»: Алена Долецкая о легендарном brand name и его поэтике // Критическая масса. 2004. № 4. С. 56–64.
- ² Тертыйный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 46.
- ³ Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 113.
- ⁴ Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. С. 73.
- ⁵ «Образная метафора (субстантивная, адъективная и глагольная) наиболее устойчива. Переход метафоры к осуществлению вторичной для нее функции номинации исключает семантическую дуплановость, т. е. ведет в конечном счете к гибели метафор» (Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 366). Было решено исследовать только образные метафоры еще и потому, что задача портретного очерка – создать образ человека и донести этот образ до читателя.

- ⁶ Цифры в круглых скобках показывают, сколько метафор из отобранных для анализа входит в данную тематическую группу.
- ⁷ Здесь и далее метафоры, обнаруженные в анализируемых портретных очерках, выделены в тексте статьи курсивом.
- ⁸ Именно так в «Толковом словаре русского языка» определяется переносное значение слова «кумир». См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 314.
- ⁹ Прямое значение слова «кумир» поясняется через слово «истукан» (Там же).
- ¹⁰ Так толкуется значение слова «истукан» (Там же. С. 256).
- ¹¹ Так описывается метафорическое значение глагола «молиться» (Там же. С. 362).
- ¹² Там же. С. 779.
- ¹³ *Hallig R., Wartburg W.* Begriffssystem als Gruendlage fuer Lexigraphie. Berlin, 1963. Понятийная схема Р. Халлига и В. фон Варгбурга дана в кн.: *Морковкин В.В.* Идеографические словари. М.: МГУ, 1970. С. 71.

ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТНОЙ ТОЧНОСТИ В РЕЧИ СПОРТИВНЫХ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТОВ (на материале канала «Россия-2»)

В статье анализируется коммуникативный аспект культуры речи. Рассматривается вопрос о значении точности речи для достижения эффективности коммуникации, а также о причинах и последствиях нарушения предметной точности в речи спортивных тележурналистов.

Ключевые слова: культура речи, коммуникативный аспект, предметная точность, спортивная журналистика.

Максимальная эффективность общения, адекватное восприятие речевой деятельности журналистов аудиторией достигаются прежде всего при соблюдении ими языковых норм. Но для удовлетворения потребностей коммуникации этого недостаточно. Языковая норма не затрагивает отношения речи к действительности, обществу, сознанию, поведению людей. Следовательно, не менее важным качеством культуры речи является коммуникативная целесообразность, т. е. умение находить адекватную форму для выражения конкретного содержания в каждой реальной ситуации речевого общения.

«Речевое мастерство в отличие от правильности речи – это не только следование нормам литературного языка, но и умение выбирать из существующих вариантов наиболее точный в смысловом отношении, стилистически уместный, выразительный, доходчивый и т. п.»¹. Таким образом, речь культурного, образованного, эрудированного человека непременно должна быть точной.

Точность речи мы вслед за Б.Н. Головиным² и другими исследователями понимаем как «коммуникативное качество, формируемое на основе связи речи с действительностью и мышлением и осознаваемое через соотнесение семантики речи с выражаемой и формируемой речью информацией»³.

Обеспечивается точность речи умелым выбором нужного слова, внимательным отношением к построению синтаксических конструкций. Кроме того, речь должна быть четкой и ясной, в противном случае возникает двусмысленность и противоречивость высказывания.

Благодаря точности успешно реализуются коммуникативные намерения автора текста и находит подтверждение такой «критерий хорошей речи»⁴, как ее понятность адресату, не допускающая приблизительного или двоякого толкования.

Характеризуя точность как одно из достоинств речи, Б.Н. Голвин прослеживает ее связь с действительностью, с одной стороны, и с мышлением – с другой, и различает точность предметную и понятийную⁵. Незнание предмета вызывает речевые неточности, что мешает общению. Мысль, неясная для самого субъекта речи, не может быть выражена точно. В некоторых справочниках также предлагается рассматривать точность предметную и понятийную⁶.

В данной статье исследуются случаи нарушения коммуникативных принципов культуры речи, проявляющиеся в неточности высказываний спортивных тележурналистов.

Адресату не всегда легко распознать нарушение предметной точности. Речь журналиста может быть грамматически, лексически и синтаксически правильной, разнообразной, уместной, выразительной и логичной. Читатель или слушатель должен обладать широкой эрудицией, чтобы самостоятельно обнаружить в высказывании журналиста нарушения принципов предметной (фактической) точности.

Рассмотрим примеры из медиатекстов.

«Для Уши Дизль это родные места – Хохфильцен» (биатлон, Россия-2, 08.12.2012). Хохфильцен находится в Австрии, а Уши Дизль – из Германии.

«Пайффер говорит как диктор центрального немецкого телевидения» (биатлон, Россия-2, 28.11.2013). В ФРГ нет центрального телевидения. Вероятно, журналист имел в виду Первую (ARD) или Вторую (ZDF) программу телевидения Германии.

«Вторую четверть кубинцы уступили» (Большой Спорт, Россия-2, 14.12.2013). Команда «Локомотив Кубань» – из Краснодарского края, следовательно, надо говорить «кубанцы».

«Главное в матче с царем природы – львом – не пропустить» (хоккей, Россия-2, 22.04.2014). Нарушена устойчивость фразеологической единицы путем замены ее компонента: лев – «царь зверей».

«Еще несколько шагов, и мордовский спортсмен войдет на территорию главной спортивной арены» (Большой Спорт, Россия-2,

11.08.2013). На стадионе в Лужниках такой арены нет, есть Большая спортивная арена.

«Спортсмены сборной Бразилии становятся первыми в мире чемпионами в этом виде» (плавание, Россия-2, 04.12.2014). Журналисту следовало иначе построить фразу, устранив ее двусмысленность, и подчеркнуть, что до этого бразильские спортсмены в данном виде не побеждали.

«В Ханты-Мансийске завершилась женская эстафета. Первое место заняла команда из Новосибирска» (биатлон, Россия-2, 01.04.2014). Победила в женской эстафетной гонке команда из Новосибирской области. Между городской и областной командами есть принципиальная разница.

«“Шинник” во втором туре переиграл “Металлург-Кузбасс” из Красноярска» (футбол, Россия-2, 22.08.2012). Футбольный клуб с таким названием никак не может в силу географических причин иметь прописку в Красноярске, на самом деле команда – из Новокузнецка.

«Два промаха – обескураживающее начало. Сразу же в режиме он-лайн добавляется одна минута» (биатлон, Россия-2, 13.02.2013). В индивидуальной биатлонной гонке одна штрафная минута добавляется за один промах.

«Состояние Волкова объясняется усталостью после гонок, проведенных на чемпионате мира» (биатлон, Россия-2, 23.02.2013). Это субъективная точка зрения, так как из шести гонок с участием мужчин Волков бежал лишь одну.

«Он не скрывает своих крайне левых убеждений, является монархистом, у него татуировка в виде серпа и молота» (смешанные единоборства, Россия-2, 07.01.2014). Такой перечень несовместимых политических взглядов спортсмена свидетельствует о незнании журналистом форм государственного устройства. Монархист – приверженец политического направления, имеющего целью установление и сохранение монархии – формы правления, при которой государственная власть полностью или частично сосредоточена в руках монарха. Как это согласуется с «крайне левыми убеждениями» и симпатиями к серпу и молоту, объяснить сложно.

«У австрийцев состав, который не меняется от эстафеты к эстафете» (биатлон, Россия-2, 19.01.2014). Это не соответствует действительности. В этом сезоне впервые в эстафете участвовал Пинтер, ранее всегда выступал Мезотич.

«Владислав Третьяк только что отметил свое шестидесятилетие. Был большой праздник в Москве» (хоккей, Россия-2, 24.01.2014). Для истории два года – срок небольшой, но позво-

лим напомнить, что прославленный вратарь родился 20 апреля 1952 г.

«Ревва не мог быть олимпийским чемпионом, потому что Олимпиады тогда не проводились» (волейбол, Россия-2, 28.01.2014). Олимпийские игры проводились и в более ранний период, но во время спортивной карьеры Реввы волейбол не входил в олимпийские виды спорта.

«Во второй партии будут подавать только москвички» (волейбол, Россия-2, 31.01.2014). Утверждение неверно и противоречит правилам игры. Игроки одной из команд находятся на подаче до тех пор, пока не проиграют очко. Чисто гипотетически вероятность ввода мяча в игру только одной командой существует, но на профессиональном уровне нереализуема.

«Сивожелезу 35 лет. Можно сказать, на пике своих физических возможностей» (волейбол, Россия-2, 28.01.2014). Евгений Сивожелез родился в 1986 г., следовательно, в 2014-м он никак не мог отпраздновать свое 35-летие.

«Есть еще шансы в бобслее-четверках, где представители таких прекрасных областей, как Иркутская и Мордовия» (шорт-трек, Россия-2, 21.02.2014). Журналист незнаком с административно-территориальным делением Российской Федерации. Согласно Конституции РФ, следует говорить Республика Мордовия.

«Когда вы приехали в НХЛ в 1998 году, что вас больше всего удивило как советского парня?» (хоккей, Россия-2, 07.01.2013). Советский Союз распался в 1991 г., и возникшую в связи с этим неточность следовало ликвидировать, скажем, изменением конструкции на «как спортсмену, родившемуся и выросшему в СССР».

«Асташенков – игрок достаточно опытный, в национальной команде поиграл» (волейбол, Россия-2, 27.04.2014). Это совершенно неверно, Антон Асташенков никогда не выступал за сборную России.

«А мне остается напомнить, как сборная Сербии, еще будучи сборной Югославии, играла против Бразилии» (футбол, Россия-2, 06.06.2014). Это утверждение политически некорректно. Неправоммерно ставить знак равенства между сборными Югославии и Сербии. Нет никаких оснований говорить о какой-либо преемственности. Новая политическая реальность вызвала к жизни новые суверенные государства, появившиеся на карте мира после распада Югославии, и Сербия – лишь одно из них.

«Ирак и Египет чаще встречаются, хорошо друг друга знают, территориально близко расположены, обе – азиатские страны» (волейбол, Россия-2, 03.09.2014). Нарушение фактической (пред-

метной) точности журналистом налицо, так как Египет расположен на африканском континенте.

Приведенные примеры подтверждают наше предположение о том, что наличие календаря спортивных мероприятий вовсе не гарантирует тщательной подготовки журналистов к освещению спортивных состязаний.

Точность предполагает достоверность спортивной информации, ее однозначность и недвусмысленность. Приводимые примеры иллюстрируют непреднамеренное нарушение точности речи, объясняющееся заблуждением адресанта. Это, однако, не оправдывает тех, кто допускает подобные ошибки, поскольку свидетельствует о безответственном подходе к выполнению ведущей функции СМИ – функции объективного информирования. В различных функциональных стилях допустим неодинаковый уровень точности высказывания. В публицистическом стиле наряду с научным, где точность относится к важнейшим качествам речи, требования наиболее высоки, так как большинством аудитории информация в СМИ воспринимается как объективное отражение реальности.

«Спортивный журналист должен проверять все составляющие новости, т. е. именно он и никто другой отвечает за правильность фактов, цитат, ссылок, названий команд, фамилий, наличия титулов» – убежден А.А. Алексеев⁷.

Нарушение предметной точности представляет собой искажение фактов и может быть обусловлено незнанием предмета речи, небрежностью в обращении с информацией, поверхностными суждениями, неверной интерпретацией явлений действительности.

Продемонстрированное в рассмотренных высказываниях отсутствие компетентности приводит к затруднению восприятия информации аудиторией и, кроме того, снижает престиж профессии спортивного комментатора. «Каждый журналист, – отмечает В.В. Ворошилов, – выполняя свой профессиональный долг, обязан отвечать на требования, предъявляемые к журналистике, своим творчеством, достоверными, объективными публикациями, которые никто не смог бы опровергнуть»⁸.

Примечания

¹ Русский язык: Энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1979. С. 119–121.

² Головин Б.Н. Основы культуры речи. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1988. С. 128.

³ Дускаева Л.Р., Которова М.П., Протопопова О.В. Точность речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 556.

- ⁴ *Сиротинина О.Б.* Основные критерии хорошей речи [Электронный ресурс] // ГРАМОТА.РУ. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_139 (дата обращения: 12.02.2015).
- ⁵ *Головин Б.Н.* Указ. соч. С. 128.
- ⁶ *Дускаева Л.Р., Котюрова М.П., Протопопова О.В.* Указ. соч. С. 556.
- ⁷ *Алексеев А.А.* Спортивная журналистика. М.: Юрайт, 2013. С. 303.
- ⁸ *Ворошилов В.В.* Журналистика. 6-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2009. С. 298.

Библиография

М.П. Одесский

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: RUSSIAN LITERATURE.

2014. Vol. LXXVI – I/II/III/IV:

1 January – 15 May 2014. SPECIAL ISSUE:

18th-CENTURY LITERATURE. Amsterdam. 612 p.

Номера научных журналов не принято рецензировать в качестве единого целого, и справедливо. Но данный случай особый. «Счетверенный» 76-й том авторитетного славистического журнала «Russian Literature» представляет собой специальный выпуск объемом в 612 страниц, который полностью посвящен русской литературе XVIII в. и составлен «приглашенным редактором» – Иоахимом Клейном. Клейн – известный филолог-славист (на русском языке имеются написанные им сборник статей «Пути культурного импорта», 2005; монография по истории русской литературы XVIII в. «Русская литература в XVIII в.», 2010), и это имя можно квалифицировать как гарант качества. В специальный выпуск журнала включено 25 статей ученых из разных стран, Россию предсказуемо представляет петербургская школа (Н.Ю. Алексеева, П.Е. Бухаркин, Н.Д. Кочеткова, С.И. Николаев и другие). По словам приглашенного редактора, «некоторые темы чаще представлены, чем другие, – русская религия XVIII века и панегирическая литература как аспект культа русской монархии», но «главный интерес этого сборника заключается в его тематическом разнообразии». Действительно, выпуск «Russian Literature» дает возможность ознакомиться с тем, что специалисты сейчас думают и пишут о русской литературе XVIII в. Учитывая тему нашей серии – «Журналистика. Литературная критика», целесообразно подробнее остановиться на статье Аллы Койтен «К истории русских и немецких *Примечаний к Ведомостям* (1728–1742)» (С. 265–304).

Академическому петербургскому журналу «Примечания к Ведомостям» не повезло в отечественной науке о журналистике, где «история его известна лишь в самом грубом приближении» (см. обзор суждений в статье А.Г. Готовцевой в настоящем номере).

Объективная причина подобного невезения – необходимость (несколько спутывающая исследователей) принимать во внимание – наряду с русской – немецкую версию журнала как равноправную единицу отечественной журналистики. Но присутствует и причина, так сказать, субъективная. Журналом фактически руководил немец Иоганн Даниэль Шумахер (1690–1761), который долгое время фактически управлял и всем аппаратом Академии наук (при сменяющихся президентах Академии), который жестко конфликтовал на этом поле с М.В. Ломоносовым и закономерно превратился в негативную фигуру русской истории. По мнению автора статьи, Шумахер действительно представлял собой тип не столько ученого, сколько политика (политикана) от науки, но это никак не мешало (способствовало?) его функционированию в роли эффективного менеджера. В частности, благодаря его энергии, контактам с тогдашними русскими и немецкими представителями академической среды журнал был создан, организован и успешно развивался. Более того, прекращение выпуска журнала А. Койтен объясняет сложностями (временными), с которыми столкнулся Шумахер после восшествия на трон императрицы Елизаветы, когда противники попытались отстранить его от дел, обвиняя в отсутствии русского патриотизма. В круг ближайших сотрудников и собеседников Шумахера входили историк Г.Ф. Миллер, впоследствии поссорившийся с ним и вообще отбывший в многолетнюю научную экспедицию, а также В.Е. Адогуров и В.К. Тредиаковский, деятельность которых принято ныне считать основополагающей для формирования новой классицистической литературы и нового литературного языка.

Жанровую традицию, на которую ориентировались Шумахер и его сотрудники-интеллектуалы, А. Койтен видит в типе европейского (в частности, немецкого) историко-политического журнала второй половины XVII–XVIII вв., который обыкновенно издавался в качестве дополнения к газете и служил посредником между ученым миром и широким читателем. Соответственно еженедельные «Примечания к Ведомости» издавались Академией – при газете «Санкт-Петербургские ведомости» (курировались Академией же), а ключевое слово в титуле – «Примечания» – следует понимать в качестве аналога привычных терминов «Anmerkungen», «Remarques», которые фигурировали в названиях европейских журналов.

В середине XVIII в. в России придет пора нового типа журнала – «моральных еженедельников», воспроизводящих английские образцы Р. Стиля и Дж. Аддисона. Классическими примерами станут в 1760-х годах журналы Екатерины II и Н.И. Новикова, но ан-

глийские «моральные журналы» произвели европейскую сенсацию еще в начале столетия, и переводы отдельных материалов из них попадали на страницы «Примечаний». А. Койтен считает, что появлением этих материалов «Примечания» обязаны Миллеру (пока он сотрудничал в журнале), но вместе с тем подчеркивает, что их литературное значение не было доминирующим.

Итак, статья А. Койтен позволяет по-новому взглянуть на «Примечания к Ведомостям», прилагая к истории русской журналистики первой трети XVIII в. те подходы, которые уже стали привычными при анализе, например, истории литературного языка или одического жанра.

Abstracts

O. Afanasieva

THE “RUSSIAN IDEA” CONCEPT IN I.A. ILYIN PUBLICISTIC WRITINGS (AS EXAMPLIFIED IN MATERIALS OF “OUR MISSION” BULLETIN)

The article considers culturological aspect of “Russian idea” concept, one of the key concepts in I.A. Ilyin publicistic writings. That concept seems unthinkable to the author of “Our mission” out of the context of three esprit laws, of the three fundamental principles of human life and culture such as liberty, love and thingness.

Key words: I.A. Ilyin, “Our mission”, “Russian idea” concept, esprit laws, the liberty, love, thingness.

S. Araslanova

IMAGE OF A WOMAN IN A METHAPOR MIRROR (BASED ON PORTRAIT ESSAYS PUBLISHED IN RUSSIAN VERSION OF “VOGUE” MAGAZINE)

Basing on the research of methapors’ theme groups author reveals the characteristic of modern woman’s image set by glossy magazine. Portrait essays in globally recognized fashion and lifestyle “Vogue” magazine were used as a material for the study.

Key words: metaphor, portrait essay, glossy magazine, “Vogue” magazine, image of a woman.

E. Basovskaya

ABOUT THE IMPLICATION OF A WORD STRESS (FROM THE HISTORY OF THE NEWSPAPER POLEMICS IN THE USSR OF THE LATE 1930s)

The article based on archival materials deals with the history of the controversy about the “purity of a language” deployed in 1939 on the pages of “Literaturnaya Gazeta” between writer F. Gladkov and

philologist D. Ushakov. The author reveals the ideological subtext of the discussion about orthoepy, analyses the essence of the mask of “man of the people” used by F. Gladkov and demonstrates the validity of antipurist position of D. Ushakov.

Key words: propaganda, “purity of a language”, orthoepy, “Literaturnaya Gazeta”, F. Gladkov, D. Ushakov.

Yu. Bit-Yunan

V. GROSSMAN'S “EVERYTHING FLOWS...” AS REVIEWED
BY THE RUSSIAN EMIGRANT CRITICS OF THE 1970–1980s

The article considers specifics of the Grossman's story reflection in Russian emigrant press and concludes that “Everything flows...” was only regarded as a political essay. Particular attention is drawn to the controversy among the reviewers and to the range of issues raised in the dispute.

Key words: V. Grossman, “Everything flows...”, Russian emigrant criticism, A. Stolypin, D. Shturman, A. Solzhenitsin, Sh. Markish.

E. Brodskaya

THE FORBIDDEN MOVIE: “INTERVENTION”
BY G.I. POLOKA IN SOVIET MASS MEDIA
AND THE DOCUMENT OF CPSU

The article studies the phenomenon of so called “shelved movies”. “Intervention” was supposed to be released by the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution. Its filming coincided with tragic events of 1968 in Czechoslovakia. The movie did not pass the barrier of censorship and was shelved for almost 20 years. There is an analysis of Soviet publications before the intended release (in 1967) and after it (in 1987). The article also shows, how it happened that an apology of revolution was seen as practically anti-Soviet piece of art, and how in fact it was achieved.

Key words: Soviet society, Soviet mass media, myth, censorship, “shelved movies”, revolution, anniversary.

D. Burygin

THE PROBLEM OF ATTITUDE TOWARDS
SOVIET POWER IN RUSSIAN ÉMIGRÉ
PUBLICISM OF 1945

The article covers public discussion that took place after the end of the II World War in Russian anti-Soviet émigré community. The deep contrariety between two émigré centers – Paris and New York – is being analysed as well as its original matter – the visit of Russian émigré group led by V.A. Maklakov to the Soviet embassy and the scandal this event aroused. The author of the article concludes that Russian émigré community was torn apart with deep dissent regarding its relation to the Soviet government. Although this dissent had different motives it reflected the change in the life of émigré community after the II World War.

Key words: V.A. Maklakov, A.M. Bogomolov, M.A. Aldanov, A.I. Konovalov, A.F. Kerenskiy, V.V. Nabokov, “The New Review”.

A. Gotovtseva

“BY REVELATION OF NATURAL THINGS”: PROGRESS
OF THE NATURAL-SCIENCE KNOWLEDGE IN RUSSIA
OF THE MIDDLE OF THE XVIIIth CENTURY
AND RUSSIAN JOURNALISM (“MONTHLY WORKS,
USING TO BENEFIT AND ENTERTAINMENT” MAGAZINE)

The author of the article considers materials of the Russian Academy of Sciences magazine “Monthly works, using to benefit and entertainment” which was devoted to natural sciences. The article shows how Russian science of the XVIII century was included in European context and how Russian-European connections were elucidated on the pages of the magazine in question.

Key words: “Monthly works, using to benefit and entertainment”, Russian-French literary connections, Carl Linnaeus, George-Louis Leclerc Buffon, natural history, Russian-European scientific connections.

Ya. Kanevskaya

PRAGMATIC POTENTIAL OF NEGATIVE
CONSTRUCTIONS IN PUBLICISTIC TEXT
(BY “KOMMERSANT – VLAST” MAGAZINE)

In this article the pragmatic potential of negative constructions used with particle “not” is analysed by the material of weekly political magazine “Kommersant – Vlast”. The aim of the research is to define correlation between pragmatic task, fulfilled by a journalist, and the type of negative construction.

Key words: pragmatic potential, negative constructions, publicistic text, “Kommersant – Vlast”.

D. Karataev

“THE OGONYOK” LEGEND: NOTES ON THE POLITICAL
ESSAYS OF THE FIRST “PERESTROIKA” YEARS

The article examines the history of the periodical during the “perestroika”, under the editorship of V.A. Korotich. The author proves that in spite of the widespread opinion regarding the editorial policy, the latter remained unchanged until 1987.

Key words: V.A. Korotich, the magazine “Ogonyok”, “perestroika”, N.S. Gumilyov, the problems of youth, M.S. Gorbachev, “glasnost”, “Pravda”.

E. Kolesnikova

“WOMEN’S ISSUE” IN THE P.D. BOBORYKIN’S
MAGAZINE “BIBLIOTEKA DLYA CHTENIYA”

The article tells us about the way in which the “women’s issue” was viewed in P.D. Boborykin’s “Biblioteka dlya Chteniya” magazine. This “issue” was related to the women’s position in society, her fight for equal rights and opportunities.

Key words: P.D. Boborykin, “Biblioteka dlya Chteniya” magazine, women’s issue, N.G. Chernyshevsky.

P.P. Lebedev

THE OBJECTIVE EXACTNESS IN SPORTS TV-JOURNALISTS' SPEECH (BY THE MATERIAL OF TV CHANNEL "RUSSIA-2")

The article is devoted to the analysis of speech standard communicative aspect. The importance of the speech exactness for reaching the effectiveness in the communication is studied. The reasons of trespassing the rules of objective exactness in sports journalists' speech are considered. The author reveals consequences of the speech inaccuracy in media discourse.

Key words: speech standard, communicative aspect, exactness of speech, B.N. Golovin, objective exactness, sports journalistic.

N. Makarova, V. Yarnykh

MASTER-PROGRAMS IN JOURNALISM AS A WAY OF FORMATION OF PROFESSIONAL IDENTITY

The article is devoted to the development of master's programs in the Russian State University for the Humanities on the specialty "Journalism". In the context of the modern media system the boundaries between the communication areas of training are erased. Master's programs are considered as a possible method of formation of professional identity.

Key words: media education, master programs, professional identity, competence approach, media communications.

D. Nerents

SPECIFICS OF INVESTIGATIVE JOURNALISM IN THE UNITED STATES

In the history of investigative journalism loudest and most resonant investigations were always the materials about the exposure of major financial figures and politicians that had an impact on the society. Thanks to one investigation which lasted for more than 25 years, the United States could protect the people from negative effects of tobacco confirming the fact that investigators can really protect citizens' rights and improve the living conditions of many people.

Key words: investigative journalism, tobacco industry, protection of society, freedom of speech, exposure.

D. Scherbakov

INTERPRETATION OF N.G. CHERNYSHEVSKY'S LITERARY REPUTATION IN INTERNET PUBLICATIONS

The article reviews various types of online editions such as online resources for reading enthusiasts and online libraries. User publications and comments on the works by N.G. Chernyshevsky are analysed. A conclusion is made that the novel "What is to be done?", despite the recent decline of studying it in schools, is still a very well-known book. In the article the author also proposes and uses the full text search in online libraries as a method to study writer's citation index.

Key words: N.G. Chernyshevsky, "What is to be done?", "Imhonet", "Lib.ru", "Maksim Moshkov's Library", "Flibusta", "LiveLib", "Bolshoj Gorod", "100 greatest books of all time list".

D. Varlamova

THE THEME OF WOMEN'S LABOUR IN THE JOURNAL "EPOCHA" BY F.M. AND M.M. DOSTOEVSKY

The article deals with the publication of the journal of F.M. and M.M. Dostoevsky "Epocha" devoted to women's labour. Through the prism of women's labour authors of the journal consider the pressing question of women's emancipation. They support the desire of women for independence, however, insist that the path to women's liberation will be long and difficult because of the unpreparedness of the Russian society in the 1860s to such a new phenomenon as a separate and independent woman.

Key words: journalism, women's issues, women's emancipation, employment, F.M. Dostoevsky, the magazine "Epocha".

Wang Kai Yu

MORE ON THE EARLY KIEV SOCIAL AND POLITICAL JOURNALISM OF M.E. KOLTSOV

This article is about the Kiev social and political journalism of M.E. Koltsov. The factors by which the journalist had to hide his activities in Kiev in 1918 were analysed. Koltsov's article during Kiev period "In the

camp of Petlyura” that has never been introduced into academic circles so far is now published.

Key words: M.E. Koltsov, hetman P.P. Skoropadskiy, S.V. Petlyura, the newspaper “Vecher”.

Yu. Yakovleva

PSEUDONYM AS THE EXPRESSION TOOL IN PRESS POLEMIC OF THE 1920s

The article considers the practice of pseudonyms use in media polemic in twentieth years of XXth century. The author pays main attention to expression part of the fictional name choice and its perception by opponents. Language game with pseudonyms of literary opponents is one of the types of speech aggression manifestation during journalist discussions.

Key words: pseudonym, polemic, expression, opponent, language game, speech aggression.

A. Zherebnov

A.E. IZMAYLOV AND HIS MAGAZINE “BLAGONAMERENNIY” IN THE MAGAZINE CONTROVERSY OF THE 1820s

The article is about the controversy, led by the A.E. Izmailov’s magazine “Blagonamerenniy” with the editor of the magazine “Nevsky zritel” W.K. Kuchelbecker. The controversy quickly escalated into personal insults. In the end, the relationship between Izmailov and Kuchelbecker was torn apart and the “Blagonamerenniy” ceased to be used by Kuchelbecker’s friends for publications.

Key words: A.E. Izmaylov, W.K. Kuchelbecker, N.F. Ostolopov, “Blagonamerenniy”, “Nevsky zritel”.

Сведения об авторах

Арасланова Софья Александровна – ведущий специалист пресс-службы Центра международной торговли, выпускница факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, araslanova_s@yahoo.com

Афанасьева Ольга Максимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, olga.afanacieva@mail.ru

Басовская Евгения Наумовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, jeni_ba@mail.ru

Бит-Юнан Юрий Геваргисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, bityunan@gmail.com

Бродская Евгения Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, eugenia.brodskaya@gmail.com

Бурьгин Даниил Валерьевич – аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, d.v.burygin@gmail.com

Ван Кай Ю – аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, dwapolak@hotmail.com

Варламова Дарина Валерьевна – соискатель кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, darinatiko@yandex.ru

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, brunhilda@yandex.ru

Жеребнов Антон Андреевич – аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, a.zherebnov@gmail.com

Каневская Яна Евгеньевна – аспирант кафедры медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, miss.kanewsckaya@yandex.ru

Каратаев Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, dm_karataev@mail.ru

Колесникова Елена Витальевна – аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, i_koliesnikova@inbox.ru

Лебедев Павел Павлович – аспирант и преподаватель кафедры медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, lebedevp-rggu@yandex.ru

Макарова Наталия Яковлевна – кандидат педагогических наук, декан факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, rsuh.makarova@gmail.com

Неренц Дарья Валерьевна – аспирант Центра экономики и социологии медиарынка факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, ya.newlevel@yandex.ru

Одесский Михаил Павлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, modessky@mail.ru

Щербakov Дмитрий Андреевич – аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, scherbakov.dmitri@gmail.com

Яковлева Юлия Владимировна – аспирант кафедры медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, yak112@inbox.ru

Ярных Вероника Игоревна – кандидат экономических наук, доцент кафедры телевизионных, радио- и интернет-технологий факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, член-корреспондент МАНЭБ, vyarnykh@gmail.com

General data about the authors

Afanasieva Olga M. – Ph.D. in Philology, associate professor, Department of Media Discourse, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, olga.afanacieva@mail.ru

Araslanova Sofia A. – leading specialist, press-service, World Trade Center, graduate, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, araslanova_s@yahoo.com

Basovskaya Evgeniya N. – Dr. in Philology, associate professor, head, Department of Media Discourse, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, jeni_ba@mail.ru

Bit-Yunan Yury G. – Ph.D. in Philology, associate professor, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, bityunan@gmail.com

Brodskaya Eugenia V. – Ph.D. in Philology, associate professor, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, eugenia.brodskaya@gmail.com

Burygin Daniil V. – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, d.v.burygin@gmail.com

Gotovtseva Anastasiya G. – Dr. in Philology, professor, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, brunhilda@yandex.ru

Kanevskaya Yana E. – postgraduate student, Department of Media Discourse, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, miss.kanewsckaya@yandex.ru

Karataev Dmitry S. – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, maildm_karataev@mail.ru

Kolesnikova Elena V. – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, i_koliesnikova@inbox.ru

Lebedev Pavel P. – postgraduate student, lecturer, Department of Media Discourse, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, lebedevp-rggu@yandex.ru

Makarova Nataliya Ya. – Ph.D. in Pedagogics, dean, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, rsuh.makarova@gmail.com

Nerents Darya V. – postgraduate student, Research and Training Centre for Economics and Sociology of Mediamarket, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, ya.newlevel@yandex.ru

Odessky Mikhail P. – Dr. in Philology, professor, head, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, modessky@mail.ru

Scherbakov Dmitry A. – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, scherbakov.dmitri@gmail.com

Varlamova Darina V. – applicant, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, darinatiko@yandex.ru

Wang Kai Yu – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, dwapolak@hotmail.com

Yakovleva Yulia V. – postgraduate student, Department of Media Discourse, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, yak112@inbox.ru

Yarnykh Veronika I. – Ph.D. in Economics, associate professor, Department of Television, Radio and Internet-technologies, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, vyarnykh@gmail.com

Zherebnov Anton A. – postgraduate student, Department of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, a.zherebnov@gmail.com

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Н.К. Егорова*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 10,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 128

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

